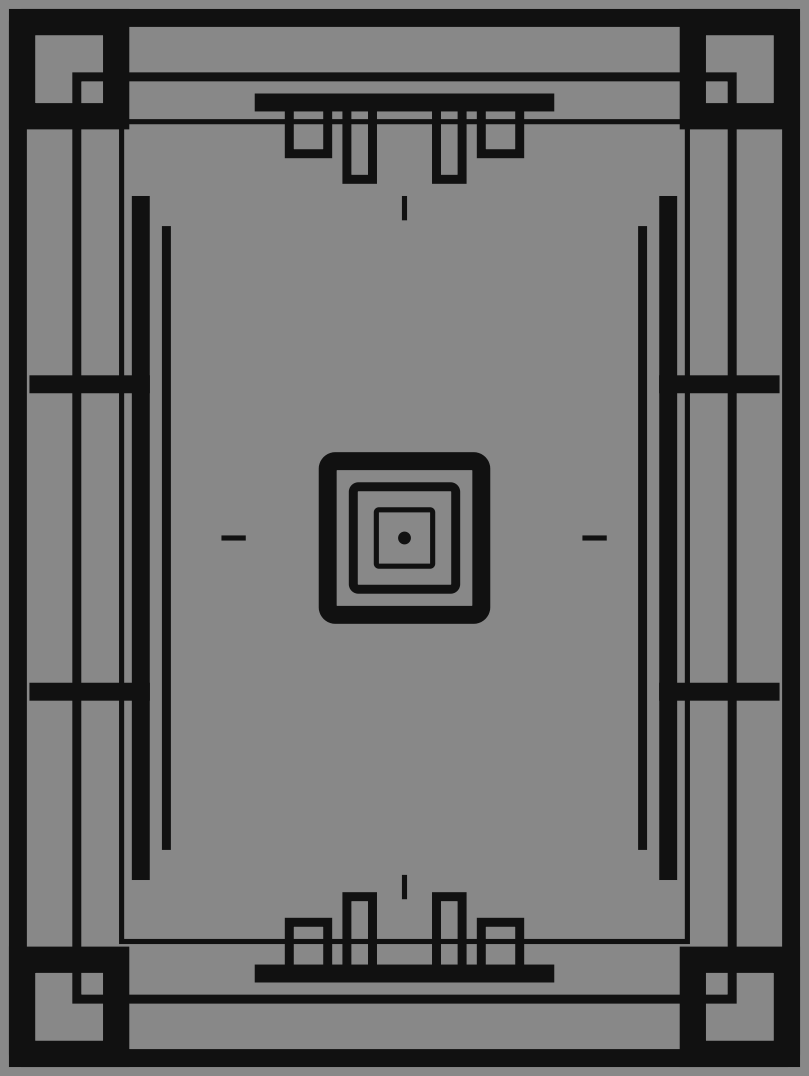

АЭЛИТА (Закат Марса) [ранняя версия романа]

Алексей Николаевич Толстой

Аннотация
Алексей Толстой. АЭЛИТА (Закат Марса). Роман
- СТРАННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ
- В МАСТЕРСКОЙ ЛОСЯ
- СПУТНИК
- БЕССОННАЯ НОЧЬ
- ТОЮ ЖЕ НОЧЬЮ
- ОТЛЕТ
- В ЧЕРНОМ НЕБЕ
- СПУСК
- МАРС
- ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ
- ЗАКАТ
- ЛОСЬ ГЛЯДИТ НА ЗЕМЛЮ
- МАРСИАНЕ
- ПО ТУ СТОРОНУ ЗУБЧАТЫХ ГОР
- СОАЦЕРА
- В ЛАЗОРЕВОЙ РОЩЕ
- ОТДЫХ
- ТУМАННЫЙ ШАРИК
- НА ЛЕСТНИЦЕ

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ АЭЛИТЫ
СЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ
УТРО АЭЛИТЫ
ВТОРОЙ РАССКАЗ АЭЛИТЫ
ГУСЕВ НАБЛЮДАЕТ ГОРОД
ТУСКУБ
ЛОСЬ ОСТАЕТСЯ ОДИН
ЧАРЫ
ДРЕВНЯЯ ПЕСНЯ
ЛОСЬ ЛЕТИТ НА ПОМОЩЬ ГУСЕВУ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУСЕВА ЗА ИСТЕКШИЙ ДЕНЬ
ПОВОРОТ СОБЫТИЙ
КОНТР-АТАКА
ЛАБИРИНТ ЦАРИЦЫ МАГР
ХАО
БЕГСТВО
НЕБЫТИЕ
ЗЕМЛЯ
ГОЛОС ЛЮБВИ

Аннотация

Без сомнения, все любители фантастики, в нашей стране, знают этот роман Алексея Толстого, рассказывающий о путешествии инженера Лося и красноармейца Гусева на Марс. А трагическая любовь Лося и Аэлиты является, наверно, самой романтичной историей в отечественной фантастике.

Впервые роман был напечатан в журнале «Красная новь» в 1922-23 гг. Для последующих публикаций, в текст было внесено большое количество изменений и правок, как идеологического, так и чисто стилистического плана. Некоторые моменты были адаптированы для детской читательской аудитории.

Предлагаем Вашему вниманию первоначальную версию романа. Теперь каждый может сравнить тексты и решить какая версия лучше.

Алексей Толстой
АЭЛИТА (Закат Марса)
Роман

СТРАННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

В четыре часа дня, в Петербурге, на проспекте Красных Зорь, появилось странное об'явление, — небольшой, серой бумаги листок, прибитый гвоздиками к облупленной стене пустынного дома.

Корреспондент американской газеты, Арчибальд Скайльс, проходя мимо, увидел стоявшую пред об'явлением босую, молодую женщину, в ситцевом, опрятном платье, — она читала, шевеля губами. Усталое и милое лицо женщины не выражало удивления, — глаза были равнодушные, ясные, с сумасшедшинкой. Она завела прядь волнистых волос за ухо, подняла с тротуара корзинку с зеленью и пошла через улицу.

Об'явление заслуживало большого внимания. Скайльс, любопытствуя, прочел его, придвинулся ближе, провел рукой по глазам, перечел еще раз:

— Twenty three, — проговорил он, наконец, что должно было означать: "Чорт возьми меня с моими костями".

В об'явлении стояло:

"Инженер, М. С. Лось, приглашает, желаю-

щих лететь с ним 18 августа на планету Марс, явиться для личных переговоров от 6 до 8 вечера. Ждановская набережная, дом 11, во дворе".

Это было написано — обыкновенно и просто, обыкновенным чернильным карандашом. Невольно Скайльс взялся за пульс, — обычный. Взглянул на хронометр: было десять минут пятого, стрелка красненького циферблата показывала 14 августа.

Со спокойным мужеством Скайльс ожидал всего в этом безумном городе. Но об'явление, приколоченное гвоздиками к облупленной стене, подействовало на него в высшей степени болезненно. Дул ветер по пустынному проспекту Красных Зорь. Окна многоэтажных домов, иные разбитые, иные заколоченные досками, казались нежилыми, — ни одна голова не выглядывала на улицу. Молодая женщина, поставив корзинку на тротуар, стояла на той стороне улицы и глядела на Скайльса. Милое лицо ее было спокойное и усталое.

У Скайльса задвигались на скулах желваки. Он достал старый конверт и записал адрес Лося. В это время перед об'явлением остановился рослый, широкоплечий человек, без шапки, по одежде — солдат, в рубахе без пояса, в обмотках. Руки

у него от безделья были засунуты в карманы. Крепкий затылок напрягся, когда он стал читать об'явление:

— Вот этот, вот так, замахнулся, — на Марс! — проговорил он с удовольствием и обернул к Скайльсу загорелое, беззаботное лицо. На виске у него, наискосок, белел шрам. Глаза — ленивые, серо-карие, и так же, как у той женщины, — с искоркой. (Скайльс давно уже подметил эту искорку в русских глазах, и даже поминал о ней в статье:..."Отсутствие в их глазах определенности, неустойчивость, то насмешливость, то безумная решительность, и, наконец, непонятное выражение превосходства — крайне болезненно действуют на свежего человека".)

— А вот взять и полететь с ним, очень просто, — опять сказал солдат и усмехнулся простодушно, и в то же время быстро, с головы до ног, оглядел Скайльса. Вдруг он прищурился, улыбка сошла с лица. Он внимательно глядел через улицу на босую женщину, все так же неподвижно стоявшую около корзинки. Кивнув подбородком, он сказал ей:

— Маша, ты что стоишь? (Она быстро мигнула.) Ну, и шла бы домой. (Она переступила пыльными, небольшими ногами, и видно было, как вздохну-

ла, нагнула голову.) Иди, иди, я скоро приду.

Женщина подняла корзину и пошла. Солдат сказал:

— В запас я уволился вследствие контузии и ранения. Хожу — вывески читаю, — скука страшная.

— Вы думаете пойти по этому об'явлению? — спросил Скайльс…

— Обязательно пойду.

— Но ведь это — вздор, — лететь в безвоздушном пространстве пятьдесят миллионов километров…

— Что говорить — далеко.

— Это шарлатанство, или — бред.

— Все может быть.

Скайльс, тоже теперь прищурясь, оглянул солдата, вспыхнул гневно и пошел по направлению к Неве, — шагал уверенно и широко. В сквере он сел на скамью, засунул руки в карман, где прямо в кармане, как у старого курильщика и делового человека, лежал табак, одним движением большого пальца набил трубку, закурил и вытянул ноги.

Шумели старые липы в сквере. Воздух был влажен и тепел. На куче песку, один во всем сквере, видимо уже давно, — сидел маленький мальчик

в грязной рубашке — горошком, и без штанов. Ветер поднимал, время от времени, его светлые и мягкие волосы. В руке он держал конец веревочки, к другому концу веревочки была привязана за ногу старая, взлохмаченная ворона. Она сидела недовольная и сердитая, и, так же, как и мальчик, глядела на Скайльса.

Вдруг, — это было на мгновение, — будто облачко скользнуло по его сознанию, стало странно, закружилась голова: не во сне ли он все это видит?.. Мальчик, ворона, пустые дома, пустынные улицы, странные взгляды прохожих и приколоченное гвоздиками об'явление, — кто-то зовет лететь из этого города в звездную пустыню.

Скайльс глубоко затянулся крепким табаком. Усмехнулся. Развернул план Петербурга, и, водя по нему концом трубки, отыскал Ждановскую набережную.

В МАСТЕРСКОЙ ЛОСЯ

Скайльс вошел на плохо мощеный двор, заваленный ржавым железом и боченкам от цемента. Чахлая трава росла на грудах мусора, между спутанными клубками проволок, поломанными частями станков. В глубине двора отсвечивали закатом пыльные окна высокого сарая. Небольшая дверца в нем была приотворена, на пороге сидел на корточках рабочий и размешивал в ведерке кирпично-красный сурик. На вопрос Скайльса — здесь ли можно видеть инженера Лося, рабочий кивнул во внутрь сарая. Скайльс вошел.

Сарай едва был освещен, — над столом, заваленном чертежами и книгами, горела электрическая лампочка в жестяном конусе. В глубине сарая возвышались до потолка леса. Здесь же пылал горн, раздуваемый рабочим. Сквозь балки лесов поблескивала металлическая, с частой клепкой, поверхность сферического тела. Сквозь раскрытые половинки ворот были видны багровые полосы заката и клубы туч, поднявшихся с моря.

Рабочий, раздувавший горн, проговорил вполголоса:

— К вам, Мстислав Сергеевич.

Из-за лесов появился среднего роста, крепко сложенный человек. Густые, шапкой, волосы его были снежно-белые. Лицо — молодое, бритое, с красивым, большим ртом, с пристальными, светлыми, казалось, летящими впереди лица немигающими глазами. Он был в холщевой, грязной, раскрытой на груди, рубахе, в заплатанных штанах, перетянутых веревкой. В руке он держал запачканный, порванный чертеж. Подходя — он попытался застегнуть на груди рубашку, на несуществующую пуговицу.

— Вы по об'явлению? Хотите лететь? — спросил он глуховатым голосом, и указал Скайльсу на стул под конусом лампочки, сел напротив у стола, швырнул чертеж и стал набивать трубку. Это и был инженер, М. С. Лось.

Опустив глаза, он раскуривал трубку, — спичка осветила снизу его крепкое лицо, две морщины у рта, — горькие складки, широкий вырез ноздрей, длинные, темные ресницы. Скайльс остался доволен осмотром. Он об'яснил, что лететь не собирается, но что прочел об'явление на проспекте Красных Зорь и считает долгом познакомить своих читателей со столь чрезвычайным и сенсационным проектом междупланетного сообщения. Лось слушал, не отрывая от него

немигающих, светлых глаз.

— Жалко, что вы не хотите со мной лететь, жалко, — он качнул головой, — люди шарахаются от меня, как от бешеного. Через четыре дня я покидаю землю, и до сих пор не могу найти спутника. — Он опять зажег спичку, пустил клуб дыма. — Какие вам нужны данные?

— Наиболее выпуклые черты вашей биографии.

— Это никому не нужно, — сказал Лось, — ничего замечательного. Учился на медные деньги, с двенадцати лет сам их зарабатываю. Молодость, годы учения, нищета, работа, служба, за тридцать пять лет — ни одной черты, любопытной для ваших читателей, ничего замечательного, кроме… — Лось вытянул нижнюю губу, вдруг насупился, резко обозначились морщины у рта. — Ну, так — вот… Над этой машиной, — он ткнул трубкой в сторону лесов, — работаю давно. Постройку начал год тому назад. Все?

— Во сколько, приблизительно, месяцев вы думаете покрыть расстояние между землей и Марсом? — спросил Скайльс, глядя на кончик карандаша.

— В девять, или десять часов, я думаю, не больше.

Скайльс сказал на это, — ага, — затем покраснел, зашевелились желваки у него на скулах: — я бы очень был вам признателен, — проговорил он с вкрадчивой вежливостью, — если бы у вас было доверие ко мне и серьезное отношение к нашему интервью.

Лось положил локти на стол, закутался дымом, сквозь табачный дым блеснули его глаза:

— Восемнадцатого августа Марс приблизится к земле на сорок миллионов километров, — сказал он, — это расстояние я должен пролететь. Из чего оно складывается? Первое, — высота земной атмосферы — 75 километров. Второе, — расстояние между планетами в безвоздушном пространстве — 40 миллионов километров. Третье, — высота атмосферы Марса — 65 километров. Для моего полета важны только эти 135 километров воздуха.

Он поднялся, засунул руки в карманы штанов, голова его тонула в тени, в дыму, — освещены были только раскрытая грудь и волосатые руки с закатанными по локоть рукавами:

— Обычно называют полетом — полет птицы, падающего листа, аэроплана. Но это не полет, а плавание в воздухе. Чистый полет — это падение, когда тело двигается под действием толкающей его силы. Пример — ракета. В безвоздушном про-

странстве, где нет сопротивления, где ничто не мешает полету, — ракета будет двигаться со все увеличивающейся скоростью, очевидно, там я могу достичь скорости света, если не помешают магнитные влияния. Мой аппарат построен, именно, по принципу ракеты. Я должен буду пролететь в атмосфере земли и Марса 135 километров. С под'емом и спуском это займет полтора часа. Час я кладу на то, чтобы выйти из притяжения земли. Далее, в безвоздушном пространстве я могу лететь с любою скоростью. Но есть две опасности: от чрезмерного ускорения могут лопнуть кровесосные сосуды, и второе — если я с огромной быстротой влечу в атмосферу Марса, то удар в воздух будет подобен тому, как будто я вонзился в песок. Мгновенно аппарат и все, что в нем — превратятся в газ. В междузвездном пространстве носятся осколки планет, нерожденных, или погибших миров. Вонзаясь в воздух, они сгорают мгновенно. Воздух — почти непроницаемая броня. Хотя, на земле, она, однажды, была пробита.

Лось вынул руку из кармана, положил ее, ладонью вверх, на стол, под лампочкой, и сжал пальцы в кулак:

— В Сибири, среди вечных льдов, я откапывал мамонтов, погибших в трещинах земли. Между

зубами у них была трава, они паслись там, где теперь льды. Я ел их мясо. Они не успели разложиться. Они замерзли в несколько дней, — их замело снегами. Видимо — отклонение земной оси произошло мгновенно. Земля столкнулась с огромным небесным телом, либо у нас был второй спутник, меньший, чем луна. Мы втянули его и он упал, разбил земную кору, отклонил полюсы. Быть может от этого, именно, удара погиб материк, лежавший на запад от Африки в Атлантическом океане. Итак, чтобы не расплавиться, вонзаясь в атмосферу Марса, мне придется сильно затормозить скорость. Поэтому, я кладу на весь перелет в безвоздушном пространстве — шесть-семь часов. Через несколько лет путешествие на Марс будет не более сложно, чем перелет из Москвы в Берлин.

Лось отошел от стола и повернул включатель. Под потолком зашипели, зажглись дуговые фонари. Скайльс увидел на досчатых стенах — чертежи, диаграммы, карты. Полки с оптическими и измерительными инструментами. Скафандры, горки консервов, меховую одежду. Телескоп на лесенке в углу сарая.

Лось и Скайльс подошли к лесам, которые окружали металлическое яйцо. На глаз Скайльс

определил, что яйцеобразный аппарат был не менее восьми с половиной метров высоты и шести метров в поперечнике. Посредине, по окружности его, шел стальной пояс, пригибающийся книзу, к поверхности аппарата, как зонт, — это был парашютный тормоз, увеличивающий сопротивление аппарата при падении в воздухе. Под парашютом — расположены три круглые дверцы — входные люки. Нижняя часть яйца оканчивалась узким горлом. Его окружала двойная, массивной стали, круглая спираль, свернутая в противоположные стороны, — буфер. Таков был внешний вид междупланетного дирижабля.

Постукивая карандашом по клепаной обшивке яйца, Лось стал об'яснять подробности. Аппарат был построен из мягкой и тугоплавкой стали, внутри хорошо укреплен ребрами и легкими фермами. Это был внешний чехол. В нем помещался второй чехол из шести слоев резины, войлока и кожи. Внутри этого, второго, кожаного, стеганого яйца находились аппараты наблюдения и движения, кислородные баки, ящики для поглощения углекислоты, полые подушки для инструментов и провизии. Для наблюдения поставлены, выходящие за внешнюю оболочку аппарата, особые "глазки", в виде короткой, металлической трубки,

снабженной призматическими стеклами.

Механизм движения помещался в горле, обвитом спиралью. Горло было отлито из металла "Обин", чрезвычайно упругого и твердостью превосходящего астрономическую бронзу. В толще горла были высверлены вертикальные каналы. Каждый из них расширялся наверху в так называемую взрывную камеру. В каждую камеру проведены искровая свеча от общего магнето и питательная трубка. Как в цилиндры мотора поступает бензин, точно так же взрывные камеры питались "Ультралиддитом", тончайшим порошком, необычайной силы взрывчатым веществом, найденном в 1920 году в лаборатории.....ского завода в Петербурге. Сила "Ультралиддита" превосходила все до сих пор известное в этой области. Конус взрыва чрезвычайно узок. Чтобы ось конуса взрыва совпадала с осями вертикальных каналов горла, — поступаемый во взрывные камеры "Ультралиддит" пропускался сквозь магнитное поле. Таков, в общих чертах, был принцип движущего механизма: это была ракета. Запас "Ультралиддита" — на сто часов. Уменьшая, или увеличивая число взрывов в секунду — можно было регулировать скорость под'ема и падения аппарата. Нижняя его часть значительно тяжелее

верхней, поэтому, попадая в сферу притяжения планеты, аппарат всегда поворачивался к ней горлом.

— На какие средства построен аппарат? — спросил Скайльс.

— Материалы дало правительство. Частью на это пошли мои сбережения.

Лось и Скайльс вернулись к столу. После некоторого молчания Скайльс спросил неуверенно:

— Вы рассчитываете найти на Марсе живых существ?

— Это я увижу утром, в пятницу, 19 августа.

— Я предлагаю вам десять долларов за строчку путевых впечатлений. Аванс — шесть фельетонов, по двести строк, чек можете учесть в Стокгольме. Согласны?

Лось засмеялся, кивнул головой, — согласен. (Скайльс присел на углу стола писать чек.)

— Жаль, жаль, что вы не хотите лететь со мной: ведь это, в сущности, так близко, ближе, чем до Стокгольма.

СПУТНИК

Лось стоял, прислонившись плечом к верее раскрытых ворот. Трубка его погасла.

За воротами до набережной Ждановки лежал пустырь. Несколько неярких фонарей отражались в воде. Далеко — смутными и неясными очертаниями возвышались деревья парка. За ними догорал и не мог догореть тусклый, печальный закат. Длинные тучи, тронутые по краям его светом, будто острова, лежали в зеленых водах неба. Над ними синело, темнело небо. Несколько звезд зажглось на нем. Было тихо, — по старому на старой земле. Издалека дошел звук гудящего парохода. Серой тенью пробежала крыса по пустырю.

Рабочий, Кузьмин, давеча мешавший в ведерке сурик, тоже стал в воротах, бросил огонек папироски в темноту:

— Трудно с землей расставаться, — сказал он негромко. — С домом и то трудно расставаться. Из деревни, бывало, идешь на железную дорогу, — раз десять оглянешься. Дом, — хижина, соломой крыта, а — свое, прижилое место. Землю покидать — пустыня.

— Вскипел чайник, — сказал Хохлов, другой рабочий, — иди, Кузьмин, чай пить.

Кузьмин сказал: — так-то, — со вздохом, и пошел к горну. Хохлов — суровый человек, и Кузьмин сели у горна на ящики, и пили чай, осторожно ломали хлеб, отдирали с костей вяленую рыбу, жевали не спеша. Кузьмин, сощурившись, мотнув редкой бородкой, сказал в полголоса:

— Жалко мне его. Таких людей сейчас почти что и нет.

— А ты погоди его отпевать.

— Мне один летчик рассказывал: поднялся он на восемь верст, — летом, заметь, — и масло, все-таки, замерзло у него в аппарате, — такой холод. А — выше лететь? А там — холод. Тьма.

— А я говорю — погоди еще отпевать, — повторил Хохлов мрачно.

— Лететь с ним никто не хочет, не верят. Об'явление другую неделю висит напрасно.

— А я верю, — сказал Хохлов.

— Долетит?

— Вот, то-то, что — долетит. Вот, в Европе они тогда взовьются.

— Кто взовьется?

— Как, кто взовьется? Враги наши взовьются. На, теперь, выкуси, — Марс-то чей? — русский.

— Да, это бы здорово.

Кузьмин пододвинулся на ящике. Подошел Лось, сел, взял кружку с дымящимся чаем:

— Хохлов, не согласитесь лететь со мной?

— Нет, Мстислав Сергеевич, — важно ответил Хохлов, — не соглашусь, боюсь.

Лось усмехнулся, хлебнул кипяточку, покосился на Кузьмина:

— А вы, милый друг?

— Мстислав Сергеевич, да я бы с радостью полетел, — жена у меня больная, не ест ничего. С'ест крошку, — все долой. Так жалко, так жалко…

— Да, видимо — придется лететь одному, — сказал Лось, поставив пустую кружку, вытер губы ладонью, — охотников покинуть землю — маловато. Он опять усмехнулся, качнул головой. Вчера — барышня приходила по об'явлению: "Хорошо, говорит, я с вами лечу, мне 19 лет, пою, танцую, играю на гитаре, в Европе жить не хочу, — революции мне надоели. Визы на выезд не нужно?". Что у этой барышни было в голове — не пойму до сих пор. Кончился наш разговор, — села барышня и заплакала: — "Вы меня обманули, я рассчитывала, что лететь нужно гораздо ближе". Потом, молодой человек явился, — говорит басом, руки потные: "Вы, говорит, считаете меня за идиота,

лететь на Марс невозможно, на каком основании вывешиваете подобные об'явления?". Насилу его успокоил.

Лось оперся локтями о колени и глядел на угли. Лицо его в эту минуту казалось утомленным, лоб сморщился. Видимо, он весь отдыхал от длительного напряжения воли. Кузьмин ушел с чайником за водой. Хохлов кашлянул, сказал:

— Мстислав Сергеевич, самому-то вам, разве, не страшно?

Лось перевел на него глаза, согретые жаром углей:

— Нет, мне не страшно. Я уверен, что опущусь удачно. А если неудача, удар будет мгновенный и безболезненный. Страшно другое. Представьте так, — мои расчеты окажутся неверны, я не попаду в притяжение Марса: — проскочу мимо. Запас топлива, кислорода, еды — мне хватит надолго. И вот — лечу во тьме. Впереди горит звезда. Через тысячу лет мой окоченелый труп влетит в ее огненные океаны. Но эти тысячу лет — мой летящий во тьме труп! Но эти долгие дни, покуда я еще жив, — а я буду жить только в проклятой коробке, — долгие дни безнадежного отчаяния — один во всей вселенной. Не смерть страшна, но одиночество. Не будет даже надежды, что Бог

спасет мою душу. Я — заживо в аду. Ведь ад и есть мое безнадежное одиночество, распростертое в вечной тьме. Это — действительно страшно. Очень мне не хочется лететь одному.

Лось прищурился на угли. Рот его упрямо сжался. В воротах показался Кузьмин, позвал оттуда в полголоса:

— Мстислав Сергеевич, к вам.

— Кто? — Лось быстро поднялся.

— Солдат какой-то вас спрашивает.

В сарай, вслед за Кузьминым, вошел давешний солдат, читавший об'явление на проспекте Красных Зорь. Коротко кивнул Лосю, оглянулся на леса, подошел к столу:

— Попутчика надо вам?

Лось пододвинул ему стул, сел напротив.

— Да, ищу попутчика. Я лечу на Марс.

— Знаю, в об'явлении сказано. Мне эту звезду показали давеча. Далеко, конечно. Условия какие хотел я знать: жалование, харчи?

— Вы семейный?

— Женатый, детей нет.

Солдат ногтями деловито постукивал по столу, поглядывал кругом с любопытством. Лось вкратце рассказал ему об условиях перелета, предупредил о возможном риске. Предложил

обеспечить семью, и выдать жалованье вперед деньгами и продуктами. Солдат кивал, поддакивал, но слушал рассеянно.

— Как, вам известно, — спросил он, — люди там, или чудовища обитают?

Лось крепко почесал в затылке, засмеялся:

— По-моему — там должны быть люди. Приедем, увидим. Дело вот в чем: уже несколько лет на больших радиостанциях в Европе и в Америке начали принимать непонятные сигналы. Сначала думали, что это — следы бурь в магнитных полях земли. Но таинственные звуки были слишком похожи на азбучные сигналы. Кто-то настойчиво хочет с нами говорить. Откуда? На планетах, кроме Марса, не установлено пока жизни. Сигналы могут итти только с Марса. Взгляните на его карту, — он, как сеткой, покрыт каналами. Видимо, там есть возможность установить огромной мощности радиостанции. Марс хочет говорить с землей. Пока мы не можем отвечать на эти сигналы. Но мы — летим на зов. Трудно предположить, что радиостанции на Марсе построены чудовищами, существами, не похожими на нас. Марс и земля, — два крошечные шарика, кружащиеся рядом. Одни законы для нас и для них. Во вселенной носится живоносная пыль,

семена жизни, застывшие в анабиозе. Одни и те же семена оседают на Марс и на землю, на все мириады остывающих звезд. Повсюду возникает жизнь, и над жизнью всюду царствует человекоподобный: нельзя создать животное, более совершенное, чем человек, — образ и подобие Хозяина Вселенной.

— Еду я с вами, — сказал солдат решительно, — когда с вещами приходить?

— Завтра. Я должен вас ознакомить с аппаратом. Ваше имя, отчество, фамилия?

— Алексей Гусев, Алексей Иванович.

— Занятие?

Гусев, словно рассеянно, взглянул на Лося, опустил глаза на свои постукивающие по столу пальцы.

— Я грамотный, — сказал он, — автомобиль ничего себе знаю. Летал на аэроплане наблюдателем. С восемнадцати лет войной занимаюсь, — вот, все мое и занятие. Свыше двадцати ранений. Теперь нахожусь в запасе. Он вдруг ладонью шибко потер темя, коротко засмеялся. — Ну и дела были за эти-то семь лет. По совести говоря, — я бы сейчас полком должен командовать, — характер неуживчивый. Прекратятся военные действия, — не могу сидеть на месте: сосет. Отравлено во мне

все. Отпрошусь в командировку, или так убегу. — Он опять потер макушку, усмехнулся, — четыре республики учредил, в Сибири да на Кавказе, и городов-то сейчас этих не запомню. Один раз собрал три сотни ребят, — отправились Индию воевать. Хотелось нам туда добраться. Но сбились в горах, попали в метель, под обвалы, побили лошадей. Вернулось нас оттуда немного. У Махно был два месяца, ей-Богу. На тройках, на тачанках гоняли по степи, — гуляй душа! Вина, еды — вволю, баб — сколько хочешь. Налетим на белых, или на красных, — пулеметы у нас на тачанках, — драка. Обоз отобьем, и к вечеру мы — верст уж за восемьдесят. Погуляли. Надоело, — мало толку, да уж и мужикам махновщина эта стала надоедать. Ушел в Красную армию. Потом поляков гнали от Киева, — тут уж я был в коннице Буденного. Весь поход — рысью. Поляков били с налету, — "Даешь Варшаву"! А под Варшавой сплоховали, — пехота не поддержала. В последний раз я ранен, когда брали Перекоп. Провалялся после этого, без малого, год по лазаретам. Выписался, — куда деваться? Тут эта девушка моя подвернулась, — женился. Жена у меня хорошая, жалко ее, но дома жить не могу. В деревню ехать, — отец с матерью померли, братья убиты, земля заброшена. В городе тоже

делать нечего. Войны сейчас никакой нет, — не предвидится, Вы уж, пожалуйста, Мстислав Сергеевич, возьмите меня с собой. Я вам на Марсе пригожусь.

— Ну, очень рад, — сказал Лось, подавая ему руку, — до завтра.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Все было готово к отлету с земли. Но два последующие дня пришлось, почти без сна, провозиться над укладкой внутри аппарата, в полых подушках, множество мелочей. Проверяли приборы и инструменты. Сняли леса, окружавшие аппарат, разобрали часть крыши. Лось показал Гусеву механизм движения и важнейшие приборы, — Гусев оказался ловким и сметливым человеком. На завтра, в шесть вечера, назначили отлет.

Поздно вечером Лось отпустил рабочих и Гусева, погасил электричество, кроме лампочки над столом, и прилег, не раздеваясь, на железную койку, — в углу сарая, за треногой телескопа.

Ночь была тихая и звездная. Лось не спал. Закинув за голову руки, глядел на сумрак — под затянутой паутиной крышей, и то, от чего она назавтра бежал с земли, — снова, как никогда еще, мучило его. Много дней он не давал себе воли. Сейчас, в последнюю ночь на земле, — он отпустил сердце: мучайся, плачь.

Память разбудила недавнее прошлое… на стене, на обоях — тени от предметов. Свеча заставлена книгой. Запах лекарств, — душно. На полу, на

ковре — таз. Когда встаешь и проходишь мимо таза — по стене, по тоскливым, сумасшедшим цветочкам — бегут, колышатся тени предметов. Как томительно! В постели то, что дороже света, — Катя, жена, — часто, часто, тихо дышит. На подушке — темные, спутанные волосы. Подняты колени под одеялом. Катя уходит от него. Изменилось, недавно такое прелестное, кроткое лицо. Оно — розовое, неспокойное. Выпростала руку и щиплет пальцами край одеяла. Лось снова, снова берет ее руку, кладет под одеяло. "Ну, раскрой глаза, ну — взгляни, простись со мной". Она говорит жалобным, чуть слышным голосом: "Ской окро, ской окро". Детский, едва слышный, жалобный ее голос хочет сказать: — "открой окно". Страшнее страха — жалость к ней, к этому голосу. "Катя, Катя — взгляни". Он целует ее в щеки, в лоб, в закрытые веки. Но не облегчает ее жалость. Горло у нее дрожит, грудь поднимается толчками, пальцы вцепились в край одеяла. "Катя, Катя, что с тобой?.." Не отвечает, уходит... Поднялась на локтях, подняла грудь, будто снизу ее толкали, мучили. Милая голова отделилась от подушки, закинулась... Она опустилась, ушла в постель. Упал подбородок. Лось, сотрясаясь от ужаса и жалости, обхватил ее, прижался. Забрал

в рот одеяло.

На земле нет пощады…

Лось поднялся с койки, взял со стола коробку с папиросами, закурил и ходил некоторое время по темному сараю. Потом, взошел на лесенку телескопа, нашел искателем Марс, поднявшийся уже над Петербургом, и долго глядел на небольшой, ясный, теплый шарик. Он слегка дрожал в перекрещивающихся волосках окуляра.

"Да, на земле нет пощады", — сказал Лось в полголоса, спустился с лесенки и лег на койку… Память открыла видение. Катюша лежит в траве, на пригорке. Вдали, за волнистыми полями, — золотые точки Звенигорода. Коршуны плавают в летнем зное над хлебами, над гречихами. Катюше — лениво и жарко. Лось, сидя рядом, кусая травинку, поглядывает на русую, простоволосую голову Катюши, на загорелое плечо со светлой полоской кожи между загаром и платьем, на Катюшин, с укусом комара, кулачок, подперевший щеку. Ее серые глаза — равнодушные и прекрасные, — в них тоже плавают коршуны. Кате восемнадцать лет, думает о замужестве. Очень, очень, — опасно мила. Сегодня, после обеда, говорит, — пойдемте лежать на пригорок, оттуда — далеко видно. Лежит и молчит. Лось думает, — "нет, милая моя,

есть у меня дела поважнее, чем, вот, взять на пригорке и влюбиться в вас. На этот крючок не попадусь, на дачу к вам больше ездить не стану".

Ах, Боже мой, какие могли быть дела важнее Катюшиной любви! Как неразумно были упущены эти летние, горячие дни. Остановить бы время, тогда, на пригорке. Не вернуть. Не вернуть!..

Лось опять вставал с койки, чиркал спичками, курил, ходил. Но и хождение вдоль дощатой стены было ужасно: как зверь в яме. Лось отворил ворота и глядел на высоко уже взошедший Марс.

"И там не уйти от себя. Всюду, без меры времени, мой одинокий дух. За гранью земли, за гранью смерти. Зачем нужно было хлебнуть этого яду, любить, пробудиться? Жить бы неразбуженным. Летят же в эфире окоченевшие семена жизни, ледяные кристаллы, летят дремлющие. Нет, нужно упасть и расцвесть, — пробудиться к нестерпимому страданию: жить, к жажде: — любить, слиться, забыться, перестать быть одиноким семенем. И весь этот короткий сон затем, чтобы снова — смерть, разлука, и снова — полет ледяных кристаллов".

Лось долго стоял в воротах, прислонясь к верее плечом и головой. Кровяным, то синим, то алмазным светом переливался Марс, — высоко

над спящим Петербургом, над простреленными крышами, над холодными трубами, над закопченными потолками комнат и комнаток, покинутых зал, пустых дворцов, над тревожными изголовьями усталых людей.

"Нет, там будет легче, — думал Лось, — уйти от теней, отгородиться миллионами верст. Вот так же, ночью, глядеть на звезду и знать, — это плывет между звезд — покинутая мною земля. Покинуты пригорок и коршуны. Покинута ее могила, крест над могилой, покинуты темные ночи, ветер, поющий о смерти, только о смерти. Осенний ветер над Катей, лежащей в земле, под крестом. Нет, жить нельзя среди теней. Пусть там будет лютое одиночество, — уйти из этого мира, быть одному".

Но тени не отступали от него всю ночь. Под утро Лось положил на голову подушку и забылся. Его разбудил грохот обоза, ехавшего по набережной. Лось сел, провел ладонью по лицу. Еще бессмысленные от ночных видений глаза его разглядывали карты на стенах, инструменты, очертание аппарата. Лось вздохнул, совсем пробуждаясь, подошел к крану и облил голову студеной водой. Накинул пальто и зашагал через пустырь на Большую Монетную улицу, к себе на

квартиру, где полгода тому назад умерла Катя.

Здесь он вымылся, побрился, надел чистое белье и платье, осмотрел — заперты ли все окна. Квартира была нежилая — повсюду пыль. Он открыл дверь в спальню, где, после смерти Кати, он никогда не ночевал. В спальне было почти темно от спущенных штор, лишь отсвечивало зеркало шкафа с Катиными платьями, — зеркальная дверца была приоткрыта. Лось нахмурился, подошел на цыпочках и плотно прикрыл ее. Замкнул дверь спальни. Вышел из квартиры, запер парадное, и плоский ключик положил себе в жилетный карман.

Теперь — все было окончено перед от'ездом.

ТОЮ ЖЕ НОЧЬЮ

Этой ночью Маша долго дожидалась мужа, — несколько раз подогревала чайник на примусе. За высокой, дубовой дверью было тихо и жутковато.

Гусев и Маша жили в одной комнате, в когда-то роскошном, огромном, теперь заброшенном доме. Во время революции обитатели покинули его. За четыре года дожди и зимние вьюги сильно попортили его внутренность.

Комната была просторная. На резном, золотом потолке, среди облаков, летела пышная женщина с улыбкой во все лицо, кругом — крылатые младенцы.

"Видишь, Маша, — постоянно говаривал Гусев, показывая на потолок, — женщина какая веселая, в теле, и детей шесть душ, вот это — баба".

Над золоченой, с львиными лапами, кроватью висел портрет старика в пудреном парике, с поджатым ртом, со звездой на кафтане. Гусев прозвал его "Генерал Топтыгин", — "этот спуска не давал, чуть что не по нем — сейчас топтать". Маша боялась глядеть на портрет. Через комнату была протянута железная труба железной печеч-

ки, закоптившей стену. На полках, на столе, где Маша готовила еду, — порядок и чистота.

Резная, дубовая дверь отворялась в двусветную залу. Разбитые окна в ней были заколочены досками, потолок местами обваливался. В ветряные ночи здесь гулял, завывал ветер, бегали крысы.

Маша сидела у стола. Шипел огонек примуса. Издалека ветер донес печальный перезвон часов Петропавловского собора, — пробило два. Гусев не шел. Маша думала:

"Что ищет, чего ему мало? Все чего-то хочет найти, душа не покойна, Алеша, Алеша... Хоть бы раз закрыл глаза, лег ко мне на плечо, как сынок: — не ищи, не найдешь дороже моей жалости".

На ресницах у Маши выступали слезы, она их не спеша вытерла и подперла щеку. Над головой летела, не могла улететь веселая женщина с веселыми младенцами. О ней Маша думала: — "Вот была бы такая — никуда бы от меня не ушел".

Гусев ей сказал, что уезжает далеко, но куда — она не знала, спросить боялась. Она и сама видела, что жить ему с ней в этой чудной комнате, в тишине, без прежней воли, — трудно, не вынести. Ночью приснится ему, — заскрежещет, вскрикнет глухо, сядет на постели и дышит, — зубы стиснуты, в поту лицо и грудь. Повалится,

заснет, а на утро — весь темный, места себе не находит.

Маша до того была тихой с ним, так прилащивалась, — умнее матери. За это он ее любил и жалел, но, как утро, — глядел куда бы уйти.

Маша служила, приносила домой пайки. Денег у них часто совсем не было. Гусев хватался за разные дела, но скоро бросал. "Старики сказывали — в Китае есть золотой клин, — говаривал он, — клина чай такого там нет, но земля, действительно, нам еще неизвестная, — уйду я, Маша, в Китай, поглядеть, как и что".

С тоской, как смерти, ждала Маша того часа, когда Гусев уйдет. Никого на свете, кроме него, у нее не было. С пятнадцати лет служила продавщицей по магазинам, кассиршей на невских пароходиках. Жила одиноко, не весело. Год назад, в праздник, в Павловске, познакомилась с Гусевым в парке, на скамейке. Он спросил: "Вижу — одиноко сидите, дозвольте с вами провести время, — одному — скучно". Она взглянула, — лицо славное, глаза — веселые, добрые, и — трезвый. "Ничего не имею против", — ответила кротко. Так они и гуляли в парке до вечера. Гусев рассказывал о войнах, набегах, переворотах, — такое, что ни в одной книге не прочтешь. Проводил Машу

в Петербург, до квартиры, и с того дня стал к ней ходить. Маша просто и спокойно отдалась ему. И тогда полюбила, — вдруг, кровью всей почувствовала, что он ей — родной. С этого началась ее мука…

Чайник закипел. Маша сняла его, и опять затихла. Уже давно ей чудился какой-то шорох за дверью, в пустой зале. Но было так грустно, — не вслушивалась. Но сейчас — явственно, слышно — шаркали чьи-то шаги.

Маша быстро открыла дверь и высунулась. В одно из окон, в залу, пробивался свет уличного фонаря и слабо освещал пузырчатыми пятнами несколько низких колонн. Между ними Маша увидела седого, нагнувшего лоб, старичка, без шапки, в длинном пальто, — стоял, вытянув шею, и глядел на Машу. У нее ослабели колени.

— Вам что здесь нужно? — спросила она шопотом.

Старичок поднял палец и погрозил ей. Маша с силой захлопнула дверь, — сердце отчаянно билось. Она вслушивалась, — шаги теперь отдалялись: старичок, видимо, уходил по парадной лестнице вниз.

Вскоре, с другой стороны залы раздались быстрые, сильные шаги мужа… Гусев вошел веселый,

перепачканный копотью.

— Слей ка помыться, — сказал он, расстегивая ворот, — завтра едем, прощайте. Чайник у тебя горячий? — это славно. — Он вымыл лицо, крепкую шею, руки по локоть, вытираясь — покосился на жену. — Будет тебе, не пропаду, вернусь. Семь лет меня ни пуля, ни штык не могли истребить. Мой час далеко, отметка не сделана. А умирать — все равно не отвертишься: муха на лету заденет лапой, ты — брык и помер.

Он сел к столу, начал лупить вареную картошку, — разломил, окунул в соль.

— На завтра приготовь чистое, две смены, — рубашки, подштаники, подвертки. Мыльца не забудь, — шильца да мыльца. Ты что — опять плакала?

— Испугалась, — ответила Маша, отворачиваясь, — старик какой-то все ходит, пальцем погрозил. Алеша, не уезжай.

— Это не ехать — что старик-то пальцем погрозил?

— На несчастье он погрозил.

— Жалко я уезжаю, я бы этого старикашку засыпал. Это непременно кто-нибудь из бывших, здешних, бродит по ночам, нашептывает, выживает.

— Алеша, ты вернешься ко мне?

— Сказал — вернусь, значит — вернусь. Фу ты, какая беспокойная.

— Далеко едешь?

Гусев засвистал, кивнул на потолок и, посмеиваясь глазами, налил горячего чая на блюдце:

— За облака, Маша, лечу, вроде этой бабы.

Маша только опустила голову. Гусев лег в постель. Маша неслышно прибирала посуду, села штопать носки, — не поднимала глаз. А когда скинула платье и подошла к постели, — Гусев уже спал, положив руку на грудь, спокойно закрыв ресницы. Маша прилегла рядом и глядела на мужа. По щекам ее текли слезы, — так он был ей дорог, так тосковала она по его неспокойному сердцу: "Куда летит, чего ищет? — не ищи, не найдешь дороже моей любви".

На рассвете Маша поднялась, вычистила платье мужа, собрала чистое белье. Гусев проснулся. Напился чаю, — шутил, гладил Машу по щеке. Оставил денег, — большую пачку. Вскинул на спину мешок, задержался в дверях, и перекрестил Машу. Ушел. Так она и не узнала, — куда он уезжает.

ОТЛЕТ

В пять часов дня на пустыре перед мастерской Лося стал собираться народ. Шли с набережной, бежали из переулков, бубнили, сбивались в кучки, лежали на чахлой траве, — поглядывали на низкое солнце, пустившее сквозь облака широкие лучи.

Перед толпой, не допуская близко подходить к сараю, стояли солдаты милиции. Двое конных, скуластые, в острых шапках, раз'езжая шагом, свирепо поглядывали на зевак.

Кричал на пустыре мороженщик. Толкались между людьми мальчишки с припухшими от дрянной жизни глазами, — продавцы папирос и жулики. Затесался сюда же сутулый старик, из'еденный чахоткой, — принес продавать две пары штанов. День был теплый, августовский, летел над городом клин журавлей.

Подходившие к толпе, к бубнящим кучкам, — начинали разговор:

— Что это народ собрался, — убили кого?

— На Марс сейчас полетят.

— Вот тебе дожили, — этого еще не хватало!

— Что вы рассказываете? Кто полетит?

— Двоих арестантов, воров, из тюрьмы выпустили, запечатают их в цинковый бидон и — на Марс, для опыта.

— Бросьте вы врать, в самом деле.

— То есть, как это я — вру?

— Да — ситец сейчас будут выдавать.

— Какой ситец, по скольку?

— По восьми вершков на рыло.

— Ах, сволочи. На дьявол мне восемь вершков, — на мне рубашка сгнила, третий месяц хожу голый.

— Конечно, — издевательство.

— Ну, и народ дурак, Боже мой.

— Почему народ дурак? Откуда вы решили?

— Не решил, а вижу.

— Вас бы отправить, знаете куда, за эти слова.

— Бросьте, товарищи. Тут, в самом деле, историческое событие, а вы Бог знает что несете.

— А для каких это целей на Марс отправляют?

— Извините, сейчас один тут говорит: — 25 пудов погрузили они одной агитационной литературы и два пуда кокаину.

— Ну, уж — кокаин вы тут ни к селу ни к городу приплели.

— Это экспедиция.

— За чем?

— За золотом.

— Совершенно верно, — для пополнения золотого фонда.

— Много думают привезти?

— Неограниченное количество.

— Слушайте, — с утра английский фунт упал.

— Что вы говорите?

— Вот вам, — ну. Вон — в крайнем доме, в воротах, один человек, — щека у него подвязана, — фунты ни по чем продает.

— Тряпье он продает из Козьмодемьянска, три вагона, — накладную.

— Гражданин, долго нам еще ждать?

— Как солнце сядет, так он и ахнет.

До сумерек переливался говор, шли разные разговоры в толпе, ожидающей необыкновенного события. Спорили, ссорились, но не уходили.

На набережной Ждановки зажглись фонари. Тусклый закат багровым светом разлился на полнеба. И вот, медленно раздвигая толпу, появился большой автомобиль комиссара Петербурга. В сарае изнутри осветились окна. Толпа затихла, придвинулась.

Открытый со всех сторон, поблескивающий рядами заклепок, яйцевидный аппарат стоял на цементной, слегка наклоненной, площадке, по-

среди сарая. Его ярко освещенная внутренность из стеганой ромбами, желтой кожи была видна сквозь круглое отверстие люка.

Лось и Гусев были уже одеты в валеные сапоги, в бараньи полушубки, в кожаные, пилотские шлемы. Члены правительства, члены академии, инженеры, журналисты, — окружали аппарат. Напутственные речи были уже сказаны, магниевые снимки сделаны. Лось благодарил провожающих за внимание. Его лицо было бледно, глаза, как стеклянные. Он обнял Хохлова и Кузьмина. Взглянул на часы:

— Пора.

Провожающие затихли. У иных тряслись губы. Кузьмин стал креститься. Гусев нахмурился и полез в люк. Внутри аппарата он сел на кожаную подушку, поправил шлем, одернул полушубок.

— К жене зайди, не забудь, — крикнул он Хохлову и сильнее нахмурился. Лось все еще медлил, глядел себе под ноги. Вдруг, он поднял голову и, обращаясь, почему-то только к Скайльсу, сказал глуховатым, взволнованным голосом:

— Я думаю, что удачно опущусь на Марс, — оттуда я постараюсь телеграфировать. Я уверен — пройдет немного лет и сотни воздушных кораблей будут бороздить звездное пространство.

Вечно, вечно нас толкает дух искания и тревоги. И меня гонит тревога, быть может отчаяние. Но, уверяю вас, — в эту минуту победы — я лишь с новой силой чувствую свою нищету. Не мне — первому нужно лететь, — это преступно. Не я первый должен проникнуть в небесную тайну. Что я найду там? — ужас самого себя. Мой разум горит чадным огоньком над самой темной из бездн, где распростерт труп любви. Земля отравлена ненавистью, залита кровью. Недолго ждать, когда пошатнется даже разум, — единственные цепи на этом чудовище. Так вы и запишите в вашей книжечке, Арчибальд Скайльс, — я не гениальный строитель, не новый конвинстадор, не смельчак, не мечтатель: — я - трус, беглец. Гонит меня безнадежное отчаяние.

Лось вдруг оборвал, странным взором оглянул провожающих, — все слушали его с недоумением и страхом. Надвинул на глаза шлем:

— Не кстати сказано, но через минуту меня не будет на земле. Простите за последние слова. Прошу вас — отойти как можно дальше от аппарата.

Лось повернулся и полез в люк, и сейчас же с силой захлопнул его за собой. Провожающие, теснясь, взволнованно перекидываясь словами, побежали из сарая к толпе на пустырь. Чей-то

голос протяжно начал кричать:

— Осторожнее, отходите, ложитесь.

В молчании теперь тысячи людей глядели на квадратные, освещенные окна сарая. Там было тихо. Тишина и на пустыре. Так, прошло несколько минут, — нестерпимый срок ожидания. Много людей легло на траву. Вдруг, звонко, вдалеке, заржала лошадь конного стражника. Кто-то крикнул страшным голосом:

— Тише!

В сарае оглушающе треснуло, будто сломалось дерево. Сейчас же раздались более сильные, частые удары. Задрожала земля. Над крышей сарая поднялся тупой нос, и заволокся облаком дыма и пыли. Треск усилился. Черный аппарат появился весь над крышей и повис в воздухе, будто примериваясь. Взрывы слились в сплошной вой, и четырехсаженное яйцо, наискось, как ракета, взвилось над толпой, устремилось к западу, ширкнуло огненной полосой, и исчезло в багровом, тусклом зареве туч.

Только тогда в толпе начался крик, полетели шапки, побежали люди, обступили сарай.

В ЧЕРНОМ НЕБЕ

Завинтив входной люк, Лось сел напротив Гусева и стал глядеть ему в глаза, — в колючие, как у пойманной птицы, точки зрачков.

— Летим, Алексей Иванович?

— Пускайте.

Тогда Лось взялся за рычажек реостата и слегка повернул его. Раздался глухой удар, — тот первый треск, от которого вздрогнула на пустыре тысячная толпа. Повернул второй реостат. Глухой треск под ногами и сотрясение аппарата стали так сильны, что Гусев схватился за сиденье, выкатил глаза. Лось включил оба реостата. Аппарат рванулся. Удары стали мягче, сотрясение уменьшилось. Лось прокричал:

— Поднялись.

Гусев отер пот с лица. Становилось жарко. Счетчик скорости показывал — 50 метров в секунду, стрелка продолжала передвигаться вперед.

Аппарат мчался по касательной, против вращения земли. Центробежная сила относила его к востоку. По расчетам, на высоте ста километров, он должен был выпрямиться и лететь по диагонали, вертикальной к поверхности земли.

Двигатель работал ровно, без сбоев. Лось и Гусев расстегнули полушубки, сдвинули на затылок шлемы. Холодный пот катился по их лицам. Электричество было потушено, и бледный свет проникал сквозь стекла глазков.

Преодолевая слабость и начавшееся головокружение, Лось опустился на колени и сквозь глазок глядел на уходящую землю. Она расстилалась огромной, без краев, вогнутой чашей, — голубовато-серая. Кое-где, точно острова, лежали на ней гряды облаков, — это был Атлантический океан.

Понемногу чаша суживалась, уходила вниз. Правый край ее начал светиться, как серебро, на другой находила тень. И вот, чаша уже казалась шаром, улетающим в бездну.

Гусев, прильнувший к другому глазку, сказал:

— Прощай, матушка, пожито на тебе, полито кровушки.

Он поднялся с колен, но, вдруг, зашатался, повалился на подушку. Рванул ворот:

— Помираю, Мстислав Сергеевич, мочи нет.

Лось чувствовал: — сердце бьется чаще, чаще, уже не бьется, — трепещет мучительно. Бьет кровь в виски. Темнеет свет.

Он пополз к счетчику. Стрелка стремительно поднималась, отмечая невероятную быстроту.

Кончался слой воздуха. Уменьшалось притяжение. Компас показывал, — земля была — вертикально внизу. Аппарат, с каждой секундой наддавая скорость, с сумасшедшей быстротой вносился в мировое, ледяное пространство.

Лось, ломая ногти, едва расстегнул ворот полушубка, — сердце стало.

.....

Предвидя, что скорость аппарата и, стало быть, находящихся в нем тел, достигнет такого предела, когда наступит заметное изменение скорости биения сердца, обмена крови и соков, всего жизненного ритма тела, — предвидя это, Лось соединил счетчик скорости одного из жироскопов (их было два в аппарате) электрическими проводами с кранами баков, которые в нужную минуту должны выпустить большое количество кислорода и аммиачных солей.

Лось очнулся первым. Грудь резало, голова кружилась, сердце шумело, как волчек. Мысли появились и исчезли, — необычайные, быстрые, ясные. Движения легки и точны.

Лось закрыл лишние краны в баках, взглянул на счетчик. Аппарат покрывал около пятисот верст в секунду. Было светло. В один из глазков

входил прямой, ослепительный луч солнца. Под лучом, навзничь, лежал Гусев, — зубы оскалены, стеклянные глаза вышли из орбит.

Лось поднес ему к носу едкую соль. Гусев глубоко вздохнул, затрепетали веки. Лось обхватил его под мышками и сделал усилие приподнять, но тело Гусева повисло, как пузырь с воздухом. Он разжал руки, — Гусев медленно опустился на пол, вытянул ноги на воздух, поднял локти, — сидел как в воде, озирался:

— Вот штука то, — гляди — сейчас полечу.

Лось сказал ему — лезть, наблюдать в верхние глазки. Гусев встал, качнулся, примерился и полез по отвесной стене аппарата, как муха, — хватался за стеганую обивку. Прильнул к глазку:

— Темень, Мстислав Сергеевич, как есть ничего не видно.

Лось надел дымчатое стекло на окуляр, обращенный к солнцу. Четким очертанием, огромным, косматым клубком солнце висело в пустой темноте. С боков его, как крылья, были раскинуты две световые туманности. От плотного ядра отделился фонтан и расплылся грибом: это было, как раз, время, когда начали распадаться солнечные пятна. В отдалении от светлого ядра располагались, еще более бледные, чем зодиа-

кальные крылья, — световые спирали: океаны огня, отброшенные от солнца и вращающиеся вокруг него, как спутники.

Лось с трудом оторвался от этого зрелища, — живоносного огня вселенной. Прикрыл окуляр колпачком. Стало темно. Он придвинулся к глазку, противоположному световой стороне. Здесь была тьма. Он повернул окуляр, и глаз укололся о зеленоватый луч звезды. Затем — снова тьма, и — новая точка звезды. Но вот, в глазок вошел голубой, ясный, сильный луч, — это был Сириус, небесный алмаз, первая звезда северного неба.

Лось пополз к третьему глазку. Повернул окуляр, взглянул, протер его носовым платком. Всмотрелся. Сжалось сердце, стали чувствительны волосы на голове.

Невдалеке, в тьме, плыли, совсем близко, неясные, туманные пятна. Гусев проговорил с тревогой:

— Какая-то штука летит рядом с нами.

Туманные пятна медленно уходили вниз, становились отчетливее, светлее. Побежали изломанные, серебристые линии, нити. И вот, стало проступать яркое очертание рваного края, скалистого гребня. Аппарат, видимо, сближался с каким-то небесным телом, вошел в его притя-

жение и, как спутник, начал поворачиваться вокруг него.

Дрожащей рукой Лось пошарил рычажки реостатов и повернул их до отказа, рискуя взорвать аппарат. Внутри, под ногами все заревело, затрепетало. Пятна и сияющие, рваные края быстрее стали уходить вниз. Освещенная поверхность увеличивалась, приближалась. Теперь уже ясно можно было видеть резкие, длинные тени от скал, — они тянулись через оголенную, ледяную равнину.

Аппарат летел к скалам, — они были совсем близко, залитые сбоку солнцем. Лось подумал (сознание было спокойное и ясное), — через секунду, — аппарат не успеет повернуть к притягивающей его массе горлом, — через секунду — смерть.

В эту долю секунды Лось заметил на ледяной равнине, близ скал, — словно развалины города. Затем, аппарат скользнул над остриями ледяных пиков… но там, по ту их сторону, — был обрыв, бездна, тьма. Сверкнули на рваном, отвесном обрыве жилы металлов. И осколок разбитой, неведомой планеты остался далеко позади, — продолжал свой мертвый путь к вечности. Аппарат снова мчался среди пустыни черного неба.

Вдруг, Гусев крикнул:

— Вроде, как луна перед нами.

Он обернулся, отделился от стены, и повис в воздухе, раскорячился лягушкой, и, ругаясь шопотом скверными словами, силился приплыть к стене. Лось отделился от пола и, тоже повиснув, держась за трубку глазка, — глядел на серебристый, ослепительный диск Марса.

СПУСК

Серебристый, кое-где словно подернутый облачками, диск Марса заметно увеличивался. Ослепительно сверкало пятно льдов южного полюса. Ниже его расстилалась изогнутая туманность. На востоке она доходила до экватора, близ среднего меридиана — поднималась, огибая полого более светлую поверхность и раздваивалась, образуя у западного края диска второй мыс.

По экватору были расположены, ясно видны, — пять темных точек, круглых пятен. Они соединялись прямыми линиями, которые начертывали два равносторонних треугольника и третий — удлиненный. Подножие восточного треугольника было охвачено правильной дугой. От середины ее до крайней, западной точки шло второе полукружие. Несколько линий, точек и полукружий разбросано к западу и востоку от этой, экваториальной, группы. Северный полюс тонул во мгле.

Лось жадно вглядывался в эту сеть линий: — вот они, сводящие с ума астрономов, постоянно меняющиеся, геометрически правильные, непостигаемые каналы Марса. Лось различал теперь

под этим четким рисунком вторую, едва проступающую, словно стертую, сеть линий. Он начал набрасывать примерный рисунок ее в записной книжке. Вдруг, диск Марса дрогнул и поплыл в окуляре глазка. Лось кинулся к реостатам:

— Попали, Алексей Иванович, притягиваемся, падаем.

Аппарат поворачивал горлом к планете. Лось уменьшил и совсем выключил двигатель. Перемена скорости была теперь менее болезненна. Но наступила тишина, настолько мучительная, что Гусев уткнулся лицом в руки, зажал уши.

Лось лежал на полу, наблюдая, как увеличивается, растет, становится все более выпуклым серебряный диск. Казалось, — из черной бездны он сам теперь летел на них.

Лось снова включил реостаты. Аппарат затрепетал, преодолевая тягу Марса. Скорость падения замедлилась. Марс закрывал теперь все небо, тускнел, края его выгибались чашей.

Последние секунды были страшными, — головокружительное падение. Марс закрыл все небо. Внезапно, стекла глазков запотели. Аппарат прорезывал облака над тусклой равниной, и, ревя и сотрясаясь, медленно теперь опускался.

— Садимся! — успел только крикнуть Лось и

выключил двигатель. Сильным толчком его кинуло на стену, перевернуло. Аппарат грузно сел, и повалился на бок.

.....

Колени тряслись, руки дрожали, сердце замирало. Молча, поспешно Лось и Гусев приводили в порядок внутренность аппарата. Сквозь отверстие одного из глазков высунули наружу полуживую мышь, привезенную с земли. Мышь понемногу ожила, подняла нос, стала шевелить усами, умылась. Воздух был годен для жизни.

Тогда отвинтили входной люк. Лось облизнул губы, сказал еще глуховатым голосом:

— Ну, Алексей Иванович, с благополучным прибытием. Вылезаем.

Скинули валенки и полушубки. Гусев прицепил маузер к поясу (на всякий случай), усмехнулся и распахнул люк.

МАРС

Темно-синее, как море в грозу, ослепительное, бездонное небо увидели Гусев и Лось, вылезая из аппарата.

Пылающее, косматое солнце стояло высоко над Марсом. Такое солнце видывали в Петербурге, в мартовские, ясные дни, когда талым ветром вымыто все небо.

— Веселое у них солнце, — сказал Гусев и чихнул, — до того ярок был свет в густо-синей высоте. Покалывало грудь, стучала кровь в виски, но дышалось легко, — воздух был тонок и сух.

Аппарат лежал на оранжево-апельсиновой, плоской равнине. Горизонт кругом — близок, подать рукой. Почва сухая, потрескавшаяся. Повсюду на равнине стояли высокие кактусы, как семисвечники, — бросали резкие, лиловые тени. Подувал сухой ветерок.

Лось и Гусев долго озирались, потом пошли по равнине. Итти было необычайно легко, хотя ноги и вязли по щиколотку в рассыпающей почве. Огибая жирный высокий кактус, Лось протянул к нему руку. Растение, едва его коснулось, затрепетало, как под ветром, и бурые его, мясистые

отростки потянулись к руке. Гусев пхнул сапогом ему под корень, — ах, погань, — кактус повалился, вонзая в песок колючки.

Шли около получаса. Перед глазами расстилалась все та же оранжевая равнина, — кактусы, лиловые тени, трещины в грунте. Когда повернули к югу и солнце стало сбоку, — Лось стал присматриваться, — словно что-то соображая, — вдруг остановился, присел, хлопнул себя по колену:

— Алексей Иванович, почва-то ведь вспаханная.

— Что вы?

Действительно, теперь ясно были видны широкие, полуобсыпавшиеся борозды пашни и правильные ряды кактусов. Через несколько шагов Гусев споткнулся о каменную плиту, в нее было ввернуто большое, бронзовое кольцо с обрывком каната. Лось шибко потер подбородок, глаза его блестели.

— Алексей Иванович, вы ничего не понимаете?

— Я вижу, что мы — в поле.

— А кольцо — зачем?

— Чорт их в душу знает, зачем они кольцо ввинтили.

А затем, чтобы привязывать бакен. Видите — ракушки. Мы — на дне канала.

Гусев приставил палец к ноздре, высморкался. Они повернули к западу и шли поперек борозд. Вдалеке над полем поднялась и летела, судорожно взмахивая крыльями, большая птица с висячим, как у осы, телом. Гусев приостановился, положил руку на револьвер. Но птица взмыла, сверкнув в густой синеве, и скрылась за близким горизонтом.

Кактусы становились выше, гуще, добротнее. Приходилось осторожно пробираться в их живой, колючей чаще. Из-под ног выбегали животные, похожие на каменных ящериц, — ярко оранжевые, с зубчатым хребтом. Несколько раз в гуще лапчатой заросли скользили, кидались в сторону, какие-то щетинистые клубки. Здесь шли осторожно.

Кактусы кончились у белого, как мел, покатого берега. Он был обложен, видимо, древними, тесаными плитами. В трещинах и между щелями кладки висели высохшие волокна мха. В одну из плит ввернуто такое же, как на поле, кольцо. Хребтатые ящерицы грелись на припеке.

Лось и Гусев взобрались по откосу наверх. Отсюда была видна холмистая равнина того же

апельсинового, но более тусклого цвета. Кое-где разбросаны на ней кущи низкорослых, подобных горным соснам, деревьев. Кое-где белели груды камней, очертания развалин. Вдали, на северо-западе, поднималась лиловая гряда гор, острых и неровных, как застывшие языки пламени. На вершинах сверкал снег.

— Вернуться нам надо, поесть, передохнуть, — сказал Гусев, — умаемся, — тут, видимо, ни одной живой души нет.

Они стояли еще некоторое время. Равнина была пустынна и печальна, — сжималось сердце. — Да, заехали, — сказал Гусев.

Они спустились с откоса и пошли к аппарату, и долго блуждали, разыскивая его среди кактусов.

Вдруг Гусев стал:

— Вот он!

Привычной хваткой расстегнул кобур, вытащил револьвер:

— Эй, — закричал он, — кто там у аппарат, так вашу эдак! Стрелять буду.

— Кому кричите, Алексей Иванович?

— Видите — аппарат поблескивает.

— Вижу теперь, да.

— А вон — правее его — сидит.

Лось, наконец, увидел, и они, спотыкаясь, по-

бежали к аппарату. Существо, сидевшее около аппарата, двинулось в сторону, запрыгало между кактусами, подскочило, раскинуло длинные, перепончатые крылья, с треском поднялось и, описав полукруг, взмыло над людьми. Это было то самое, что давеча они приняли за птицу. Гусев повел револьвером, ловчась срезать на лету крылатого зверя. Но Лось, вдруг, вышиб у него оружие крикнул:

— С ума сошел. Это человек!

Закинув голову, раскрыв рот, Гусев глядел на удивительное существо, описывающее круги в кубово-синем небе. Лось вынул носовой платок и помахал им птице.

— Мстислав Сергеевич, поосторожнее, как бы он в нас чем-нибудь не шарахнул оттуда.

— Спрячьте, говорю, револьвер.

Большая птица снижалась. Теперь ясно было видно человекообразное существо, сидящее в седле летательного аппарата. По пояс тело сидящего висело в воздухе. На уровне его плеч взмахивали два изогнутых, подвижных крыла. Под ними, впереди, крутился теневой диск, — видимо, воздушный винт. Позади седла — хвост с раскинутыми вилкой рулями. Весь аппарат — подвижен и гибок, как живое существо.

Вот, он нырнул и пошел у самой земли, — одно крыло вниз, другое — вверх. Показалась голова марсианина в шапке — яйцом, с длинным козырьком. На глазах — очки. Лицо — кирпичного цвета, узкое, сморщенное, с острым носом. Он разевал большой рот и кричал что-то. Часто, часто замахал крыльями, снизился, пробежал по земле, и соскочил с седла — шагах в тридцати от людей.

Марсианин был, как человек среднего роста, — одет в темную, широкую куртку. Сухие ноги его, выше колен, прикрыты плетеными гетрами. Он с сердцем стал указывать на поваленные кактусы. Но, когда Лось и Гусев двинулись к нему, он живо вскочил в седло, погрозил оттуда длинным пальцем, взлетел, почти без разбега, и сейчас же опять сел на землю, и продолжал кричать писклявым, тонким голосом, указывая на поломанные растения.

— Чудак, обижается, — сказал Гусев, и крикнул марсианину, — да плюнь ты на свои чортовы кактусы, будет тебе орать, тудыть твою в душу.

— Алексей Иванович, перестаньте ругаться, он не понимает по-русски. Сядьте, иначе он не подойдет.

Лось и Гусев сели на горячий грунт. Лось стал показывать, что хочет пить и есть. Гусев закурил

папиросу, сплюнул. Марсианин некоторое время глядел на них, и кричать перестал, но все еще сердито грозил длинным, как карандаш, пальцем. Затем, отвязал от седла мешок, кинул его в сторону людей, поднялся кругами на большую высоту, и быстро ушел на север, скрылся за горизонтом.

В мешке оказались две металлические коробки и плетеная фляжка с жидкостью. Гусев вскрыл коробки ножом, — в одной было сильно пахучее желе, в другой, — студенистые кусочки, похожие на рахат-лукум. Гусев понюхал:

— Тьфу, сволочи, что едят.

Он вытащил из аппарата корзину с провизией, набрал сухих обломков кактуса и запалил их. Поднялся легкой струйкой желтый дымок, кактусы тлели, но жара было много. Разогрели жестянку с солониной, разложили еду на чистом платочке. Ели жадно, только сейчас почувствовали нестерпимый голод.

Солнце стояло над головой, ветер утих, было жарко. По оранжевым кочкам прибежала ящерица. Гусев кинул ей кусочек сухаря. Она поднялась на передних лапах, подняла треугольную рогатую головку, и застыла, как каменная.

Лось попросил папироску и прилег, подперев щеку, — курил, усмехался.

— Алексей Иванович, знаете, — сколько времени мы не ели?

— Со вчерашнего вечера, Мстислав Сергеевич, перед отлетом, я картошки наелся.

— Не ели мы с вами, друг милый, двадцать три, или двадцать четыре дня.

— Сколько? -

— Вчера в Петербурге было 18 августа, — сказал Лось, — а сегодня в Петербурге 11 сентября: вот чудеса какие:

— Этого, вы мне голову оторвите, я не пойму, Мстислав Сергеевич.

— Да, этого и я хорошенько-то не понимаю — как это так. Вылетели мы в семь. Сейчас — видите — два часа дня. Девятнадцать часов тому назад мы покинули землю, — по этим часам. А по часам, которые остались у меня в мастерской — прошло около месяца. Вы замечали, — едете вы в поезде, спите, поезд останавливается, вы либо проснетесь от неприятного ощущения, либо во сне вас начинает томить. Это потому, что, когда вагон останавливается — во всем вашем теле происходит замедление скорости. Вы лежите в бегущем вагоне, и ваше сердце бьется и ваши часы идут скорее, чем если бы вы лежали в недвигающемся вагоне. Разница неуловимая, потому что

скорости очень малы. Иное дело — наш перелет. Половину пути мы пролетели почти со скоростью света. Тут уже разница ощутима. Биение сердца, скорость хода часов, колебание частиц в клеточках тела — не изменились по отношению друг друга, покуда мы летели в безвоздушном пространстве: — мы составляли одно целое с аппаратом, все двигалось в одном с ним ритме. Но, если скорость аппарата превышала в пятьсот тысяч раз нормальную скорость движения тела на земле, то скорость биения моего сердца один удар в секунду, — если считать по часам, бывшим в аппарате, — увеличилась в пятьсот тысяч раз, то есть — мое сердце билось во время полета пятьсот тысяч ударов в секунду, считая по часам, оставшимся в Петербурге. По биению моего сердца, по движению стрелки хронометра в моем кармане, по ощущению всего моего тела — мы прожили в пути десять часов сорок минут. И это на самом деле — были десять часов сорок минут. Но по биению сердца петербургского обывателя, по движению стрелки на часах Петропавловского собора — прошло со дня нашего отлета три с лишком недели. Впоследствии можно будет построить большой аппарат, снабдить его на полгода запасом пищи, кислорода и ультралид-

дита, и предлагать каким-нибудь чудакам: — вам не нравится жить в наше время, — войны, революции, мятежи — хаос. Хотите жить через сто лет? Для этого нужно только запастись терпением на полгода, посидеть в этой коробке, но зато — какая жизнь? Вы перескочите через столетие. И отправлять их со скоростью света на полгода в междузвездное пространство. Поскучают, обрастут бородой, вернутся, а на земле — золотой век. И школьники учат: — сто лет тому назад вся Европа была потрясена войнами и революциями. Столицы мира погибли в анархии. Никто ни во что и ничему не верил. Земля еще не видела подобных бедствий. Но вот, в каждой стране стало собираться ядро мужественных и суровых людей, они называли себя "Справедливыми". Они овладели властью, и стали строить мир на иных, новых законах — справедливости, милосердия и законности желания счастья, — это, в особенности, важно, Алексей Иванович: — счастье. А ведь все это так и будет, когда-нибудь.

Гусев охал, щелкал языком, много удивлялся:

— Мстислав Сергеевич, а как вы думаете насчет этого питья — мы не отравимся? — Он зубами вытащил из марсианской плетеной фляжки затычку, попробовал жидкость на язык, сплюнул:

— пить можно. — Хлебнул, крякнул. — Вроде нашей мадеры, попробуйте.

Лось попробовал: жидкость была густая, сладковатая, с сильным запахом мускатного ореха. Пробуя, они выпили половину фляжки. По жилам пошло тепло и особенная, легкая сила. Голова же оставалась ясной.

Лось поднялся, потянулся, расправился: хорошо, легко, странно было ему под этим иным небом, — несбыточно, дивно. Будто он выкинут прибоем звездного океана, — заново рожден в неизведанную, новую жизнь.

Гусев отнес корзину с едой в аппарат, плотно завинтил люк, сдвинул картуз на самый затылок:

— Хорошо, Мстислав Сергеевич, не жалко, что поехали.

Решено было опять пойти к берегу и побродить до вечера по холмистой равнине. Весело переговариваясь, они пошли между кактусами, иногда перепрыгивали через них длинными, легкими прыжками. Камни набережного откоса скоро забелели сквозь заросль.

Вдруг, Лось стал. Холодок омерзения прошел по спине. В трех шагах, у самой земли, из-за жирных листьев глядели на него большие, как лошадиные, полуприкрытые рыжими веками глаза.

Глядели пристально, с лютой злобой.

— Вы что? — спросил Гусев, и тоже увидел глаза. И, не размышляя, сейчас же выстрелил в них, — взлетела пыль. Глаза исчезли.

— Вон он! — Гусев повернулся и выстрелил еще раз в низко — по земле — стремительно бегущее животное: — углами подняты восемь ног, бурое, редкополосое, жирное тело. Это был огромный паук, какие на земле водятся лишь на дне моря. Он ушел в заросль.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

От берега до ближайшей кущи деревьев Лось и Гусев шли по горелому, бурому праху, — перепрыгивали через обсыпавшиеся, неширокие каналы, огибали высохшие прудки. Кое-где, в полузасыпанных руслах, из песка торчали ржавые ребра барок. Кое-где на мертвой, унылой равнине поблескивали выпуклые диски, — крышки. Пробовали их поднимать, — они оказались привинченными. Отсвечивающие пятна этих дисков тянулись от зубчатых гор по холмам к древесным кущам, к развалинам.

Среди двух холмов стоял ближайший лесок: куща низкорослых, с раскидистыми, плоскими вершинами, бурых деревьев. Их ветви были корявы и крепки, листва напоминала мелкий мох, стволы — жилистые и шишковатые. На опушке, между деревьями, висели обрывы колючей сети.

Вошли в лесок. Гусев нагнулся и пхнул ногой, — из-под праха покатился проломанный, человеческий череп, в зубах его блеснуло золото. Здесь было душно. Мшистые ветви бросали в безветренном зное скудную тень. Через несколько шагов опять наткнулись на выпуклый диск, — он

был привинчен к основанию круглого, металлического колодца. В конце леска стояли жилища: — это были развалины, — толстые, кирпичные стены, словно разорванные взрывом, горы щебня, торчащие концы согнутых, металлических балок.

— Дома взорваны, Мстислав Сергеевич, посмотрите, — сказал Гусев. — Тут у них, видимо, были дела, эти штуки мы знаем.

На куче мусора появился большой паук, и побежал вниз по рваному краю стены. Гусев выстрелил. Паук высоко подскочил и упал, перевернувшись. Сейчас же второй паук побежал из-за дома к деревьям, поднимая коричневую пыльцу, и ткнулся в колючую сеть, стал биться в ней, вытягивая ноги.

Из рощицы Гусев и Лось вышли на холм и стали спускаться ко второму леску, туда, где издалека виднелись кирпичные постройки и одно, выше других, каменное здание — с плоскими крышами. Между холмом и поселком лежало несколько дисков. Указывая на них, Лось сказал:

— По всей вероятности, это — колодцы подземных, электрических проводов. Но все это брошено. Весь край покинут.

Они перелезли через колючую сеть, пересек-

ли лесок и подошли к широкому, мощенному плитами, двору. В глубине его, упираясь в рощу, стоял дом, необыкновенной и мрачной архитектуры. Гладкие его стены сужались кверху и заканчивались массивным карнизом из черно-кровяного камня. В гладких стенах — узкие, как щели, глубокие отверстия окон. Две квадратные, сужающиеся кверху, колонны из того же черно-кровяного камня поддерживали скульптурное перекрытие входа. Плоские, во всю ширину здания, ступени вели к низким, массивным дверям. Высохшие волокна ползучих растений висели между темными плитами стен. Дом напоминал гигантскую гробницу.

Гусев стал пробовать плечом дверь, окованную бронзой. Дверь подалась. Они минули темный вестибюль и вошли в многоугольную высокую залу. Свет проникал в нее сквозь забранные стеклом отверстия сводчатого купола. Зала была почти пуста. несколько опрокинутых табуретов, стол с откинутой в одном углу мохнатой скатертью и блюдом с истлевшими остатками еды, несколько низких диванов у стен, на каменном полу — консервные жестянки, разбитые бутыли, какая-то, странной формы, машина, не то орудие — из дисков, шаров и металлической сети, стоящая близ

дверей, — все было покрыто слоем пыли.

Пыльный свет с купола падал на желтоватые, точно мраморные, стены. Вверху они были опоясаны широкой полосой мозаики. Очевидно, она изображала древнейшие события истории, — борьбу желтокожих великанов с краснокожими: — морские волны с погруженной в них по пояс человеческой фигурой, та же фигура, летящая между звезд, затем, — картины битв, нападение хищных зверей, стада длинношерстных животных, гонимые пастухами, сцены быта, охоты, пляски, рождения и погребения, — мрачный пояс этой мозаики смыкался над дверьми изображением постройки гигантского цирка.

— Странно, странно, — повторял Лось, влезая на диваны, чтобы лучше рассмотреть мозаику, — Алексей Иванович, видите рисунок головы на щитах, понимаете, что это такое?

Гусев, тем временем, отыскал в стене едва приметную дверь, — она открывалась на внутреннюю лестницу, ведущую в широкий, сводчатый коридор, залитый пыльным светом. Вдоль стен и в нишах коридора стояли каменные и бронзовые фигуры, торсы, головы, маски, черепки ваз. Украшенные мрамором и бронзой порталы дверей вели отсюда во внутренние покои.

Гусев пошел заглядывать в боковые, низкие, затхлые, слабо освещенные комнаты. В одной был высохший бассейн, в нем валялся дохлый паук. В другой — вдребезги разбитое зеркало, закрывающее одну из стен, на полу — куча истлевшего тряпья, опрокинутая мебель, в шкафах — лохмотья одежд.

В третьей комнате, низкой, закутанной коврами, на возвышении, под высоким колодцем, откуда падал свет, стояла широкая кровать. С нее до половины свешивался скелет марсианина. Повсюду — следы жестокой борьбы. В углу, тычком, лежал второй скелет. Здесь среди мусора и тряпья Гусев отыскал несколько вещиц из чеканного, тяжелого металла, — видимо золота. Это были предметы женского обихода, — украшения, ларчики, флакончики. Он снял с истлевшей одежды скелета два, соединенные цепочкой, больших граненых камня, прозрачных и темных, как ночь. Добыча была не плоха.

Лось осматривал скульптуру в коридоре. Среди востроносых, каменных голов, изображений маленьких чудовищ, раскрашенных масок, склеенных ваз, странно напоминающих очертанием и рисунком древнейшие этрусские амфоры, — внимание его остановила большая, поясная

статуя. Она изображала обнаженную женщину со всклокоченными волосами и свирепым, неправильным лицом. Острые груди ее торчали в стороны. Голову обхватывал золотой обруч из звезд, надо лбом он переходил в тонкую параболу, — внутри ее заключалось два шарика: рубиновый и красновато-кирпичный, глиняный. В чертах чувственного и властного лица было что-то волнующе знакомое, выплывающее из непостижимой памяти.

С боку статуи, в стене, темнела, небольшая ниша, забранная решеткой. Лось запустил пальцы сквозь прутья, но решетка не подалась. Он зажег спичку и увидел в нише, на истлевшей подушечке, золотую маску. Это было изображение широкоскулого, человеческого лица со спокойно закрытыми глазами. Лунообразный рот улыбался. Нос — острый, клювом. На лбу, между бровей, — припухлость в виде плоских пчелиных сот.

Лось сжег половину коробки спичек, с волнением рассматривая эту удивительную маску. Незадолго до отлета с земли он видел снимки подобных масок, открытых недавно среди развалин гигантских городов по берегам Нигера, в той части Африки, где теперь предполагают следы

культуры исчезнувшей расы.

Одна из боковых дверей в коридоре была приоткрыта. Лось вошел в длинную, очень высокую комнату с хорами и каменной балюстрадой. Внизу и наверху — на хорах стояли плоские шкафы и тянулись полки, уставленные маленькими, толстыми книжечками. Украшенные тиснением и золотой чеканкой корешки их тянулись однообразными линиями вдоль серых стен. В шкафах стояли металлические цилиндрики, в иных — огромные, переплетенные в кожу или в дерево — книги. Со шкафов, с полок, из темных углов библиотеки глядели каменными глазами морщинистые, лысые головы ученых марсиан. По комнате расставлено несколько глубоких кресел, несколько ящичков на тонких ножках с приставленным с боку круглым экраном.

Затаив дыхание, Лось оглядывал эту, с запахом тления и плесени, сокровищницу, где молчала, закованная в книги, мудрость тысячелетий, пролетевших над Марсом.

На цыпочках он подошел к полке и стал раскрывать книги. Бумага их была зеленоватая, шрифт геометрического очертания, мягкой, коричневой окраски. Одну из книг, с чертежами под'емных машин, Лось сунул в карман, чтобы просмотреть

на досуге. В металлических цилиндрах оказались вложенными желтоватые, звучащие под ногтем, как кость, валики, подобные валикам фонографа, но поверхность их была гладкая, как стекло. Один из таких валиков лежал на ящике с экраном, видимо приготовленный для заряжения и брошенный во время гибели дома.

Затем, Лось открыл черный шкаф, взял, наугад, одну из переплетенных в кожу, из'еденную червями, легкую, пухлую книгу и рукавом осторожно отер с нее пыль. Желтоватые, ветхие листы ее шли сверху вниз непрерывной, сложенной зигзагами, полосою. Эти, переходящие одна в другую, страницы были покрыты цветными треугольниками, величиною с ноготь. Они бежали слева направо и в обратном порядке неправильными линиями, то падая, то сплетаясь. Они менялись в очертании и цвете. Спустя несколько страниц между треугольниками появились цветные круги, меняющейся, как медузы, формы и окраски. Треугольники стали складываться в фигуры. Сплетения и переливы цветов и форм этих треугольников, кругов, квадратов, сложных фигур бежали со страницы на страницу. Понемногу в ушах Лося начала наигрывать, едва уловимая, тончайшая, пронзительно печальная музыка.

Он закрыл книгу, прикрыл глаза рукой и долго стоял, прислонившись к книжным полкам, взволнованный и одурманенный никогда еще не испытанным очарованием: — поющая книга.

— Мстислав Сергеевич, — раскатисто по дому пронесся голос Гусева, — идите ка сюда, скорее.

Лось вышел в коридор. В конце его, в дверях, стоял Гусев, испуганно улыбаясь:

— Посмотрите-ка, что у них творится.

Он ввел Лося в узкую, полутемную комнату, в дальней стене было вделано большое, квадратное, матовое зеркало, перед ним стояло несколько табуретов и кресел.

— Видите — шарик висит на шнурке, думаю, — золотой, дай сорву, глядите, что получилось.

Гусев дернул за шарик. Зеркало озарилось, появились уступчатые очертания огромных домов, окна, сверкающие закатным солнцем, машущие ветви деревьев, глухой гул толпы наполнил темную комнату. По зеркалу, сверху вниз, закрывая очертания города, скользнула крылатая тень. Вдруг огненная вспышка озарила экран, резкий треск раздался под полом комнаты, туманное зеркало погасло.

— Короткое замыкание, провода перегорели, — сказал Гусев, — а ведь нам надо бы итти,

Мстислав Сергеевич, ночь скоро.

ЗАКАТ

Раскинув узкие, туманные крылья, пылающее солнце клонилось к закату.

Лось и Гусев бежали по тускнеющей, теперь еще более пустынной и дикой равнине к берегу канала. Солнце быстро уходило за близкий край поля, и кануло. Ослепительно алое сияние разлилось на месте заката. Резкие лучи его озарили полнеба, и быстро, быстро покрывались серым пеплом, — гасли. Небо густо темнело.

В пепельном закате, низко над Марсом, встала большая, красная звезда. Она всходила, как гневный глаз. Несколько мгновений темнота была насыщена лишь ее мрачными лучами.

Но уже по всему непроглядному небу начали высыпать звезды, сияющие, зеленоватые созвездия, — ледяные лучи их кололи глаза. Мрачная звезда, восходя, разгоралась.

Добежав до берега, Лось остановился и, указывая рукой на красную звезду, сказал:

— Земля.

Гусев снял картуз, вытер пот со лба. Закинув голову, глядел на плывущую между созвездиями далекую родину. Его лицо было печально и по-

бледневшее.

Так, они долго стояли на белеющем в звездном свету древнем берегу канала.

Но вот, из-за темной и резкой черты горизонта появился светлый серп, меньше лунного, и стал подниматься над кактусовым полем. Длинные тени легли от лапчатых растений.

Гусев локтем толкнул Лося.

— Позади-то нас, поглядите.

Позади них над холмистой равниной, над рощами и развалинами, стоял второй спутник Марса. Круглый, желтоватый диск его, так же меньший луны, клонился за зубчатые горы. Отблескивали на холмах металлические диски.

— Ну и ночь, — прошептал Гусев, — как во сне.

Они осторожно спустились с берега в темные заросли кактусов. Из-под ног шарахнулась чья-то тень. Мохнатый клубок побежал по лунным пятнам. Заскрежетало. Пискнуло — пронзительно, нестерпимо тонко. Шевелились, поблескивающие в мертвом свету листья кактусов. Липла к лицу паутина, упругая, как сеть.

Вдруг, вкрадчивым, ужасным, раздирающим воем огласилась ночь. Оборвало. Все стихло. Гусев и Лось большими прыжками, содрогаясь от отвращения и ужаса бежали по полю, перескаки-

вали через ожившие растения.

Наконец, в свету восходящего серпа блеснула стальная обшивка аппарата. Добежали. Присели, отпыхиваясь.

— Ну, нет, по ночам в эти паучиные места я не ходок, — сказал Гусев, отвинтил люк и полез в аппарат.

Лось еще медлил. Прислушивался, поглядывал. И вот, он увидел — между звезд черным фантастическим силуэтом плыла крылатая тень корабля.

ЛОСЬ ГЛЯДИТ НА ЗЕМЛЮ

Тень воздушного корабля исчезла. Лось влез на обшивку аппарата, закурил трубочку и поглядывал на звезды. Тонкий холодок слегка знобил тело.

Внутри аппарата возился, бормотал Гусев, рассматривал, прятал найденные вещицы. Потом голова его высунулась из люка:

— Что вы ни говорите, Мстислав Сергеевич, а это все золото, а камушкам — цены нет. Эти вещи в Петербурге продать — десять вагонов денег. Вот дуреха-то моя обрадуется.

Голова скрылась, и вскоре он совсем затих. Счастливый был человек, Гусев.

Но Лось спать не мог, — сидел, помаргивал на звезды, посасывал трубочку. Чорт знает что такое! Откуда на Марс могли попасть африканские маски с этим отличительным, третьим глазом в виде сот в междубровной впадине? А мозаика? Погибающие в море, летящие между звезд великаны? Изображение головы сфинкса на щитах? А знак параболы: — рубиновый шарик, — земля и кирпичный, — Марс? Знак власти над двумя мирами. Непостижимо. А поющая книга? А

странный город, появившийся в туманном зеркале? Затем, — почему весь этот край покинут, заброшен?

Лось выколотил трубку о каблук и снова набил ее табаком. Скорее бы настал день. Очевидно, что марсианин-летчик даст знать куда-нибудь в населенный центр. Быть может, их уже и сейчас разыскивают, и проплывший перед звездами корабль, именно, послан за ними.

Лось оглянул небо. Свет красноватой звезды-земли бледнел, она приближалась к зениту, лучик от нее шел в самое сердце.

Бессонной ночью, стоя в воротах сарая, Лось, точно так же, с холодной печалью глядел на восходивший Марс. Это было позапрошлой ночью. Лишь одна ночь отделяла его от земли, от мучительных теней. Но какая ночь!

Земля, земля, зеленая, то в облаках, то в прорывах света, пышная, многоводная, так расточительно жестокая к своим детям, политая горячей кровью, и — все же любимая, — родина…

Ледяным ужасом сжало мозг: Лось ясно увидел себя, сидящего среди чужой пустыни на железной коробке, как дьявол одинокого, покинутого Духом земли. Тысячелетия прошлого и тысячелетия грядущего — не одна ли это непрерывная

жизнь одного тела, освобождающегося от хаоса? Быть может, этот красноватый шарик земли, плывущий в звездной пустыне, — лишь живое, плотское сердце великого Духа, раскинутого в тысячелетиях? Человек, эфемерида, пробуждающийся на мгновение к жизни, он — Лось, один, своей безумной волей оторвался от великого Духа, и вот, как унылый бес, презренный и проклятый, один сидит на пустыре.

Было от чего замерзнуть сердцу. Вот оно, вот оно — одиночество. Лось соскочил с аппарата и влез в люк, лег рядом с похрапывающим Гусевым. Так, стало легче. Этот простой человек не предал родины, прилетел за тридевять земель, на девятое небо, и только и смотрит, что бы ему захватить, привезти домой, Маше. Спит покойно, совесть чиста.

От тепла, от усталости Лось понемногу задремал. Во сне сошло на него утешение. Он увидел берег земной реки, березы, шумящие от ветра, облака, искры солнца и воде, и на той стороне кто-то в белом машет ему, зовет, манит.

Лося и Гусева разбудил сильный шум воздушных винтов.

МАРСИАНЕ

Ослепительно розовые гряды облаков, как жгуты пряжи, висевшей с востока на запад, покрывали утреннее небо. То появляясь в густо синих просветах, то исчезая за розовыми грядами, опускался, залитый солнцем, летучий корабль. Очертание его трехмачтового остова напоминало карфагенскую галеру. Три пары острых, гибких крыльев простирались с боков его.

Корабль прорезал облака, и, весь влажный, серебристый, сверкающий, повис над кактусами. На крайних его коротких мачтах мощно ревели вертикальные винты, не давая ему опуститься. С бортов откинулись лесенки, и корабль сел на них. Винты остановились.

По лесенкам вниз побежали щуплые фигуры марсиан. Они были в одинаковых, яйцевидных шлемах, в серебристых, широких куртках, с толстыми воротниками, закрывающими шею и низ лица. В руках у каждого было оружие, в виде короткого, с диском посредине, автоматического ружья.

Гусев, насупившись, стоял около аппарата. Держа руку на маузере, поглядывал, как марсиане

выстроились в два ряда. Их ружья лежали дулом на согнутой руке.

— Оружие, сволочи, как бабы держат, — проворчал он. Лось стоял, сложив руки на груди, улыбаясь. Последним с корабля спустился марсианин, одетый в черный, падающий большими складками, халат. Открытая голова его была лысая, в шишках. Безбородое, узкое лицо — голубоватого цвета.

Увязая в рыхлой почве, он прошел мимо двойного ряда солдат. Выпуклые, светлые, ледяные глаза его остановились на Гусеве. Затем, он глядел только на Лося. Приблизился к людям, поднял крошечную руку в широком рукаве, и сказал тонким, стеклянным, медленным голосом птичье слово:

— Талцетл.

Еще более расширились его глаза, осветились холодным возбуждением. Он повторил птичье слово и повелительно указал на небо. Лось сказал:

— Земля.

— Земля, — с трудом повторил марсианин, поднял кожу на лбу. Шишки его потемнели. Гусев выставил ногу, кашлянул и сказал сердито:

— Из России, мы — русские. Мы, значит, к вам,

здрасте, — он дотронулся до козырька, — мы вас не обижаем, вы нас не обижайте… Он, Мстислав Сергеевич, ни чорта по-нашему не понимает.

Голубоватое, умное лицо марсианина было неподвижно, лишь на покатом лбу его, между бровей, стало вздуваться от напряжения красноватое пятно. Легким движением руки он указал на солнце и проговорил знакомый звук, прозвучавший странно:

— Соацр.

Он указал на почву, развел руками, как бы обхватывая шар:

— Тума

Указал на одного из солдат, стоявших полукругом позади него, указал на Гусева, на себя, на Лося:

— Шохо.

Так, он назвал словами несколько предметов, выслушал их значение на языке земли. Приблизился к Лосю и важно коснулся безымянным пальцем его лба, впадины между бровями. Лось нагнул голову в знак приветствия. Гусев, после того, как его коснулись, дернул на лоб козырек:

— Как с дикарями обращаются.

Марсианин подошел к аппарату и долго, со сдержанным удивлением, затем, поняв, видимо,

его принцип, — с восхищением рассматривал огромное, стальное яйцо, покрытое коркой нагара. Вдруг, всплеснул руками, обернулся к солдатам и быстро, быстро стал говорить им, подняв к небу стиснутые руки.

— Аиу, — ответили солдаты завывающими голосами.

Он же положил ладонь на лоб, вздохнул глубоко, — овладел волнением и, повернувшись к Лосю, уже без холода, потемневшими, увлажненными глазами взглянул ему в глаза:

— Аиу, — сказал он, — аиу утара шохо, дациа тума ра гео талцетл.

Вслед за этим он рукою закрыл глаза и поклонился низко. Выпрямился, подозвал солдата, взял у него узкий нож и стал царапать по обшивке аппарата: начертил яйцо, над ним крышу, сбоку — фигурку солдата. Гусев, смотревший ему через плечо, сказал:

— Предлагает кругом аппарата палатку поставить и охрану, только, Мстислав Сергеевич, как бы они у нас вещи не растаскали, люки-то без замков.

— Бросьте, в самом деле, дурака валять, Алексей Иванович.

— Так ведь там золото. А я с одним, вот с тем,

солдатешком переглянулся, — рожа у него самая ненадежная.

Марсианин слушал этот разговор с вниманием и почтением. Лось знаками показал ему, что согласен оставить аппарат под охраной. Марсианин поднес к большому, тонкому рту свисток, свистнул. С корабля ответили таким же пронзительным свистом. Тогда марсианин стал высвистывать какие-то сигналы. На верхушке средней, более высокой, мачты поднялись, как волосы, отрезки тонких проволок, раздалось потрескиванье искр.

Марсианин указал Лосю и Гусеву на корабль. Солдаты придвинулись, стали кругом. Гусев оглянулся на них, усмехнулся криво, пошел к аппарату, вынул из него два мешка с бельишком и мелочами, крепко завинтил люк, и, указывая на него солдатам, — хлопнул по маузеру, погрозил пальцем, скосоротился ужасно. Марсиане с изумлением наблюдали за этими движениями.

— Ну, Алексей Иванович, пленники мы, или гости — податься нам некуда, — сказал Лось, засмеялся, вскинул мешок на плечо, и они пошли к кораблю.

На мачтах его с сильным шумом закрутились вертикальные винты. Крылья опустились. За-

выли пропеллеры. Гости, быть может пленники, взошли по хрупкой лесенке на борт.

ПО ТУ СТОРОНУ ЗУБЧАТЫХ ГОР

Корабль летел невысоко над Марсом в северо-западном направлении. Лось и лысый марсианин остались на палубе. Гусев сошел во внутрь корабля к солдатам.

В светлой, соломенного цвета, рубке, он сел в плетеное кресло и некоторое время глядел на востроносых, щуплых солдатиков, помаргивающих, как птицы, рыжими глазами. Затем вынул жестяной, с тисненной на нем царь-пушкой, заветный портсигар, — с ним он семь лет не расставался на всех фронтах, — хлопнул по царь-пушке, — "покурим, товарищи", — и предложил папирос.

Марсиане с испугом затрясли головами. Один, все-таки, взял папироску, рассмотрел, понюхал и спрятал в карман белых штанов. Когда же Гусев закурил, солдаты в величайшем страхе попятились от него, зашептали птичьими голосами:

— Шохо тао хавра, шохо-ом.

Красноватые, востренькие лица их с ужасом следили, как "шохо" глотает дым. Но понемногу они принюхались и успокоились, и снова подсели к человеку.

Гусев, не особенно затрудняясь незнанием марсианского языка, стал рассказывать новым приятелям про Россию, про войну, революцию, про свои подвиги, — хвастался чрезвычайно:

— Гусев — это моя фамилия. Гусев — от гусей: здоровенные у нас такие птицы на земле, вы таких птиц сроду и не видали. А зовут меня — Алексей Иваныч. Я не только полком — я конной дивизией командовал. Страшный герой, ужасный. У меня тактика: пулеметы, не пулеметы, — шашки на голо, — "даешь, сукин сын, позицию". — И рубить. И я весь сам изрубленный, мне наплевать. У нас в военной академии даже особый курс читают: "Рубка Алексея Гусева", ей-Богу, — не верите? Корпус мне предлагали. — Гусев ногтем сдвинул картуз, почесал за ухом. — Надоело, нет, извините. Семь лет воевал, хоть кому очертеет. А тут Мстислав Сергеевич меня зовет, умоляет: "Алексей Иванович, без вас хоть на Марс не лети". Вот, значит, — здрасте. Так-то.

Марсиане слушали, дивились. Один принес фляжку с коричневой, мускатного цвета, жидкостью. Другой открыл консервы. Гусев вынул из мешка полбутылки спирту, захваченному с земли. Марсиане выпили и залопотали. Гусев

стал целоваться, хлопал их по спинам, шумел. Потом начал вытаскивать из карманов разную дребедень, — предлагал меняться. Марсиане с радостью отдавали ему золотые вещицы за перочинный ножик, за огрызок карандаша, за удивительную, сделанную из ружейного патрона, зажигалку. Со всеми Гусев уж был на ты.

Тем временем Лось, облокотившись о решетчатый борт корабля, глядел на уплывающую внизу, унылую, холмистую равнину. Он узнал дом, где побывали вчера. Повсюду лежали такие же развалины, островки деревьев, тянулись высохшие каналы.

Указывая на эту пустыню, Лось изобразил недоумение, — почему целый край покинут и мертв? Выпуклые глаза лысого марсианина вдруг стали злыми. Он подал знак, и корабль поднялся, описал дугу и летел теперь к вершинам зубчатых гор.

Солнце взошло высоко, облака исчезли. Ревели пропеллеры, при поворотах и под'емах поскрипывали, двигались гибкие крылья, шумели вертикальные винты. Лось заметил, что кроме шума винтов и посвистыванья ветра в крыльях и прорезных мачтах — не было слышно иных звуков: машины работали бесшумно. Не было видно и самих машин. Лишь на оси каждого вин-

та крутилась круглая коробка, подобная кожуху динамы, да на верхушках передней и задней мачт потрескивали две элиптические корзины из серебристой проволоки.

Лось спрашивал у марсианина название предметов и записывал их. Затем вынул из кармана давешнюю книжку с чертежами, прося указать звуки геометрических букв. Марсианин с изумлением смотрел на эту книгу. Снова глаза его похолодели, тонкие губы скривились брезгливо. Он осторожно взял книгу из рук Лося и швырнул за борт.

От высоты, разреженного воздуха у Лося начало ломить грудь, слезами застилало глаза. Заметив это, марсианин дал знак снизиться. Корабль летел теперь над кроваво-красными, пустынными скалами. Извилистый и широкий горный хребет тянулся с юго-востока на северо-запад. Тень от корабля летела внизу по рваным обрывам, искрящимся жилами руд и металлов, по крутым склонам, поросшим лишаями, срывалась в туманные пропасти, покрывала тучкой сверкающие, как алмазы, ледяные пики, зеркальные глетчеры. Край был дик и безлюден.

— Лизиазира, — кивнув на горы, сказал марсианин, — оскалил мелкие, блеснувшие золотом,

зубы.

Глядя вниз на эти скалы, так печально напомнившие ему мертвый пейзаж разбитой планеты, Лось увидел в пропасти на камнях опрокинутый корабельный остов, обломки серебристого металла были раскиданы кругом него. Далее, из-за гребня скалы поднималось сломанное крыло второго корабля. Направо, пронзенный гранитным пиком, висел третий, весь изуродованный, корабль. Повсюду, в этих местах, виднелись остатки огромных крыльев, разбитых остовов, торчащих ребер. Это было место битвы, казалось, демоны были повержены на эти бесплодные скалы.

Лось покосился на соседа. Марсианин сидел, придерживая халат у шеи, и спокойно глядел на небо. Навстречу кораблю летели длиннокрылые птицы, вытянувшись в линию. Вот, они взмыли, сверкнув желтыми крыльями в темной синеве, и повернули. Следя за их снижающимся полетом, Лось увидел черную воду круглого озера, глубоко лежащего между скал. Кудрявые кусты лепились по его берегам. Желтые птицы сели у воды. Озеро начало ходить зыбью, закипело и из средины его поднялась сильная струя воды, раскинулась и опала.

— Соам, — проговорил марсианин торжествен-

но.

Горный хребет кончался. На северо-западе сквозь прозрачные, зыбкие волны зноя виднелась канареечно-желтая равнина, блестели большие воды. Марсианин протянул руку в направлении туманной, чудесной дали и с длинной улыбкой сказал:

— Азора.

Корабль слегка поднялся. Влажный, сладкий воздух шел в лицо, шумел в ушах. Азора расстилалась широкой, сияющей равниной. Прорезанная полноводными каналами, покрытая оранжевыми кущами растительности, веселыми, канареечными лугами, Азора, что означало — радость, походила на те цыплячьи, весенние луга, которые вспоминаются во сне, в далеком детстве.

По каналам плыли лодки и барки. По берегам разбросаны белые домики, узорные дорожки садов. Повсюду ползали фигурки марсиан. Иные снимались с плоской крыши и летучей мышью летели через воду, или за рощу. Крутились ветряные диски на прозрачных башенках. Повсюду, в лугах, блестели лужи, сверкали ручьи. Чудесный был край Азора.

В конце равнины играла солнечная зыбь

огромного, водного пространства, куда уходили извилистые линии всех каналов. Корабль летел в ту сторону, и Лось увидел, наконец, большой, прямой канал. Дальний берег его тонул во влажной мгле. Желтоватые, мутные воды его медленно текли вдоль каменного откоса.

Летели долго. И вот, в конце канала начал подниматься из воды ровный край стены, уходящей концами за горизонт. Стена вырастала. Теперь были видны огромные глыбы кладки, поросшей кустами и деревьями между щелями. Они подлетали к гигантскому цирку. Он был полон воды. Над поверхностью, во многих местах, поднимались пенными шапками фонтаны…

— Ро, — сказал марсианин, важно подняв палец.

Лось вытащил из кармана записную книжку, отыскал в ней, наспех, вчера набросанный, чертеж линий и точек на диске Марса. Рисунок он протянул соседу и указал вниз, на цирк. Марсианин всмотрелся, сморщившись, понял, радостно закивал и ногтем мизинца отчеркнул одну из точек на чертеже.

Перегнувшись через борт, Лось увидел расходящиеся от цирка две прямые и одну изогнутую линии наполненных водою каналов. Так вот

она — тайна: круглые пятна на диске Марса были цирками — водными хранилищами, линии треугольников и полукружий — каналами. Но какие существа могли построить эти циклопические стены? Лось оглянулся на своего спутника. Марсианин выпятил нижнюю губу, поднял разведенные руки к небу:

— Тао хацха уталицитл.

Корабль пересекал теперь выжженную равнину. На ней лежало розово-красной, весьма широкой, цветущей полосой безводное русло четвертого канала, покрытое, словно посевом, правильными рядами растительности. Видимо, — это была одна из линий второй сети каналов — бледного рисунка на диске Марса.

Равнина переходила в невысокие, мягкие холмы. За ними стали проступать голубоватые очертания решетчатых башен. На средней мачте корабля поднялись и защелкали искрами отрезки проволок. За холмами вставали все новые и новые очертания решетчатых башен, уступчатых зданий. Огромный город выступал серебристыми тенями из солнечной мглы. Марсианин сказал:

— Соацера.

СОАЦЕРА

Голубоватые очертания Соацеры, уступы плоских крыш, решетчатые стены, покрытые зеленью, овальные зеркала прудов, прозрачные башни, — выходя из-за холмов, занимали все большее пространство, тонули за мглистым горизонтом. Множество черных точек летело над городом навстречу кораблю.

Цветущий канал ушел к северу. На восток от города расстилалось пустынное, покрытое кучами щебня, изрытое поле. У края этой пустыни, бросая резкую, длинную тень, возвышалась гигантская статуя человека, — потрескавшаяся, покрытая лишаями.

Каменный, обнаженный человек стоял во весь рост, ноги его были сдвинуты, руки прижаты к узким бедрам, рубчатый пояс подпирал выпуклую грудь, на солнце тускло мерцал его ушастый шлем, увенчанный острым гребнем, как рыбий хребет. Скуластое лицо с закрытыми глазами улыбалось лунообразным ртом.

— Магацитл, — сказал марсианин и указал на небо.

Вдали за статуей виднелись огромные разва-

лины цирка, унылые очертания рухнувших арок акведука. Всматриваясь, Лось понял, что кучи щебня на равнине, ямы, холмы — были остатками древнейшего города. Новый город, Соацера, начинался за сверкающим озером, на запад от этих развалин.

Черные точки в небе приближались, увеличивались. Это были сотни марсиан, летевших навстречу в крылатых лодках и седлах, на парусиновых птицах, в корзинах с парашютами. Первой домчалась, описала крутой заворот и повисла над кораблем сияющая, золотая, четырехкрылая, как стрекоза, узкая сигара. С нее посыпались цветы, разноцветные бумажки на палубу корабля, — свешивались молодые, взволнованные лица.

Лось встал, держась за трос, снял шлем, — ветер поднял его белые волосы. Из рубки вылез Гусев и стал рядом. Охапки цветов полетели на них из лодок. На голубоватых, то смуглых, то кирпичных, лицах подлетающих марсиан было неистовое возбуждение, восторг, ужас.

Теперь, над головой, спереди, с боков, вдогонку за медленно плывущим кораблем, летели сотни воздушных экипажей. Вот, скользнул, сверху вниз, в корзине под парашютом размахивающий руками толстяк в полосатом колпаке. Вот,

мелькнуло бородатое лицо, глядящее в трубку. Вот, озабоченный, с развевающимися волосами, востроносый марсианин, вертясь перед кораблем на крылатом седле, наводил какой-то крутящийся ящичек на Лося. Вот, пронеслась, вся в цветах, плетеная лодка, — три женских, большеглазых, худеньких лица, голубые чепцы, голубые, летящие рукава, белые шарфы.

Пение винтов, шум ветра в крыльях, тонкие свистки, сверкание золота, пестрота одежд в воздушной синеве, внизу — пурпуровая, то серебристая, то канареечная листва парков, сверкающие отблесками солнца окна уступчатых домов, — все было, как сон. Кружилась голова. Гусев озирался, повторял шопотом:

— Гляди, гляди, эх ты…

Корабль проплыл над висячими садами и плавно опустился на большую, круглую площадь. Тотчас, посыпались, горохом с неба, сотни лодок, корзин, птичищ, — садились, шлепались на белые плиты площади. В улицах, расходящихся от нее звездою, шумели толпы народа, бежали, кидали цветы, бумажки, махали платочками.

Корабль сел у высокого и тяжелого, как пирамида, мрачного здания из черно-красного камня. На широкой лестнице его, между квадратных,

суженых кверху, колонн, доходивших только до трети высоты дома, стояла кучка марсиан. Они были все в черных халатах, в круглых шапочках. Это был, как Лось узнал впоследствии, Верховный Совет Инженеров, — высший орган управления всеми странами Марса.

Марсианин-спутник указал Лосю — ждать. Солдаты сбежали по лесенкам на площадь и окружили корабль, сдерживая напиравшие толпы. Гусев с восхищением глядел на пеструю от одежд, волнующуюся площадь, на вздымающееся над головами множество крыльев, на громады сероватых, или черно-красных зданий, на прозрачные, за крышами, очертания башен.

— Ну, город, вот это — город, — повторял он, притоптывая.

На лестнице марсиане в черных халатах раздвинулись. Появился высокий, сутулый марсианин, также одетый в черное, с длинным, мрачным лицом, с длинной, узкой, черной бородой. На круглой шапочке его дрожал золотой гребень, как рыбий хребет.

Сойдя до середины лестницы, опираясь на трость, он долго смотрел запавшими, темными глазами на пришельцев с земли. Глядел на него и Лось, — внимательно, настороженно.

— Дьявол, уставился, — шепнул Гусев. Обернулся к толпе и уже беспечно крикнул: — Здравствуйте, товарищи марсиане, мы к вам с приветом, принимайте гостей.

Толпа изумленно вздохнула, заропотала, зашумела, надвинулась. Мрачный марсианин захватил горстью бороду и перевел глаза на толпу, окинул тусклым взором площадь. И под его взглядом стало утихать взволнованное море голов. Он обернулся к стоявшим на лестнице, сказал несколько слов и, подняв трость, указал ею на корабль.

Тотчас к кораблю сбежал один из марсиан и тихо и быстро проговорил что-то нагнувшемуся к нему через борт лысому марсианину. Раздались сигнальные свистки, двое солдат взбежали на борт, завыли винты, и корабль, грузно отделившись от площади, поплыл над городом в северном направлении.

В ЛАЗОРЕВОЙ РОЩЕ

Соацера утонула далеко за холмами. Корабль летел над равниной. Кое-где виднелись однообразные линии построек, столбы и проволоки подвесных дорог, отверстия шахт, груженые шаланды, двигающиеся по узким каналам.

Но вот, из лесных кущ все чаще стали подниматься скалистые пики. Корабль снизился, пролетел над дымным ущельем и сел на луг, покато спускающийся к темным и пышным зарослям.

Лось и Гусев взяли мешки, и вместе с лысым их спутником пошли по лугу вниз, к роще.

Водяная пыль, бьющая из боковых отверстий переносных труб, играла радугами над сверкающей влагою, кудрявой травой. Стадо низкорослых, длинношерстых животных, черных и белых, паслось по склону. Было мирно. Тихо шумела вода. Подувал ветерок.

Длинношерстые животные лениво поднимались, давая дорогу людям, и отходили, переваливаясь медвежьими лапами, оборачивали плоские, кроткие морды. Мальчик пастух, в длинной, красной рубахе, сидел на камне, подперев

подбородок, и тоже лениво глядел на проходивших. Опустились на луг желтые птицы и распушились, отряхиваясь под радужным фонтаном воды. Вдали бродил на длинных ногах ярко зеленый журавль-меланхолик.

Подошли к роще. Пышные, плакучие деревья были лазурно-голубые. Смолистая, небесная листва шелестела мягко, шумели повисшие ветви. Сквозь пятнистые стволы играла вдали сияющая вода озера. Пряный, сладкий зной в этой голубой чаще кружил голову.

Рощу пересекало много тропинок, посыпанных оранжевым песком. На скрещении их, на круглых полянах, стояли старые, иные поломанные, в лишаях, большие статуи из песчаника. Над зарослями поднимались обломки колонн, остатки циклопической стены.

Дорожка загибала к озеру. Открылась его темно-синяя, зеркальная поверхность с опрокинутой вершиной далекой, скалистой горы. Чуть шевелились в воде отражения плакучих деревьев. Сияло пышное солнце. В излучине берега, с боков мшистой лестницы, спускающейся в озеро, сидели две огромные, человеческие статуи, потрескавшиеся, поросшие ползучей растительностью.

На ступенях лестницы появилась молодая жен-

щина, выходившая из воды. Голову ее покрывал желтый, острый колпачок. Она казалась юношески тонкой, — бело-голубоватая, рядом с грузным очертанием, покрытого мхом, вечно улыбающегося сквозь сон, сидящего Магацитла. Вот, она поскользнулась, схватилась за каменный выступ, подняла голову.

— Аэлита, — прошептал марсианин, прикрыл глаза рукавом и потащил Лося и Гусева с дорожки в чащу.

Скоро они вышли на большую поляну. В глубине ее, в густой траве, стоял угрюмый, с покатыми стенами, серый дом. От звездообразной, песчаной площадки, перед его фасадом, прямые дорожки бежали через луг, вниз, к роще, где между деревьями виднелись кирпичные, низкие постройки.

Лысый марсианин свистнул. Из-за угла дома появился низенький, толстенький марсианин в полосатом халате. Багровое лицо его было точно натерто свеклой. Морщась от солнца, от подошел, но, услышав — кто такие приезжие, сейчас же приноровился удрать за угол. Лысый марсианин заговорил с ним повелительно, и толстяк, садясь на ноги от страха, оборачиваясь, показывая желтый зуб из беззубого рта, — повел гостей в дом.

ОТДЫХ

Гостей отвели в светлые, маленькие, почти пустые комнаты, выходившие узкими окнами в парк. Стены столовой и спален были обтянуты соломенного цвета циновками. В углах стояли кадки с цветущими деревцами. Гусев нашел помещение подходящим: "Вроде багажной корзины, очень славно".

Толстяк в полосатом халате, управляющий домом, суетился, лопотал, катался из двери в дверь, вытирал коричневым платком череп, и, время от времени, каменел, выкатывая на гостей склерозные глаза, — тайно устраивал пальцами рожки, огораживался.

Он напустил воду в бассейн и привел Лося и Гусева, каждого, в свою ванную, — со дна ее поднимались густые клубы пара. Прикосновение к безмерно уставшему телу горячей, пузырящейся, легкой воды, было так сладко, что Лось едва не заснул в мраморном бассейне. Управляющий вытащил его за руку.

Лось едва доплелся до столовой, где был накрыт стол множеством тарелочек с печеной рыбой, паштетами, птицей, крошечными яйцами, заса-

харенными фруктами. Хрустящие, величиной с орех, шарики хлеба таяли во рту.

Кушали крошечными лопаточками. Управляющий каменел, глядя, как люди с земли пожирают блюда деликатнейшей пищи. Гусев вошел в аппетит и лопаточку оставил, ел руками, похваливал. Особенно хорошо было вино, — белое, отдающее синевой, с запахом сырости и смородины. Оно испарялось во рту и огненным зноем текло по жилам.

Приведя гостей в спальни, управляющий долго еще хлопотал, подтыкая одеяла, подсовывая подушечки. Но уже крепкий и долгий сон овладел "белыми гигантами". "Они дышали и сопели так громко, что дрожали стекла, трепетали растения в углах, и кровати трещали под их не по-марсиански могучими телами".

Лось открыл глаза. Синеватый, искусственный свет лился с потолка, как из чаши. Было тепло и приятно лежать. "Что случилось? Где я лежу?". Но он так и не сделал усилия — вспомнить. "Боже, какая усталость", — подумал он с наслаждением, и снова закрыл глаза.

Поплыли какие-то лучезарные пятна, — словно

вода играла сквозь лазурную листву. Предчувствие изумительной радости, ожидание, что вот-вот из этих сияющих пятен что-то должно войти сейчас в его сон, — наполняло его чудесной тревогой.

Сквозь дрему, улыбаясь, он хмурил брови, — силился проникнуть за эту тонкую пелену скользящих, солнечных пятен. Но еще более глубокий сон прикрыл его облаком.

Лось скинул ноги с постели. Сел. Так, сидел некоторое время, опустив голову. Поднялся, дернул в бок толстую штору. За узким окном горели ледяным светом огромные звезды, — незнакомый их чертеж был странен и дик.

— Да, да, да, — проговорил Лось, — я не на земле. Земля осталась там. Ледяная пустыня, бесконечное пространство. Уйти так далеко! Я — в новом мире. Ну, да: я же — мертв. Ведь я это знаю. Душа моя — там.

Он сел на кровать. Вонзил ногти в грудь, там — где сердце. Затем, лег ничком.

— Это ни жизнь, ни смерть. Живой мозг, живое тело. Но весь я — покинут, я — пуст. Вот он, вот он — ад.

Он закусил подушку, чтобы не закричать. Он сам не мог понять, почему вторую ночь его так невыносимо мучает тоска по земле, по самому себе, жившему там за звездами. Словно — оторвалась живая нить, и душа его задыхается в ледяной, черной пустоте.

— Кто здесь?

Лось вскочил. В окно бил луч утреннего света. Соломенная, маленькая комната была ослепительно чиста. Шумели листья, свистали птицы за окном. Лось провел рукой по глазам, глубоко вздохнул. Сердце было тревожно, но радостно.

В дверь опять легонько постучали. Лось распахнул дверь, — за нею стоял полосатый толстяк, придерживая обеими руками на животе охапку лазоревых, осыпанных росою, цветов:

— Аиу утара аэлита, — пропищал он, протягивая цветы.

ТУМАННЫЙ ШАРИК

За утренней едой Гусев сказал:

— Мстислав Сергеевич, ведь это выходит не дело. Летели чорт ее знает какую даль, и, пожалуйте, — сиди в захолустье. В город они небось нас не пустили, — видели, как бородатый-то, черный, насупился. Ох, Мстислав Сергеевич, опасайтесь его. У меня в спальней его портрет висит. Пока нас поят, кормят, а потом что? Пить, есть, в ванных прохлаждаться — за этим, ведь, и лететь не стоило.

— А вы не торопитесь, Алексей Иванович, — сказал Лось, поглядывая на лазоревые цветы, пахнущие горьковато и сладко, — поживем, обсмотримся, увидят, что мы не опасны, пустят и в город.

— Не знаю, как вы, Мстислав Сергеевич, а я сюда не прохлаждаться приехал.

— Что же, по-вашему, мы должны предпринимать?

— Странно от вас это слышать, Мстислав Сергеевич, уж не нанюхались ли вы чего-нибудь сладкого.

— Ссориться хотите?

— Нет, не ссориться. А сидеть — цветы нюхать: этого и у нас на земле сколько в душу влезет. А я думаю, — если мы первые сюда заявились, то Марс теперь наш, русский. Это дело надо закрепить.

— Чудак вы, Алексей Иванович.

— А вот посмотрим, кто из нас чудак. — Гусев одернул ременный пояс, повел плечами, глаза его хитро прищурились. — Это дело трудное, я сам понимаю: нас только двое. А вот надо, чтобы они бумагу нам выдали о желании вступить в состав Российской Федеративной Республики. Спокойно эту бумагу нам не дадут, конечно, но вы сами видели: на Марсе, у них не все в порядке. Глаз у меня на это наметанный.

— Революцию, что ли, хотите устроить?

— Как сказать, Мстислав Сергеевич, там посмотрим.

— Нет, уж, пожалуйста, обойдитесь без революции, Алексей Иванович.

— Мне что революция, мне бумага нужна, Мстислав Сергеевич. С чем мы в Петербург-то вернемся? Паука, что ли, сушеного привезем? Нет, вернуться и пред'явить: пожалуйте документик о присоединении Марса. Это не то, что губернию, какую-нибудь, оттяпать у Польши, — целиком

планету. Вот, в Европе тогда взовьются. Одного золота здесь, сами видите, кораблями вози. Так-то, Мстислав Сергеевич.

Лось задумчиво поглядывал на него: нельзя было понять — шутит Гусев, или говорит серьезно, — хитрые, простоватые глазки его посмеивались, но где-то пряталась в них сумасшедшинка. Лось покачал головой, и, трогая прозрачные, восковые, лазоревые лепестки больших цветов, сказал задумчиво:

— Мне не приходило в голову, — для чего я лечу на Марс. Лечу, чтобы прилететь. Были времена, когда мечтатели-конквистадоры снаряжали корабль и плыли искать новые земли. Из-за моря показывался неведомый берег, корабль входил в устье реки, капитан снимал широкополую шляпу и называл землю своим именем: великолепная минута. Затем, он грабил берега. Да, вы, пожалуй, правы: приплыть к берегу еще мало, — нужно нагрузить корабль сокровищами. Нам предстоит заглянуть в новый мир. Какие сокровища. Мудрость, мудрость, — вот что, Алексей Иванович, нужно вывезти на нашем корабле. А у вас все время руки чешутся, — это не хорошо.

— Трудно нам будет с вами сговориться, Мстислав Сергеевич. Не легкий вы человек.

Лось засмеялся:

— Нет, я тяжелый только для самого себя, — сговоримся, милый друг.

В дверь поскреблись. Слегка садясь на ноги от страха и почтения, появился управляющий и знаками попросил за собою следовать. Лось поспешно поднялся, провел ладонью по белым волосам. Гусев решительно закрутил усы — торчком. Гости пошли по коридорам и лесенкам в дальнюю часть дома.

Управляющий постучал в низенькую дверь. За ней раздался торопливый, точно детский, голос. Лось и Гусев вошли в длинную, белую комнату. Лучи света с танцующей в них пылью, падали сквозь потолочные окна на мозаичный пол, в котором отражались ровные ряды книг, бронзовые статуи, стоящие между плоскими шкафами, столики на тоненьких, острых ножках, облачные зеркала экранов.

Недалеко от двери, прислонившись к книжным полкам, стояла пепельно-волосая, молодая женщина, в черном платье, закрытом от шеи до пола, до кистей рук. Над высоко поднятыми ее волосами танцовали пылинки в луче, упавшем, как меч, в золоченые переплеты книг. Это была та, кого вчера на озере марсианин назвал Аэлита.

Лось низко поклонился ей. Аэлита, не шевелясь, глядела на него огромными зрачками пепельных глаз. Ее бело-голубоватое, удлиненное лицо чуть-чуть все дрожало. Слегка приподнятый нос, слегка неправильный рот были по-детски нежны. Точно от под'ема на крутизну дышала ее грудь под черными и мягкими складками.

— Эллио утара гео, — легким, как музыка, нежным голосом, почти шопотом, проговорила она, и наклонила голову так низко, что стал виден ее затылок.

В ответ Лось только хрустнул пальцами. Сделав усилие, сказал, непонятно почему, напыщенно:

— Пришельцы с земли приветствуют тебя, Аэлита.

Сказал и покраснел. Гусев проговорил с достоинством:

— Позвольте познакомиться, — полковник Гусев, инженер — Мстислав Сергеевич Лось. Пришли поблагодарить вас за хлеб, за соль.

Выслушав человеческую речь, Аэлита подняла голову, — ее лицо стало спокойнее, зрачки — меньше. Она молча вытянула руку, обернула узенькую кисть руки ладонью кверху, и так держала ее некоторое время. Лосю и Гусеву стало казаться, что на ладони ее появился бледно-зеле-

ный, беловатый шар. Аэлита быстро перевернула ладонь и пошла вдоль книжных полок в глубину библиотеки. Гости последовали за ней.

Теперь Лось рассмотрел, что Аэлита была ему по плечо, тонкая и легкая, как девочка. Подол ее широкого платья летел по зеркальной мозаике. Оборачиваясь, она улыбалась, — но глаза оставались взволнованными, холодноватыми.

Она указала на кожаную скамью, стоявшую в полукруглом расширении комнаты. Лось и Гусев сели. Сейчас же Аэлита присела напротив них у читального столика, положила на него локти и стала мягко и пристально глядеть на гостей.

Так они молчали небольшое время. Понемногу Лось начал чувствовать покой и сладость, — сидеть вот так и созерцать эту чудесную, странную девушку. Гусев вздохнул, сказал в полголоса:

— Хорошая барышня, очень приятная барышня.

Тогда Аэлита заговорила, точно дотронулась до музыкального инструмента, — так чудесен был ее голос. Строка за строкою повторяла она какие-то слова. Вздрагивала, поднималась у нее верхняя губа, смыкались пепельные ресницы. Лицо озарялось прелестью и радостью.

Она снова протянула перед собою руку, ладо-

нью вверх. Почти тотчас же Лось и Гусев увидели в углублении ее ладони бело-зеленоватый, туманный шарик, с большое яблоко величиной. Внутри своей сферы он весь двигался и переливался.

Теперь оба гостя и Аэлита внимательно глядели на это облачное, опаловое яблоко. Вдруг, струи в нем остановились, проступили темные пятна. Вглядевшись, Лось вскрикнул: на ладони Аэлиты лежал земной шар.

— Талцетл, — сказала она, указывая на него пальцем.

Шар медленно начал крутиться. Проплыли очертания Америки, Тихоокеанский берег Азии. Гусев заволновался:

— Это — мы, мы — русские, это — наше, — сказал он, тыча ногтем в Сибирь. Извилистой тенью проплыла гряда Урала, ниточка нижнего течения Волги. Очертились берега Белого моря.

— Здесь, — сказал Лось и указал на Финский залив. Аэлита удивленно подняла на него глаза. Вращение шара остановилось. Лось сосредоточился, в памяти возник кусок географической карты, — и сейчас же, словно отпечаток его воображения, появились на поверхности туманного шара — черная клякса, расходящиеся от нее ниточки железных дорог, надпись на зеленоватом

поле — "Петербург" и с боку — большая красная буква начала слова "Россия".

Аэлита всмотрелась и заслонила шар, — он теперь просвечивал сквозь ее пальцы. Взглянув на Лося, она покачала головой:

— Оцео хо суа, — сказала она, и он понял: — "Сосредоточьтесь и вспоминайте".

Тогда он стал вспоминать очертание Петербурга, — гранитную набережную, студеные, синие волны Невы, ныряющую в них лодочку с каким-то чахоточным чиновником, повиснувшие в тумане длинные арки Николаевского моста, густые дымы заводов, дымы и тучи тусклого заката, мокрую улицу, вывеску мелочной лавочки — "чай, сахар, кофе", старенького извозчика на углу.

Аэлита, подперев подбородок, тихо глядела на шар. В нем проплывали воспоминания Лося, то отчетливые, то, словно, сдвинутые, стертые. Выдвинулась колонада и тусклый купол Исаакиевского собора, и уже на месте его поступала гранитная лестница у воды, полукруг скамьи, печально сидящая какая-то барышня с зонтиком, а над нею — два сфинкса в тиарах. Поплыли колонки цифр, рисунок чертежа, появился пылающий горн, угрюмый Хохлов, раздувающий угли.

Долго глядела Аэлита на странную жизнь, про-

ходящую перед ней в туманных струях шара. Но вот, изображения начали путаться: в них настойчиво вторгались какие-то, совсем иного очертания, картины, — полосы дыма, зарево, скачущие лошади, какие-то бегущие, падающие люди. Вот, заслоняя все, выплыло бородатое, залитое кровью, страшное лицо. Гусев шумно вздохнул. Аэлита с тревогой обернулась к нему, и сейчас же перевернула ладонь. Шар исчез.

Аэлита сидела несколько минут, облокотившись, закрыв рукою глаза. Встала, взяла с полки один из цилиндров, вынула из него костяной валик и вложила в читальный, с экраном, столик. Затем, она потянула за шнур, и верхние окна в библиотеке задернулись синими шторами. Она придвинула столик к скамье и повернула включатель.

Зеркало экрана осветилось, сверху вниз поплыли по нему фигурки марсиан, животных, дома, деревья, утварь. Аэлита называла каждую фигурку именем. Когда фигурки двигались и совмещались — она называла глагол. Иногда изображения перемежались цветными, как в поющей книге, знаками и раздавалась, едва уловимая, музыкальная фраза, — Аэлита называла понятие.

Она говорила тихим голосом. Не спеша плыли изображения предметов этой странной азбуки. В тишине, в голубоватом сумраке библиотеки, глядели на Лося пепельные глаза, голос Аэлиты сильными и мягкими чарами проникал в сознание. Кружилась голова.

Лось чувствовал, — мозг его яснеет, будто поднимается туманная пелена, и новые слова и понятия отпечатлеваются в памяти. Так продолжалось долго. Аэлита провела рукой по лбу, вздохнула и погасила экран. Лось и Гусев сидели, как в тумане.

— Идите и лягте спать, — сказала Аэлита гостям на том языке, звуки которого были еще странными, но смысл уже сквозил во мгле сознания.

НА ЛЕСТНИЦЕ

Прошло семь дней.

Когда, впоследствии, Лось вспоминал это время, — оно представлялось ему синим сумраком, удивительным покоем, где на яву проходили вереницы чудесных сновидений.

Лось и Гусев просыпались рано поутру. После ванной и легкой еды шли в библиотеку. Внимательные, ласковые глаза Аэлиты встречали их на пороге. Она говорила почти уже понятные слова. Было чувство невыразимого покоя в тишине и полумраке этой комнаты, в тихих словах Аэлиты, — влага ее глаз переливалась, глаза раздвигались в сферу, и там шли сновидения. Бежали тени по экрану. Слова, вне воли, проникали в сознание.

Совершалось чудо: слова, сначала только только звуки, затем сквозящие, как из тумана, понятия, — понемногу наливались соком жизни. Теперь, когда Лось произносил имя — Аэлита — оно волновало его двойным чувством: печалью первого слога АЭ, что означало — "видимый в последний раз", и ощущением серебристого света — ЛИТА, что означало свет звезды. Так, язык

нового мира тончайшей материей вливался в сознание, и оно тяжелело.

Семь дней продолжалось это обогащение. Уроки были — утром и после заката — до полуночи. Наконец, Аэлита, видимо, утомилась. На восьмой день гостей не пришли будить и они спали до вечера.

Когда Лось поднялся с постели, — в окно были видны длинные тени от деревьев. Хрустальным, однообразным голосом посвистывала какая-то птичка. Кружилась слегка голова. Было чувство переполненности неизлитой радостью. Лось быстро оделся и, не будя Гусева, пошел в библиотеку, но на стук никто не ответил. Тогда Лось вышел на двор, первый раз за эти семь дней.

Поляна полого опускалась к роще, к красноватым и низким постройкам. Туда, с унылым перевыванием, шло стадо неуклюжих, длинношерстых животных, — хаши, — полумедведей, полукоров. Косое солнце золотило кудрявую траву, — весь луг пылал влажным золотом. Пролетели на озеро изумрудные журавли. Вдали выступил, залитый закатом, снежный конус горной вершины. Здесь тоже был покой, чудесная печаль уходящего в мире и золоте дня.

Лось пошел к озеру по знакомой дорожке. Те же

стояли с обеих сторон плакучие, лазурные деревья, те же увидел он развалины за пятнистыми стволами, тот же был воздух — тонкий, холодеющий. Но Лосю казалось, что только сейчас он увидел эту чудесную природу, — раскрылись глаза и уши, он узнал имена вещей.

Пылающими пятнами сквозило озеро сквозь ветви. Но, когда Лось подошел к воде, — солнце уже закатилось, огненные перья заката, языки легкого пламени побежали, охватили полнеба таким неистовым золотом, что сердце на минуту стало. Быстро, быстро огонь покрывался пеплом, небо очищалось, темнело, и вот уже зажглись звезды. Странный рисунок созвездий отразился в воде. В излучине озера, у лестницы, возвышались черными очертаниями два каменные гиганта, сторожа тысячелетий, — сидели, обращенные лицами к созвездиям.

Лось подошел к лестнице. Глаза еще не привыкли к быстро наступившей темноте. Он облокотился о подножие статуи и вдыхал сыроватую влагу озера, — горьковатый запах болотных цветов. Отражения звезд расплывались, — над водою закурился тончайший туман. А созвездия горели все ярче, и теперь ясно были видны заснувшие ветви, поблескивающие камушки и

улыбающееся во сне лицо сидящего Магацитла.

Лось глядел и стоял так долго, покуда не затекла рука, лежавшая на камне. Тогда он отошел от статуи, и сейчас же увидел внизу, на лестнице, Аэлиту. Она сидела, опустив локти на колени, подперев подбородок.

— Аиу ту ира хасхе Аэлита, — проговорил Лось, с изумлением прислушиваясь к странным звукам своих слов. Он выговорил их, как на морозе, с трудом. Его желание, — могу ли я быть с вами, Аэлита? — само претворилось в эти чужие звуки.

Аэлита медленно обернула голову, сказала: — Да, — и снова опустила подбородок в стиснутые кисти рук. Лось сел рядом на ступень. Волосы Аэлиты были покрыты черным колпачком, — капюшоном плаща. Лицо хорошо различимо в свете звезд, но глаз не видно, — лишь большие тени в глазных впадинах.

Холодноватым голосом, спокойно, она спросила:

— Вы были счастливы там, на земле?

Лось ответил не сразу, — всматривался: ее лицо было неподвижно, рот печально сложен.

— Да, — ответил он, и почувствовал холодок в сердце, — да, я был счастлив.

— В чем счастье у вас на земле?

Лось опять всмотрелся. Опустил голову.

— Должно быть в том счастье у нас на земле, чтобы забыть самого себя. Тот счастлив, в ком — полнота, согласие, радость и жажда жить для того, кто дает эту полноту, согласие, радость.

Теперь Аэлита обернулась к нему. Стали видны ее огромные глаза, с изумлением глядящие на этого беловолосого великана, человека.

— Такое счастье приходит в любви к женщине, — сказал Лось. Аэлита отвернулась. Задрожал острый колпачок на ее голове. Не то она смеялась, — нет. Не то заплакала, — нет. Лось тревожно заворочался на мшистой ступени, потер переносицу. Аэлита сказала чуть дрогнувшим голосом:

— Зачем вы покинули землю?

— Та, кого я любил — умерла, — сказал Лось. — Жизнь для меня стала ужасна. Я остался один, сам с собой. Не было силы побороть отчаяние, не было охоты — жить. Нужно много мужества, чтобы жить, так на земле все отравлено ненавистью. Я — беглец и трус.

Аэлита выпростала руку из-под плаща и положила ее на большую руку Лося, — коснулась и снова убрала руку под плащ:

— Я знала, что в моей жизни произойдет это, —

проговорила она, словно в раздумьи. — Еще девочкой я видела странные сны. Снились высокие, зеленые горы. Светлые, не наши, реки. Облака, облака, огромные, белые, и — дожди, — потоки воды. И люди — великаны. Я думала, что схожу с ума. Впоследствии мой учитель говорил, что это — АШХЕ, второе зрение. В нас, потомках Магацитлов, живет память об иной жизни, дремлет ашхе, как непроросшее зерно. Ашхе — страшная сила, великая мудрость. Но я не знаю что — счастье?

Аэлита выпростала из-под плаща обе руки, всплеснула ими, как ребенок. Колпачок ее опять задрожал:

— Уж много лет, по ночам, я прихожу на эту лестницу, гляжу на звезды. Я много знаю. Уверяю вас — я знаю такое, что вам никогда нельзя и не нужно знать. Но счастлива я была, когда в детстве снились облака, облака, потоки дождя, зеленые горы, великаны. Учитель предостерегал меня: он сказал, что я погибну. — Она обернула к Лосю лицо, и вдруг усмехнулась. Лосю стало жутко: так чудесно красива была Аэлита, такой опасный, горьковато-сладкий запах шел от воды, от плаща с капюшоном, от рук, от лица, от дыхания, от ее платья.

— Учитель сказал: "ХАО погубит тебя". Это слово означает нисхождение.

Аэлита отвернулась и надвинула колпачок плаща ниже, на глаза. После молчания Лось сказал:

— Аэлита, расскажите мне о вашем знании.

— Это тайна, — ответила она важно, — но вы человек, я должна буду вам рассказать многое.

Она подняла лицо. Большие созвездия, по обе стороны млечного пути, сияли и мерцали так, будто ветерок вечности проходил по их огням. Аэлита вздохнула:

— Слушайте, — сказала она, — слушайте меня внимательно и покойно.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ АЭЛИТЫ

Тума, то есть Марс, двадцать тысячелетий тому назад был населен Аолами — оранжевой расой. Дикие племена Аолов, — охотники и пожиратели гигантских пауков, — жили в экваторьяльных лесах и болотах. Только несколько слов в нашем языке осталось от этих племен. Другая часть Аолов населяла южные заливы большого материка. Там есть вулканические пещеры с солеными и пресными озерами. Население ловило рыбу и уносило ее под землю, сваливало в соленые озера. В глубине пещер они спасались от зимних стуж. До сих пор там еще видны холмы из рыбьих костей.

Третья часть Аолов селилась близ экватора у подножья гор, всюду, где из-под земли били гейзеры питьевой воды. Эти племена умели строить жилища, разводили длинношерстых хаши, воевали с пожирателями пауков и поклонялись кровавой звезде Талцетл.

Среди одного из племен, населявшего блаженную страну Азора, появился необыкновенный шохо. Он был сыном пастуха, вырос в горах Лизиазира, и, когда ему минуло тринадцать лет,

спустился в селения Азоры, ходил из города в город и говорил так:

"Я видел сон, раскрылось небо и упала звезда. Я погнал моих хаши к тому месту, куда упала звезда. Там я увидел лежащего в траве сына неба. Он был велик ростом, его лицо было, как снег на вершинах. Он поднял голову, и я увидел, что из глаз его выходят свет и безумие. Я испугался и упал ниц, и лежал долго, как мертвый. Я слышал, как сын неба взял мой посох и погнал моих хаши, и земля дрожала под его ногами. И еще я услышал его громкий голос, он говорил: "Ты умрешь, ибо я хочу этого". Но я пошел за ним, потому что мне было жалко моих хаши. Я боялся приблизиться к нему: из его глаз исходил злой огонь, и каждый раз я падал ниц, чтобы остаться живым. Так мы шли несколько дней, удаляясь от гор в пустыню.

Сын неба ударял посохом в камень и выступала вода. Хаши и я пили эту воду. И сын неба сказал мне — будь моим рабом. Тогда я стал пасти его хаши, и он кидал мне остатки пищи, и они были горькими".

Так говорил пастух жителям на рынках городов. И он говорил еще:

"Кроткие птицы и мирные звери живут, не ведая когда придет гибель. Но уже хищный ихи

распростер острые крылья над журавлем, и паук сплел сеть, и глаза страшного ча горят сквозь голубую заросль. Бойтесь. У вас нет столь острых мечей, чтобы поразить зло, у вас нет столь крепких стен, чтобы от него отгородиться, у вас нет столь длинных ног, чтобы убежать от всемогущего зла. Я вижу — небо раскрывается и злой сын неба падает в наши селенья. Глаз его, как красный огонь Талцетл".

Жители мирной Азоры в ужасе поднимали руки, слушая эти слова. Пастух говорил еще:

"Когда кровожадный ча ищет тебя глазами сквозь заросль — стань тенью, и нос ча не услышит запаха твоей крови. Когда ихи падает из розового облака — стань тенью, и глаза ихи напрасно будут искать тебя в траве. Когда при свете двух лун, — олло и литха, — ночью злой паук, цитли, оплетает паутиной твою хижину — стань тенью, и цитли не поймает тебя. Стань тенью для зла, бедный сын тумы. Только зло притягивает зло. Удали от себя все сродное злу, закопай свою ненависть под порогом хижины. Иди к великому гейзеру Соам и омойся. И ты станешь невидимым злому сыну неба, — напрасно его кровавый глаз будет пронзать твою тень".

Жители Азоры слушали пастуха. Многие по-

шли за ним на круглое озеро, к великому гейзеру Соам.

Там, иные из приходивших спрашивали: "Как можно закопать зло под порогом хижины?". Иные говорили: "Мы не можем закопать зла, потому что мы обижены соседями". Иные сердились и кричали пастуху: "Ты обманываешь, — обиженные и нищие подговорили тебя усыпить нашу бдительность и завладеть нашими жилищами". Иные сговаривались: "Отведем безумного пастуха на скалу и бросим его в горячее озеро, — пусть сам станет тенью".

Слыша это, пастух брал уллу, деревянную дудку, в низу которой на треугольнике были натянуты струны, садился среди сердитых, раздраженных и недоумевающих, и начинал играть и петь. Играл он и пел так прекрасно, что замолкали птицы, затихал ветер, ложились стада, и солнце останавливалось в небе. Каждому из слушающих казалось в тот час, что он уже зарыл свое зло под порогом хижины. Многие шли к озеру и купались.

Три года учил пастух. На четвертое лето из болот вышли пожиратели пауков и напали на жителей Азоры. Пастух ходил по селеньям и говорил: "Не касайтесь порога, бойтесь зла в себе,

больше смерти бойтесь потерять чистоту". Его слушали и были такие, которые не захотели противиться пожирателям пауков, и дикари побили их на порогах хижин. Тогда старшины городов, сговорившись, взяли пастуха, повели на скалу и бросили его в озеро.

Ученье пастуха шло далеко за пределы Азоры. Даже обитатели поморских пещер высекали в скалах изображение его, играющего на улла. Но было так же, что вожди иных племен казнили смертью поклоняющихся пастуху, потому что учение его считали безумным и опасным. И вот, настал час исполнения пророчества. В летописях того времени сказано:

"Сорок дней и сорок ночей падали на туму сыны неба. Звезда Талцетл всходила после вечерней зари и горела необыкновенным светом, как злой глаз. Многие из сынов неба падали мертвыми, многие убивались о скалы, тонули в южном океане, но многие достигли поверхности тумы и были живы".

Так рассказывает летопись о великом переселении Магацитлов, то-есть одного из племен земной расы, погибшей от потопа двадцать тысячелетий тому назад.

Магацитлы летели в бронзовых, имеющих

форму яйца, аппаратах, пользуясь для движения растительной силой семян. Они владели ею так же, как вы владеете силой распадения материи. В продолжении сорока дней они покидали землю.

Множество гигантских яиц затерялось в звездном пространстве, множество разбилось о поверхность Марса. Небольшое число без вреда опустилось на равнины экваториального материка.

Летопись говорит:

"Они вышли из яиц, велики ростом и черноволосы. У сынов неба были желтые и плоские лица. Туловища их и колени покрывал бронзовый панцырь. На шлеме был острый гребень, и шлем выдавался впереди лица. В левой руке сын неба держал короткий меч, в правой свиток с письменами, которые погубили бедные и невежественные народы тумы".

Таковы были Магацитлы, свирепое и могущественное племя. На земле, на материке, опустившемся на дно океана, они владели городом Ста Золотых Ворот. Они знали Высшую Мудрость, но употребляли ее во зло, потому что были злы.

Они пошли в селения Аолов, и брали то, что хотели, и сопротивляющихся им убивали. Они угнали стада хаши на равнины, и стали рыть

колодцы. Они вспахали поля и засеяли их ячменем. Но воды в колодцах было мало, погибли зерна ячменя в сухой и бесплодной почве. Тогда они сказали Аолам — итти на равнину, рыть оросительные каналы и строить большие водохранилища.

Иные из племен послушались и пошли рыть. Иные сказали: "Не послушаемся и убьем пришельцев". Войска Аолов вышли на равнину и покрыли ее, как туча.

Пришельцев было мало. Но они призвали на помощь стихии природы. Началась буря, задрожали горы и равнины, выступил из берегов южный океан. Молнии падали с неба. Деревья и камни носились по воздуху, и громче грома раздавались голоса Магацитлов, читавших заклинания.

Аолы гибли, как трава от снежной бури.

Пришельцы поражали их мечами и наводили помрачения: войска Аолов сражались между собой, принимая друг друга за врагов. Пылали селения. Разбегались стада. Из болот вышли свирепые ча и разрывали детей и женщин. Пауки оплетали опустевшие хижины. Пожиратели трупов — ихи — разжирели и не могли летать. Многие тогда видели призрак: на закате солнца поднималась из-за края тумы тень человека, —

ноги его были расставлены, руки раскинуты, волосы на голове, как пламя. Наставал конец мира.

Тогда вспомнили пророчество: "Стань тенью для зла, бедный сын тумы, и кровавый глаз сына неба напрасно пронзит твою тень". Много Аолов пошло к великому гейзеру Соам и там они старались очиститься. Многие уходили в горы и надеялись услышать в туманных ущельях, очищающую от зла, песню уллы. Многие делились друг с другом имуществом. Прощали обиды. Искали в себе и друг в друге доброе, и с песнями и слезами радости приветствовали доброе. В горах Лизиазиры верующие в Пастуха построили Священный Порог, под которым лежало зло. Три кольца неугасимых костров охраняло Порог. Желающий очиститься проходил через огонь. Это был суровый и возвышенный век.

Войска Аолов погибли. В лесах были уничтожены пожиратели пауков. Стали рабами остатки рыбарей-поморов. Но Магацитлы не трогали верующих в Пастуха, не касались Священного Порога, не приближались к гейзеру Соам, не входили в глубину горных ущелий, где в полдневный час пролетающий ветер издавал таинственные звуки — песню уллы.

Так минуло много кровавых и печальных лет.

У пришельцев не было женщин, — завоеватели должны были умереть, не оставив потомства. И вот, в горах, где скрывались Аолы, появился вестник, — прекрасный лицом Магацитл. Он был без шлема и меча. В руке он держал трость с привязанной к ней пряжей. Он приблизился к огням Священного Порога и стал говорить Аолам, собравшимся от всех ущелий:

"Моя голова открыта, моя грудь обнажена, — поразите меня мечом, если я скажу ложь. Мы — могущественны. Мы владели звездой Талцетл. Мы перелетели звездную дорогу, называемую млечным путем. Мы покорили туму и уничтожили враждебные нам племена. Мы начали строить водные хранилища и большие каналы, дабы собирать полые воды и орошать доныне бесплодные равнины тумы. Мы построим большой город Саоцера, что значит Солнечное Селенье, мы дадим жизнь всем, кто хочет жизни. Но у нас нет женщин, и мы должны умереть, не исполнив предначертания. Дайте нам ваших девственниц, и мы родим от них племя и оно населит материки тумы. Идите к нам и помогите нам строить".

Вестник положил трость с пряжей у огня и сел лицом к порогу. Глаза его были закрыты. И все

видели на лбу его — третий глаз, прикрытый плевой, как бы воспаленной.

Аолы совещались и говорили между собой: "В горах не хватает корма для скота и мало воды. Зимою мы замерзаем в пещерах. Сильные ветры сносят наши хижины в бездонные ущелья. Послушаемся вестника и вернемся к старым пепелищам.

Аолы вышли из горных ущелий на равнину Азоры, гоня перед собой стада хаши и ведя женщин, детей и девственниц. У Аолов не было страха, потому что души их стали кроткими, взоры сильными и сердца мужественными. В горах они познали блаженство столь высокое, что не было теперь зла, которое могло бы помрачить его.

Магацитлы взяли девственниц Аолов и родили от них голубое племя Гор. Тогда же начаты были постройкою шестнадцать гигантских цирков Ро, куда собиралась вода во время таянья снегов на полюсах. Бесплодные равнины были прорезаны каналами и орошены. Из пепла возникли новые селения Аолов. Поля давали пышный урожай.

Были возведены стены Саоцеры. Во время постройки цирков и стен Магацитлы употребляли гигантские под'емные машины, приводившиеся в движение растительной силой семян. Силою

заклинаний Магацитлы могли передвигать большие камни и вызывали рост растений. Они записали свое знание в книги — цветными пятнами и звездными знаками.

Когда умер последний пришелец с земли — с ним ушло и Тайное Знание. Лишь через двадцать тысячелетий мы, потомки племени Гор, снова прочли книги Атлантов.

СЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ

В сумерки Гусев, от нечего делать, пошел бродить по комнатам. Дом был велик, построен прочно — для зимнего жилья. Множество в нем было переходов, лестниц, комнат, укутанных коврами, пустынных зал, галлерей с нежилой тишиной. Гусев бродил, приглядывался, позевывал:

"Богато живут, черти, богато, но скучно".

В дальней части дома были слышны голоса, стук кухонных ножей, звон посуды. Писклявый голос управляющего сыпал, сыпал птичьими словами, бранил кого-то. Гусев дошел до кухни, низкой сводчатой комнаты. В глубине ее, на плите, вспыхивало масляное пламя над сковородами. Гусев остановился в дверях, повел носом. Управляющий и кухарка, бранившиеся между собою, замолчали и подались с некоторым страхом в глубину кухни:

— Чад у вас, чад, чад, — сказал им Гусев по-русски, — колпак над плитой устройте. Эх, а еще марсияне!

Пальцами он сделал им какие-то, самому себе непонятные знаки, и вышел на черное крыльцо.

Сел на каменные ступеньки, вынул заветный портсигар, — закурил.

Внизу поляны, на опушке, мальчик пастух, бегая и вскрикивая, загонял в кирпичный сарай глухо поревывающих хаши. Оттуда, среди высокой травы, по тропинке шла к дому женщина с двумя ведерышками молока. Ветер отдувал ее желтую рубашку, мотал кисточку на смешном колпачке, на ярко-рыжих волосах. Вот она остановилась, поставила ведерышки и стала отмахиваться от какого-то насекомого, локтем прикрывая лицо. Ветер подхватил ее подол. Она присела, смеясь, взяла ведерышки и опять побежала. Завидев Гусева, оскалила белые, веселые зубы.

Гусев звал ее Ихошка, хотя имя ей было — Иха, племянница управляющего, смешливая, смугло-синеватая, полненькая девушка.

Она живо пробежала мимо Гусева, — только сморщила нос в его сторону. Гусев приноровился было дать ей сзади леща, но воздержался. Сидел, курил, поджидал.

Действительно, Ихошка скоро опять явилась с корзиночкой и ножиком. Села невдалеке от "сына неба" и принялась чистить овощи. Густые ресницы ее помаргивали. По всему было видно,

что — веселая девушка.

— Почему у вас на Марсии бабы какие-то синие? — сказал ей Гусев по-русски. — Дура ты, Ихошка, жизни настоящей не понимаешь.

Иха ответила ему, и Гусев, будто сквозь сон, понял ее слова:

— В школе я учила священную историю, там говорилось, что Сыны Неба — злы. В книжках одно говорится, а на деле получается другое. Совсем Сыны Неба не злые.

— Да, добрые, — сказал Гусев, прищурив один глаз.

Иха подавилась смехом, кожура шибко летела у нее из-под ножика.

— Мой дядя говорит, будто вы, Сыны Неба, можете убивать взглядом. Что-то я этого не замечаю.

— Неужели? А чего же вы замечаете?

— Слушайте, вы мне отвечайте по-нашему, — сказала Ихошка, — а по-вашему я не понимаю.

— А по-вашему у меня — говорить — не складно выходит.

— Чего вы сказали? — Иха положила ножик, до того ее распирало от смеха. — По-моему — у вас на Красной Звезде — все то же самое.

Тогда Гусев кашлянул, придвинулся ближе. Иха

взяла корзинку и отодвинулась. Гусев кашлянул и еще придвинулся. Она сказала:

— Одежду протрете — по ступенькам елозить.

Может быть Иха сказала это, как-нибудь, по другому, но Гусев, именно, так и понял.

— Да-с, мамзель, — разговорец у нас выходит магнитный.

Гусев сидел совсем близко. Ихошка коротко вздохнула. Нагнула голову и сильнее вздохнула. Тогда Гусев быстро оглянулся по сторонам и взял Ихошку за плечи. Она сразу откинулась, вытаращилась. Но он, очень крепко, поцеловал ее в рот. Иха, изо всей мочи, прижала к себе корзинку и ножик. Так-то, Ихошка. — Она вскочила, убежала.

Гусев остался сидеть, пощипывая усики. Усмехался. Солнце закатилось. Высыпали звезды. К самым ступенькам подкрался какой-то длинный, мохнатый зверек и глядел на Гусева фосфорическими глазами. Гусев пошевелился, — зверек зашипел, исчез тенью.

"Да, пустяки эти надо, все-таки, оставить", — сказал Гусев. Одернул пояс и пошел в дом. В коридоре, сейчас же, мотнулась перед ним Ихошка. Он пальцем поманил ее, и они пошли по коридору. Гусев, морщась от напряжения, заговорил по-марсиански:

— Ты, Ихошка, так и знай: если что — я на тебе женюсь. Ты меня слушайся. (Иха повернулась к стене лицом, — уткнулась. Он оттащил ее от стены, крепко взял под руку.) Погоди носом соваться — я еще не женился. Слушай, я, Сын Неба, приехал сюда не для пустяков. У меня предполагаются большие дела с вашей планетой. Но человек я здесь новый, порядков не знаю. Ты мне должна помогать. Только, смотри, не ври. Вот что ты мне скажи, — кто такой наш хозяин?

— Наш хозяин, — ответила Иха, с усилием вслушиваясь в странную речь Гусева, — наш хозяин — властелин надо всеми странами тумы.

— Вот тебе здравствуй. — Гусев остановился. — Врешь? — Поскреби за ухом. — Как же он официально называется? Король, что ли, или богдыхан? Должность его какая?

— Зовут его Тускуб. Он — отец Аэлиты. Он — глава Верховного Совета.

— Так.

Гусев шел некоторое время молча.

— Вот что, Ихошка: в той комнате, я видел, у вас стоит матовое зеркало. Интересно в него посмотреть. Покажи, как оно соединяется.

Они вошли в узкую, полутемную комнату, установленную низкими креслами. В стене белелось

туманное зеркало. Гусев повалился в кресло, поближе к экрану. Иха спросила:

— Что хотел бы видеть Сын Неба?

— Покажи мне город.

— Сейчас ночь: работа повсюду окончена, фабрики и магазины закрыты, площади пустые. Быть может — зрелища?

— Показывай зрелище.

Иха воткнула включатели в цифровую доску и, держа конец длинного шнура, отошла к креслу, где Сын Неба сидел, вытянув ноги.

— Народное гуляние, — сказала Иха и дернула за шнур.

Раздался сильный шум, — угрюмый, тысячеголосый говор толпы. Зеркало озарилось. Раскрылась непомерная перспектива сводчатых, стеклянных крыш. Широкие снопы света упирались в огромные плакаты, в надписи, в клубы курящегося, многоцветного дыма. Внизу кишели головы, головы, головы. Кое где, как летучие мыши, вверх — вниз, пролетали крылатые фигуры. Стеклянные своды, перекрещивающиеся лучи света, водовороты бесчисленных голов — уходили в глубину, терялись в пыльной, дымной мгле.

— Что они делают? — закричал Гусев, надрывая голос, — так велик был шум.

— Они дышат драгоценным дымом. Вы видите клубы дыма? — это курятся листья Хавры. Это драгоценный дым. Он называется дымом бессмертия. Кто вдыхает его — видит необыкновенные вещи: — кажется, будто никогда не умрешь, — такие чудеса можно видеть и понимать. Многие слышат звук уллы. Никто не имеет права курить Хавру у себя на дому, — за это наказываются смертью. Только Верховный Совет разрешает курение, только двенадцать раз в году, в этом дому, зажигаются листья Хавры.

— А те — вон — что делают?

— Они вертят цифровые колеса: они угадывают цифры. Сегодня каждый может загадать число, — тот, кто отгадает, навсегда освобождается от работы. Верховный Совет дарит ему прекрасный дом, поле, десять хашей и крылатую лодку. Это огромное счастье угадать.

Об'ясняя, Иха присела на подлокотник кресла. Гусев сейчас же обхватил ее поперек спины. Она попыталась выпростаться, но затихла, — сидела смирно. Гусев много дивился на чудеса в туманном зеркале. — Ах, черти, ах, безобразники! — Затем попросил показать еще чего-нибудь.

Иха слезла с кресла и, погасив зеркало, долго возилась у цифровой доски, — не попадала вклю-

чателями в дырки. Когда же вернулась к креслу и опять села на подлокотник, — вертя в руке шарик от шнура, — личико у нее было слегка одурелое. Гусев, снизу вверх, поглядел на нее и усмехнулся. Тогда в глазах ее появился ужас.

— Тебе, девка, совсем замуж пора, — сказал ей Гусев по-русски.

Ихошка отвела глаза и передохнула. Гусев стал гладить ее по спине, чувствительной, как у кошки.

— Ах ты, моя славная, красивая, синяя.

— Глядите — вот еще интересное, — проговорила она совсем слабо и дернула за шнур.

Половину озарившегося зеркала заслоняла чья-то спина. Был слышен ледяной голос, медленно произносивший слова. Спина качнулась, отодвинулась с поля зеркала. Гусев увидел часть большого свода, в глубине упирающегося на квадратный столб, часть стены, покрытой золотыми надписями и геометрическими фигурами. Внизу, вокруг стола, сидели, опустив головы, те самые марсиане, которые на лестнице мрачного здания встречали корабль с людьми.

Перед столом, покрытом парчей, стоял отец Аэлиты, Тускуб. Тонкие губы его двигались, шевелилась черная борода по золотому шитью халата.

Весь он был как каменный. Тусклые, мрачные глаза глядели неподвижно перед собой, прямо в зеркало. Тускуб говорил, и колючие слова его были непонятны, но страшны. Вот, он повторил несколько раз, — Талцетл, — и опустил, как бы поражая ножом, руку со стиснутым в кулаке свитком. Сидевший напротив него марсианин, с широким бледным лицом, поднялся и бешено, белесыми, бешеными глазами глядя на Тускуба, крикнул:

— Не они, а ты!

Ихошка вздрогнула. Она сидела лицом к зеркалу, но ничего не видела и не слышала, — большая рука Сына Неба поглаживала ее спину. Когда в зеркале раздался крик, и Гусев несколько раз повторил: — О чем, о чем они говорят? — Ихошка точно проснулась: — разинула рот, уставилась на зеркало. Вдруг, вскрикнула жалобно и дернула за шнур.

Зеркало погасло.

— Я ошиблась… Я нечаянно соединила… Ни один шохо не смеет слушать тайны Совета. — У Ихошки стучали зубы. Она запустила пальцы в рыжие волосы и шептала в отчаянии. — Я ошиблась. Я не виновата. Меня сошлют в пещеры, в вечные снега.

— Ничего, ничего, Ихошка, я никому не скажу. — Гусев привалил ее к себе, и гладил ее мягкие, как у ангорской кошки, теплые волосы. Ихошка затихла, закрыла глаза.

— Ах дура, ах — девчонка. Не то ты зверь, не то человек. Синяя, глупая.

Он почесывал у ней пальцами за ухом, уверенный, что это ей приятно. Ихошка подобрала ноги, свертывалась клубочком. Глаза у нее светились, как у давешнего зверка, зубки раскрылись. Гусеву стало жутковато.

В это время послышались шаги и голоса Лося и Аэлиты. Ихошка слезла с кресла и не твердо пошла к двери.

Этой же ночью, зайдя к Лосю в спальню, Гусев сказал:

— Дела наши не совсем хорошо обстоят, Мстислав Сергеевич. Девчонку я тут одну приспособил — зеркало соединять, и наткнулись мы, как раз, на заседание Верховного Совета. Кое-что я понял. Надо меры принимать, — убьют они нас, Мстислав Сергеевич, поверьте мне, — этим кончится.

Лось слушал и не слышал, — мечтательным взглядом глядел на Гусева. Закинул руки за голову:

— Колдовство, Алексей Иванович, колдовство.

Потушите ка свет.

Гусев постоял, проговорил мрачно: — Так. — И ушел спать.

УТРО АЭЛИТЫ

Аэлита проснулась рано, и лежала облокотившись о подушки. Ее широкая, открытая со всех сторон, постель стояла, по обычаю, посреди спальни на возвышении, устланном коврами. Шатер потолка переходил в высокий, мраморный колодезь, — оттуда падал рассеянный, утренний свет. Стены спальни, покрытые бледной мозаикой, оставались в полумраке, — столб света опускался лишь на снежные простыни, на подушечки, на склонившуюся на руку пепельную голову Аэлиты.

Ночь она провела дурно. Обрывки странных и тревожных сновидений в беспорядке проходили перед ее закрытыми глазами. Сон был тонок, как водяная пленка. Всю ночь она чувствовала себя спящей и рассматривающей утомительные картины и в полузабытьи думала: — какие напрасные видения.

Когда утренним солнцем озарился колодец, и свет лег на постель, Аэлита вздохнула, пробудилась совсем и сейчас лежала неподвижно. Мысли ее были ясны, но в крови все еще текла смутная тревога. Это было очень, очень не хорошо.

"Тревога крови, помрачение разума, ненужный возврат в давно, давно прожитое. Тревога крови — возврат в ущелья, к стадам, к кострам. Весенний ветер, тревога и зарождение. Рожать, растить существа для смерти, хоронить, — и снова — тревога, муки матери. Ненужное, слепое продление жизни".

Так раздумывала Аэлита, и мысли были мудрыми, но тревога не проходила. Тогда она вылезла из постели, пошарила ногами туфли, накинула на голые плечи халатик и пошла в ванную, — разделась, закрутила волосы узлом и стала спускаться по мраморной лесенке в бассейн.

На нижней ступени она остановилась, — было приятно стоять в зное солнечного света, входящего сквозь узкое окно. Зыбкие отражения играли на стене. Аэлита посмотрела в синеватую воду — и там увидела свое отражение, луч света падал ей на живот. У нее дрогнула брезгливо верхняя губа. Аэлита бросилась в прохладу бассейна.

Купанье освежило ее. Мысли вернулись к заботам дня. Каждое утро она говорила с отцом, — так было заведено. Маленький экран стоял в ее уборной комнате.

Аэлита присела у туалетного зеркала, привела в порядок волосы, вытерла ароматным жиром,

затем — цветочной эссенцией лицо, шею и руки, исподлобья поглядела на себя, нахмурилась, придвинула столик с экраном и включила цифровую доску.

В туманном зеркале появился знакомый отцовский кабинет: книжные шкафы, картограммы и чертежи на деревянных, стоящих призмах, стол, заваленный бумагами. Вошел Тускуб, сел к столу, отодвинул локтем рукописи, и глазами нашел глаза Аэлиты. Улыбнулся углом длинных, тонких губ:

— Как спала, Аэлита?

— Хорошо. В доме — все хорошо.

— Что делают Сыны Неба?

— Они покойны и довольны. Они еще спят.

— Продолжаешь с ними уроки языка?

— Нет. Инженер говорит свободно. Его спутнику достаточно знания.

— У них еще нет желания покинуть мой дом?

— Нет, нет, о нет.

Аэлита ответила слишком поспешно. Тусклые глаза Тускуба дрогнули изумлением. Под взглядом его Аэлита стала отодвигаться, покуда ее спина не коснулась спинки кресла. Отец сказал:

— Я не понимаю тебя.

— Что ты не понимаешь? Отец, почему ты мне

не говоришь всего? Что ты задумал сделать с ними? Я прошу тебя…

Аэлита не договорила, — лицо Тускуба исказилось, словно огонь бешенства прошел по нему. Зеркало погасло. Но Аэлита все еще всматривалась в туманную его поверхность, все еще видела страшное ей, страшное всем живущим лицо отца.

— Это ужасно, — проговорила она, — это будет ужасно. — Она поднялась стремительно, но уронила руки и села. Смутная тревога сильнее овладела ею. Аэлита облокотилась о предзеркалье, положила щеку на ладонь. Тревога шумела в крови, бежала ознобом. Как это было плохо, напрасно.

Помимо воли, встало перед ней, как сон этой ночи, лицо Сына Неба, — крупное, со снежными волосами, — взволнованное, с рядом непостижимых изменений, с глазами то печальными, то нежными, насыщенными солнцем земли, влагой земли, — жуткие, как туманные пропасти, грозовые, сокрушающие дух глаза.

Аэлита подняла голову, встряхнула кудрями. Сердце страшно, глухо билось. Медленно нагнувшись над цифровой дощечкой, она воткнула стерженьки.

В туманном зеркале появилась, дремлющая в кресле, среди множества подушек, сморщенная фигурка старичка. Свет из окошечка падал на его руки, лежавшие поверх мохнатого одеяла.

Старичок вздрогнул, поправил сползшие очки, взглянул поверх стекол на экран, и улыбнулся беззубо.

— Что скажешь, дитя мое?

— Учитель, у меня тревога, — сказала Аэлита, — ясность покидает меня. Я не хочу этого, я боюсь, но я не могу.

— Тебя смущает Сын Неба?

— Да. Меня смущает в нем то, чего я не могу понять. Учитель, я только что говорила с отцом. Он был в ярости. Я чувствую — у них там борьба. Я боюсь, как бы Совет не принял ужасного решения. Помоги.

— Ты только что сказала, что Сын Неба смущает тебя. Будет лучше его убрать совсем?

— Нет. — Аэлита поднялась, краска крови залила ей лицо. Старичок под ее взглядом насупился.

— Я плохо понимаю ход твоих мыслей, Аэлита, — проговорил он суховато, — в твоих мыслях двойственность и противоречие.

— Да, я чувствую это. — Аэлита села.

— Вот, лучшее доказательство неправоты.

Высшая мысль — ясна, бесстрастна и не противоречива. Я сделаю так, как ты хочешь, и поговорю с твоим отцом. Он тоже — страстный человек, и это может привести его к поступкам, не соответствующим мудрости и справедливости.

— Я буду надеяться.

— Успокойся, Аэлита, и будь внимательна. Взгляни в глубину себя. В чем твоя тревога? Со дна твоей крови поднимается древний осадок, — красная тьма, — это — жажда продления жизни. Твоя кровь в смятении…

— Учитель, он смущает меня иным.

— Каким бы возвышенным чувством он ни смутил, — в тебе пробудится женщина, и ты погибнешь. Только холод мудрости, Аэлита, только спокойное созерцание неизбежной гибели всего живущего, — этого пропитанного салом и похотью тела, только ожидание, когда твой дух, уже совершенный, не нуждающийся более в жалком опыте жизни, уйдет за пределы сознания, перестанет быть, — вот счастье. Холодная печаль. А ты хочешь возврата. Бойся этого искушения, дитя мое. Легко упасть, быстро — катиться с горы, но под'ем медленен и труден. Будь мудра.

Аэлита слушала, голова ее наклонилась.

— Учитель, — вдруг сказала она, губы ее за-

дрожали, глаза налились тоской, — Сын Неба говорил, что на земле они знают что-то, что выше разума, выше знания, выше мудрости. Но что это — я не поняла. Но оттого у меня и тревога. Вчера мы были на озере, взошла красная звезда, он указал на нее рукой и сказал: "На ней была принесена великая жертва. Она окружена туманом любви. Люди, познающие Любовь, не умирают". Тоска разорвала мою грудь, учитель.

Старичок хмурился, жевал ртом.

— Хорошо, — сказал он, и пальцы его затрепетали по одеялу, — пусть Сын Неба даст тебе это знание. Покуда ты не узнаешь всего — не тревожь меня. Будь осторожна.

Зеркало погасло. Стало тихо в туалетной комнате. Аэлита взяла с колен платочек и отерла им лицо. Потом взглянула на себя — внимательно, строго. Брови ее поднялись. Она раскрыла небольшой ларчик и низко нагнулась к нему, перебирая вещицы. Нашла и надела на шею крошечную, оправленную в драгоценный металл, сухую лапку чудесного зверка Индри, весьма помогающую, по древним поверьям, женщинам в трудные минуты.

Аэлита вздохнула, и пошла в библиотеку. Лось поднялся ей навстречу от окна, где сидел с кни-

гой. Аэлита взглянула на него: большой, добрый, дорогой. Ей стало мягко сердцу. Она положила руку на грудь, на лапку чудесного зверка и сказала:

— Вчера я обещала вам рассказать о гибели Атлантиды. Садитесь и слушайте.

ВТОРОЙ РАССКАЗ АЭЛИТЫ

— Вот, что мы прочли в цветных книгах, — сказала Аэлита.

На семь народов делилась раса Атлантов. Народы, различные по цвету кожи, населяли разные части земли. Цивилизация, развиваясь, переходила от племени к племени. Переходы эти сопровождались потрясениями расы, потому что властвующие не могли без борьбы уступить власти над миром, но старость и вырождение принуждали их к этому.

Центром мира, в те времена, был город Ста Золотых Ворот, ныне лежащий на дне океана. Из города шло знание и соблазны роскоши. Он привлекал к себе молодые племена и разжигал в них первобытную жадность. Наступал срок и молодой народ обрушивался на властителей и овладевал городом. Свет цивилизации на время замирал. Но отрава ее была жива, и он вспыхивал с новой яркостью, обогащенный свежей кровью победителей. Проходили столетия и снова орды кочевников нависали тучей над вечным городом.

Первыми основателями города Ста Золотых

Ворот были африканские негры племени Земзе. Они считали себя младшей ветвью черной расы, которая в величайшей древности населяла южное полушарие. Центр ее цивилизации погиб во время столкновения земли с осколками кометы Пто. Уцелевшие части черной расы раздробились на множество племен. Многие из них одичали и выродились. Но, все же, в крови негров текло воспоминание великого прошлого.

Люди Земзе были огромной силы и большого роста. Они отличались одним необыкновенным свойством: на расстоянии они могли чувствовать присутствие, форму и сущность вещей, подобно тому, как магнит ощущает присутствие другого магнита, — хотя их глаза были почти слепыми. Это свойство они развили во время жизни в темных пещерах тропических лесов.

Спасаясь от ядовитой мухи гох, племя Земзе вышло из тропических лесов и двигалось на запад, покуда не встретило местность, удобную для жизни. Это было холмистое плоскогорье, омываемое двумя огромными реками. Здесь было много плодов и дичи, в горах — золото, олово и медь. Леса, холмы и тихие реки — красивы и лишены губительных лихорадок.

Люди Земзе построили стену в защиту от диких

зверей, и навалили из камней высокую пирамиду, в знак того, что это место — прочно. На верху пирамиды они поставили столб с пучком перьев птицы клитли, покровительницы племени, спасавшей их во время пути от мухи гох. Вожди Земзе украшали головы перьями и давали себе имена птиц.

На запад от плоскогорья бродили дикие, краснокожие племена. Люди Земзе нападали на них, брали пленных и заставляли пахать землю, строить жилища, добывать руду и золото. Слава о городе шла далеко на запад, и он внушал страх краснокожим, потому что люди Земзе были сильны, умели угадывать мысли врагов и убивали на далеком расстоянии, бросая согнутый кусок дерева. В лодках из древесной коры они плавали по тихим рекам и собирали с краснокожих дань.

Потомки Земзе украсили город круглыми, каменными зданиями, крытыми тростником. Они ткали превосходные одежды из шерсти, и умели записывать мысли посредством изображения предметов, — это знание они вынесли в крови, как древнее воспоминание исчезнувшей цивилизации. Они были богаты, предавались праздности и созерцанию предметов и мыслей.

Прошли столетия. И вот, на западе появился ве-

ликий вождь красных. Его звали Уру. Он родился в городе, но в юности ушел в прерии, влекомый инстинктом. Он собрал бесчисленные толпы воинов и пошел воевать город.

Потомки Земзе употребили для защиты все знание: поражали врагов безумием, насылали на них стада взбесившихся буйволов, рассекали их летящими, как молния, бумерангами. Но краснокожие были сильны жадностью и численностью. Они овладели городом и разграбили его. Уру об'явил себя вождем мира. Он велел красным воинам взять себе девушек Земзе. Скрывавшиеся в лесах остатки побежденных вернулись в город и стали служить победителям.

Красные быстро усвоили знания, обычаи и искусства Земзе. Смешанная кровь дала длинный ряд администраторов и завоевателей. Таинственная способность чувствовать природу вещей — передалась поколениям.

Военачальники династии Уру расширили владения: на западе они истребили кочевников и на рубежах Тихого океана навалили пирамиды из земли и камней. На востоке они теснили негров. По берегам Нигера и Конго, по скалистому побережью средиземного океана, плескавшего там, где ныне — пустыня Сахары, они заложили сильные

крепости. Это было время войн и строительства. Атлантида называлась тогда — Хамаган.

Город был обнесен новой стеной, и в ней сделаны сто ворот, обложенных золотыми листами. Народы всего мира стекались туда, привлекаемые жадностью и любопытством. Среди множества племен, бродивших по его базарам, разбивавших палатки под его стенами, появились еще невиданные люди. Они были оливково-смуглые, с длинными, горящими глазами и носами, как клюв. Они были умны и хитры. Никто не помнил, когда они вошли в город. Но вот, прошло не более поколения, и наука и торговля города Ста Золотых Ворот оказались в руках этого немногочисленного племени. Они называли себя "сыны Аама".

Мудрейшие из сынов Аама прочли древние надписи Земзе и стали развивать в себе способность видеть сущность вещей. Они построили подземный храм Спящей Головы Негра и стали привлекать к себе людей, — исцеляли больных, гадали о судьбе и верующим показывали тени умерших. Так началась династия Иерофантов.

Богатством и силою знания сыны Аама проникли к управлению страной. Они привлекли на свою сторону многие племена, и подняли, одновременно — на окраинах земли и в самом

городе, восстание за новую веру. В кровавой борьбе погибла династия Уру. Иерофанты овладели властью.

С этим временем совпал первый толчек земли. Во многих местах, среди гор, вырвалось пламя и пеплом заволокло небо. Большие пространства на юге атлантического материка опустились в океан. На севере поднялись с морского дна скалистые острова и соединились с сушей: так образовались очертания европейской равнины.

Всю силу власти Иерофанты направили на создание культа среди множества племен, когда-то покоренных династией Уру и отпавших. Но сыны Аама не любили войны. Они снаряжали корабли, украшенные головой спящего негра, нагружали их пряностями, тканями, золотом и слоновой костью. Посвященные в культ, под видом купцов и знахарей, проникали на кораблях в дальние страны. Они торговали и лечили заговорами и заклинаниями больных и увечных. Для охраны товаров они строили в каждой стране большой, в форме пирамиды, дом, куда переносили голову спящего. Так утверждался культ. Если народ возмущался против пришельцев, с корабля сходил отряд краснокожих, закованных в бронзу, со щитами, украшенными перьями, в высоких шлемах,

наводящих ужас.

Так снова расширялись и укреплялись владения Атлантиды. На крайнем западе, в стране красных, был заложен второй, великий город — Птитлигуа. Торговые корабли Атлантов плавали на восток, до Индии, где еще властвовала черная раса. На восточном побережьи Азии они впервые увидели гигантов с желтыми и плоскими лицами. Эти люди бросали большие камни в их корабли.

Культ спящей головы был открытым для всех, — это было главным орудием силы и власти, но смысл, внутреннее содержание культа, Иерофанты хранили в величайшей тайне. Они выращивали зерно мудрости Земзе, и были еще в самом начале того пути, который привел к гибели всю расу.

Они говорили так:

"Истинный мир — невидим, неосязуем, неслышим, не имеет вкуса и запаха. Истинный мир есть движение разума. Начальная и конечная цель этого движения не постигаема. Разум есть материя, более твердая, чем камень, и более быстрая, чем свет. Ища покоя, как всякая материя, разум впадает в некоторый сон, то-есть становится более замедленным, что называется — воплоще-

нием разума в вещество. По степени глубины сна разум воплощается в огонь, в воздух, в воду, в землю. Из этих четырех стихий образуется видимый мир. Вещь есть временное сгущение разума. Вещь есть ядро сферы сгущающегося разума, подобно круглой молнии, в которую уплотняется грозовой воздух.

"В кристалле разум находится в совершенном покое. В звездном пространстве разум — в совершенном движении. Человек есть мост между этими двумя состояниями разума. Через человека течет поток разума в видимый мир. Ноги человека вырастают из кристалла, живот его — солнце, его глаза — звезды, его голова — чаша с краями, простирающимися во вселенную.

"Человек есть владыка мира. Ему подчинены стихии и движение. Он управляет ими силой, исходящей из его тела, подобно тому, как луч света исходит из отверстия глиняного сосуда".

Так говорили Иерофанты, сыны Аама. Простой народ не понимал их учения. Иные поклонялись животным, иные — теням умерших, иные — идолам, иные — ночным шорохам, грому и молнии, или — яме в земле. Было невозможно и опасно бороться со множеством этих суеверий.

Тогда Иерофанты поняли, что нужно ввести

ясный и понятный, единый для всех культ. Они стали строить огромные, украшенные золотом, храмы и посвящать их солнцу, — отцу и владыке жизни, гневному и животворному, умирающему и вновь рождающемуся.

Культ солнца скоро охватил всю землю. Верующими было пролито много человеческой крови. На крайнем западе, среди красных, солнце приняло образ змея, покрытого перьями. На крайнем востоке, где была примесь негритянской крови, солнце — владыка теней умерших — приняло образ человека с птичьей головой.

В центре мира, в городе Ста Золотых Ворот, была построена уступчатая пирамида, столь высокая, что облака дымились на вершине ее, — туда перенесли Голову Спящего. У подножия пирамиды, на площади был поставлен золотой, крылатый бык, с человеческим лицом, со львиными лапами. Под ним, неугасаемо, горел огонь. В дни равноденствий, в присутствии народа, под удары в яйцеобразные барабаны, под пляски обнаженных женщин, — верховный жрец, Сын Солнца, великий правитель, умерщвлял красивейшего из юношей города и сжигал его в чреве быка. Так Иерофанты утоляли первобытную потребность народа к кровавым, религиозным зрелищам.

Сын Солнца был неограниченный владыка города и стран. Он строил плотины и проводил орошения, раздавал из магазинов одежду и питание, назначал кому сколько нужно земли и скота. Многочисленные чиновники были исполнителями его повелений. Никто не мог говорить: — "это мое", потому что все принадлежало Солнцу. Труд был священен. Леность наказывалась смертью. Весною сын Солнца первый выходил в поле и на четырех быках пропахивал борозду, сеял зерна маиса.

Храмы были полны зерна, тканей, пряностей. Корабли Атлантов с пурпуровыми парусами, украшенными изображением змеи, держащей во рту солнце, бороздили все моря и реки. Наступал долгий мир. Люди забывали, как в руке держится меч.

И вот, над Атлантидой нависла туча с востока.

На восточных плоскогорьях Азии жило желтолицое, с раскосыми глазами, сильное племя Учкуров. Они принадлежали к народу Шумиры, — к четвертому из семи великих народов. Учкуры были угрюмы, свирепы и безумны. Они подчинялись женщине, которая обладала способностью бесноваться. Она называлась — Су Хутам Лу, что значило — "говорящая с луной".

Она сказала Учкурам:

"Я поведу вас в страну, где в ущелье между гор опускается солнце. Там пасется столько баранов, сколько звезд на небе, там текут реки из кумыса, там есть такие высокие юрты, что в каждую можно загнать стадо верблюдов. В этой стране небо золотое и земля голубая. Там еще не ступали ваши кони и вы еще не зачерпывали шлемом воды из рек".

Учкуры спустились с плоскогорья и напали на многочисленные, кочевые племена желтолицых Шумиров, — покорили их, и стали среди них военачальниками. Они говорили побежденным: "Идите за нами в страну солнца, которую указала Су Хутам Лу".

Поклонявшиеся звездам желтолицые Шумиры были мечтательны. Они сняли юрты и погнали стада на запад. Шли медленно, год за годом. Впереди двигалась конница Учкуров, нападая, сражаясь, и разрушая города. За конницей брели стада и повозки с женщинами и детьми. Кочевники прошли мимо Индии и разлились по восточной, европейской равнине.

Там многие остались на берегах озер. Сильнейшие продолжали двигаться на запад. На побережьи Средиземного моря они разрушили

первую колонию Атлантов и от побежденных узнали — где лежит страна солнца. Здесь Су Хутам Лу умерла. С головы ее сняли волосы вместе с кожей и прибили их к высокому шесту. С этим знаменем двинулись далее, вдоль моря. Так они дошли до края Европы и вот, с высоты гор, увидели очертания обетованной земли. Со дня, когда безумные Учкуры впервые спустились с плоскогорья — прошло сто лет.

Кочевники стали рубить леса и вязали плоты. На плотах они переправились через соленую, теплую реку, омывающую с далекого севера берега Европы. Ступив за заповедную землю Атлантиды, кочевники напали на священный город Туле. Когда они полезли на высокие стены, в городе начали звонить в колокола; — звон был так приятен, что желтолицые не стали разрушать города, не истребили жителей, не разграбили храмов. Они взяли запасы пищи и одежды и пошли далее на юго-запад. Пыль от повозок и стад застилала солнце.

Наконец, кочевникам преградило путь войско краснокожих. Атланты были все в золоте, в разноцветных перьях, изнеженные и прекрасные видом. Конница Учкуров истребила их. С этого дня желтолицые услышали запах крови Атлан-

тов и не были более милостивыми.

Из города Ста Золотых Ворот послали гонцов на запад к красным, на юг, к неграм, на восток к племенам Аама, на север, к циклопам. Приносились человеческие жертвоприношения. Неугасимо пылали костры на вершинах храмов. Жители города стекались на кровавые жертвы, предавались исступленным пляскам, чувственным забавам, опьянялись вином, раскидывали сокровища.

Иерофанты, мудрецы и посвященные готовились к великому испытанию, уносили в глубину гор, в пещеры, зарывали в землю книги Великого Знания.

Началась война. Участь ее была предрешена: Атланты могли только защищать пресытившее их богатство, у кочевников была священная жадность и вера в обетование. Все же борьба была длительной и кровопролитной. Страна опустошалась. Наступил голод и мор. Войска разбегались и грабили все, что могли. Город Ста Золотых Ворот был взят приступом и стены его разрушены. Сын Солнца бросился с вершины уступчатой пирамиды. Погасли огни на вершинах храмов. Немногие из мудрых и посвященных бежали в горы, в пещеры. Тысячелетняя цивилизация погибла.

Среди разрушенных дворцов великого города,

на площадях, поросших травой, бродили овцы, и желтолицый пастух пел печальную песню о блаженной, как степной мираж, заповедной стране, где земля — голубая и небо — золотое.

Кочевники спрашивали своих вождей: "Куда нам еще итти?". Вожди говорили им: "Мы привели вас в обетованную страну, селитесь и живите мирно". Но многие из кочевых племен не послушались и пошли дальше на запад, в страну Перистого Змея, но там их истребил повелитель Птитлигуа. Иные из кочевников проникли к экватору, и там уничтожили их негры, стада слонов и болотные лихорадки.

Учкуры, вожди желтолицых, избрали мудрейшего из военачальников и поставили его правителем покоренной страны. Имя его было Тубал. Он велел чинить стены, очищать сады, вспахивать поля и отстраивать разрушенные жилища. Он издал много мудрых и простых законов. Он призвал к себе бежавших в пещеры, мудрецов и посвященных и сказал им: "Мои глаза и уши открыты для мудрости". Он сделал их советниками, разрешил открыть храмы, и повсюду послал гонцов с вестью, что хочет мира.

Таково было начало третьей, самой высокой, волны цивилизации Атлантов. В кровь многочис-

ленных племен, — черных, красных, оливковых и белых, — влилась мечтательная, бродящая, как хмель, кровь азиатских номадов, звездопоклонников, потомков бесноватой Су Хутам Лу.

Кочевники быстро растворялись среди иных племен. От юрт, стад, дикой воли остались лишь песни и предания. Появлялось новое племя сильных сложением, черноволосых, желто смуглых людей. Учкуры, потомки всадников и военачальников, были аристократией города. Они называли себя Атланда, что значило — "выходцы из степей". От этого имени, впоследствии, появилось общее название для всей страны — Атлантида, тогда как до этого времени она называлась различными именами воплощений солнца.

Атланды любили науки, искусства и роскошь. Они украсили город новыми стенами и семиугольными башнями, выложили золотом двадцать один уступ гигантской пирамиды, провели акведуки, впервые в архитектуре стали употреблять колонну. В Атландах был дух строительства и дух великой тревоги.

Они искали утоления тревоги в завоеваниях. Снова были покорены отпавшие страны и города. На севере они воевали с циклопами, — уцелев-

шими от смешения, одичавшими потомками племени Земзе. Великий завоеватель, Рама, дошел до Индии и в долгих войнах уничтожил владычество черных. Он соединил младенческие племена Арийцев, принадлежавших к седьмому из семи народов расы, в царство Ра. Так, еще раз, раздвинулись до небывалых размеров и окрепли пределы Атлантиды, — от страны Перистого Змея до азиатских берегов Тихого океана, откуда, некогда, желтолицые великаны бросали камни в корабли.

Тревожная душа Атландов искала исхода в Знании. Снова были прочитаны древние книги Земзе и мудрые книги сынов Аама. Замкнулся круг и начался новый. В пещерах были найдены полуистлевшие "семь папирусов Спящего". С этого открытия начинает быстро развиваться Знание. То, чего не было у сынов Аама, — бессознательной, творческой силы, то, чего не было у сынов племени Земзе, — ясного и острого разума, — в изобилии текло в тревожной и страстной крови племени Атланда.

Основа нового знания была такова:

"В человеке дремлет самая могучая из мировых сил, — материя чистого разума. Подобно тому, как стрела, натянутая тетивой, направленная

верной рукой, поражает цель, — так и материя дремлющего разума может быть напряжена тетивой воли, направлена рукой знания. Сила устремленного знания безгранична".

Наука знания разделялась на две части: — подготовительную, — развитие тела, воли и ума, и основную, — познавание природы, мира и формул, через которые материя устремленного знания овладевает природой.

Полное овладение Знанием, расцвет небывалой еще на земле и до сих пор не повторенной культуры продолжался столетие, между 450 и 350 годами до Потопа, то есть до гибели Атлантиды.

На земле был всеобщий мир. Силы земли, вызванные к жизни Знанием, обильно и роскошно служили людям. Сады и поля давали огромные урожаи, плодились стада, труд был легок. Народ вспоминал старые обычаи и праздники, и никто не мешал ему жить, любить, рожать, веселиться. В преданиях этот век назван золотым.

В то время на восточном рубеже земли был поставлен сфинкс, изображавший в одном теле четыре стихии, — символ тайны спящего разума. Были построены семь чудес света: лабиринт, колосс в Средиземном море, столбы на запад от Гибралтара, башня звездочетов на Посейдонесе,

сидящая статуя Тубала и город Лемуров на острове Тихого океана.

В черные племена, до этого времени теснимые в тропические болота, проник свет Знания. Негры быстро усваивали цивилизацию и начали постройкою гигантские города в центральной Африке.

Зерно мудрости Земзе дало полное и пышное цветение. Но вот, мудрейшие из посвященных в Знание стали понимать, что во всем росте цивилизации лежит первородный грех. Дальнейшее развитие Знания должно привести к гибели: человечество поразит само себя, как змея, жалящая себя в хвост.

Первородное зло было в том, что бытие, — жизнь земли и существ, — постигалось, как нечто, выходящее из разума человека. Познавая мир, человек познавал только самого себя. Человек был сущностью, мир — плодом его разума, его воли, его сновидения, или бреда. Бытие лишь — сознание человека, Сущего, Я.

Такое понимание бытия должно было привести к тому, что каждый человек стал бы утверждать, что он один есть единственное, сущее, истинное Я, все остальное — мир, люди, — лишь его представление. Дальнейшее было неизбежно:

борьба за истинное Я, за единственную личность, истребление человечества, как восставшего на человека его же сна, — презрение и отвращение к бытию, как к злому призраку.

Таково было начальное зло мудрости Земзе.

Знание раскололось. Одни не видели возможности вынуть семя зла и говорили, что зло есть единственная сила, создающая бытие. Они назвали себя Черными, так как Знание шло от черных.

Другие, признавшие, что зло лежит не в самой природе, но в отклонении Разума от природности, — стали искать противодействия злу. Они говорили: "Солнечный луч падает на землю, погибает и воскресает в плод земли: — вот основной закон жизни. Таково же движение мирового Разума: — нисхождение, жертвенная гибель и воскресение в плоть. Первоосновной грех, — одиночество Разума, — может быть уничтожен грехопадением. Разум должен пасть в плоть и пройти через живые врата смерти. Эти врата — пол. Падение Разума совершается силою Эроса.

Так утверждавшие называли себя Белыми, потому что носили полотняную тиару, — знак Эроса. Они создали весенний праздник — мистерию грехопадения, которая разыгрывалась в роскош-

ных садах древнего храма солнца. Девственный юноша представлял Разум, женщина — врата смертной плоти, змей — Эроса. Из отдаленных стран приходили смотреть на эти зрелища.

Раскол между двумя путями Знания был велик. Началась борьба. В то время было сделано изумительное открытие, — найдена возможность мгновенно освобождать жизненную силу, дремлющую в семенах растений. Эта сила, — гремучая, огненно-холодная материя, — освобождаясь, устремлялась в пространство. Черные воспользовались ею для борьбы, для орудий войны. Они построили огромные летающие корабли, наводившие ужас. Дикие племена стали поклоняться этим крылатым драконам.

Белые поняли, что гибель мира близка, и стали готовиться к ней. Они отбирали среди простых людей наиболее чистых, сильных и кротких сердцем и стали выводить их на север и на восток. Они отводили им высокие, горные пастбища, где переселенцы могли жить первобытно и созерцательно.

Опасения белых подтверждались. Золотой век вырождался, в городах Атлантиды наступало пресыщение. Ничто не сдерживало более пресыщенную фантазию, жажду извращений, безумие

опустошенного разума. Сила, которою овладел человек, обратилась против него. Неизбежность смерти делала людей мрачными, свирепыми, беспощадными.

И вот, настали последние дни. Начались они с большого бедствия: центральная область города Ста Золотых Ворот была потрясена подземным толчком, много земли опустилось на дно океана, морские волны отделили навсегда страну Перистого Змея.

Черные обвинили Белых в том, что силою заклинаний они расковали духов земли и огня. Народ возмутился. Черные устроили ночное избиение в городе, — более половины жителей, носивших полотняную тиару, погибло смертью, остальные бежали за пределы Атлантиды, многие ушли в Индию.

Властью в городе Ста Золотых Ворот овладели богатейшие из граждан черного ордена, называвшиеся Магацитлами, что значит "беспощадные". Они говорили: "Уничтожим человечество, потому что оно есть дурной сон разума". Чтобы во всей полноте насладиться зрелищем смерти, они об'явили по всей земле праздники и игрища, раскрыли государственные сокровищницы и магазины, привезли с севера белых девушек и

отдали их народу, распахнули двери храмов для всех, жаждущих противоестественных наслаждений, наполнили фонтаны вином и на площадях жарили мясо. Безумие овладело народом. Это было в осенние дни сбора винограда.

Ночью, на озаренных кострами площадях, среди народа, исступленного вином, плясками, едой, женщинами — появились Магацитлы. Они были в высоких шлемах, в панцырных поясах, без щитов. Правою рукою они бросали бронзовые шары, разрывавшиеся холодным, разрушающим пламенем, левою рукою погружали меч в пьяных и безумных.

Оргия была прервана страшным подземным толчком. Рухнула статуя Тубала, треснули стены, повалились колонны акведука, из глубоких трещин вырвалось пламя, пеплом заволокло небо.

На утро кровавый, тусклый диск солнца осветил развалины, горящие сады, толпы измученных излишествами, сумасшедших людей, кучи трупов. Магацитлы бросились к летательным аппаратам, имеющим форму яиц, и стали покидать землю. Они улетали в звездное пространство, в родину абстрактного разума. Несколько сотен аппаратов улетело. Раздался четвертый, еще более сильный, толчок земли. С севера поднялась из пепельной

мглы океанская волна, и пошла по земле, уничтожая все живое.

Началась буря, молнии падали в землю, в жилища. Хлынул ливень, летели осколки вулканических камней.

За оплотом стен великого города, с вершины уступчатой, обложенной золотом, пирамиды Магацитлы продолжали улетать сквозь океан падающей воды, из дыма и пепла в звездное пространство. Три под-ряд толчка раскололи землю Атлантиды. Город Золотых Ворот погрузился в кипящие волны.

ГУСЕВ НАБЛЮДАЕТ ГОРОД

Иха совсем одурела. Чего бы ни просил ее Гусев, — тотчас исполняла, глядела на него матоватыми глазами. И смешно, и жалко. Гусев обращался с ней строго, но справедливо. Когда Ихошка совсем изнемогала от переполнения чувствами, — он сажал ее на колени, гладил по голове, почесывал за ухом, рассказывал сказку про попа, — как попа обманула попадья с Педрилой, работником.

Ихошка сказки не понимала, глядела в лицо потемневшими глазами.

Гвоздем засел у Гусева план — удрать в город. Здесь было, как в мышеловке: ни оборониться, в случае чего, ни убежать. Опасность же грозила им серьезная, — в этом Гусев не сомневался. Разговоры с Лосем ни к чему не вели. Лось только морщился, — весь свет ему закрыло подолом тускубовой дочки.

"Суетливый вы человек, Алексей Иванович. Ну, нас убьют, — не нам с вами бояться смерти, а то, — сидели бы в Петербурге — чего безопаснее?"

Гусев велел Ихошке унести ключи от ангара, где стояли крылатые лодки. Он забрался туда с

фонарем и всю ночь провозился над небольшой, двукрылой, видимо, быстролетной лодочкой. Механизм ее был прост. Крошечный моторчик, — уместить его можно было в кармане, — питался крупинками белого металла, распадающегося с чудовищной силой в присутствии электрической искры. Электрическую энергию аппарат получил во время полета из воздуха, — так как марс был окутан магнитным полем, его посылали станции на полюсах. Об этом рассказывала еще Аэлита.

Гусев подтащил лодку к самым воротам ангара. Ключ вернул Ихе. В случае надобности замок нетрудно было сорвать рукой.

Затем, он решил взять под контроль город Соацеру. Иха научила его соединять туманное зеркало. Этот говорящий экран, в доме Тускуба, можно было соединять односторонне, то есть самому оставаться невидимым и неслышимым.

Гусев обследовал весь город: площади, торговые улицы, фабрики, рабочие поселки. Странная жизнь раскрывалась и проходила перед ним в туманной стене:

Кирпичные, низкие залы фабрик, неживой свет сквозь пыльные окна. Унылые, с пустыми, запавшими глазами, морщинистые лица рабочих. Вечно, вечно крутящиеся шкивы, станки,

сутулые фигуры, точные движения работы: — все это старое, вековое, муравьиное.

Появлялись прямые и чистые улицы рабочих кварталов; те же унылые фигуры брели по ним, опустив головы. Тысячелетней скукой веяло от этих кирпичных, подметенных, один как один, коридоров. Здесь уже ни на что не надеялись.

Появлялись центральные площади: — уступчатые дома, ползучая, пестрая зелень, отсвечивающие солнцем стекла, нарядные женщины, посреди улицы — столики, узкие вазы, полные цветов. Двигающаяся водоворотами нарядная толпа, столики, хрусталь, пестрые халаты мужчин, треплющиеся от ветра скатерти, женские платья, — отражались в паркетной, зеленоватой мостовой. Низко проносились золотые лодки, скользили тени от их крыльев, смеялись запрокинутые лица, сверкали капли воды на зелени, на цветах.

В городе шла двойная жизнь. Гусев все это принял во внимание. Как человек с большим опытом — почувствовал носом, что, кроме этих двух сторон, здесь есть еще и третья, — подпольная, подполье. Действительно, по богатым улицам города, в парках, — повсюду, — шаталось большое количество неряшливо одетых, испитых,

молодых марсиан. Шатались без дела, заложив руки в карманы, — поглядывали. Гусев думал: — "Эге, эти штуки мы тоже видали".

Ихошка все ему подробно об'ясняла. На одно только не соглашалась, — соединить экран с Домом Совета. В ужасе трясла рыжими волосами, складывала руки:

— Не просите меня, сын неба, лучше убейте меня, дорогой сын неба.

Однажды, день на четырнадцатый, утром, Гусев, как обычно, сел в кресло, положил на колени цифровую доску, дернул за шнур.

В зеркальной стене появилась странная картина: на центральной площади — озабоченные, шепчущиеся кучки марсиан. Исчезли столики с мостовой, цветы, пестрые зонтики. Появился отряд солдат, — шел треугольником, как страшные куклы, с каменными лицами. Далее — на торговой улице, — бегущая толпа, свалка, и какой-то марсианин, вылетевший из драки винтом на мышиных крыльях. В парке те же встревоженные кучки шептунов. На одной из крупнейших фабрик гудящие толпы рабочих, возбужденные, мрачные, свирепые лица.

В городе, видимо, произошло какое-то событие чрезвычайной важности. Гусев тряс Ихошку за

плечи: — "В чем дело?". Она молчала, глядела матовыми, влюбленными глазами.

ТУСКУБ

Неуловимая тревога облаком лихорадки легла на город. Бормотали, мигали зеркальные телефоны. На улицах, на площадях, в парках шептались кучки марсиан. Ждали событий, поглядывали на небо. Говорили, что где-то горят склады сушеного кактуса. В полдень в городе открыли водопроводные краны и вода иссякла в них, но не надолго… Многие слышали на юго-западе отдаленный взрыв. В домах заклеивали стекла бумажками — крест на крест.

Тревога шла из центра по городу, из дома Совета Инженеров. Говорили о пошатнувшейся власти Тускуба, предстоящих переменах. Тревожное возбуждение прорезывалось, как искрой, слухами:

"Ночью погаснет свет".

"Остановят полярные станции".

"Исчезнет магнитное поле".

"В подвалах Дома Советов арестованы какие-то личности".

На окраинах города, на фабриках, в рабочих поселках, в общественных магазинах — слухи эти воспринимались по иному. О причине их возникновения здесь, видимо, знали больше. С

тревожным злорадством говорили, что, будто бы, гигантский цирк, номер одиннадцатый, взорван подземными рабочими, что агенты правительства ищут повсюду склады оружия, что Тускуб стягивает войска в Соацеру.

К полудню, почти повсюду, прекратилась работа. Собирались большие толпы, ожидали событий, поглядывали на неизвестно откуда появившихся многозначительных, молодых марсиан, с заложенными в карманы руками.

В середине дня над городом пролетели правительственные лодки, и дождь белых афишек посыпался с неба на улицы. Правительство предостерегало население от злостных слухов: — их распускали анархисты, враги народа. Говорилось, что власть никогда еще не была так сильна, преисполнена решимости.

Город затих ненадолго, и снова поползли слухи, один страшнее другого. Достоверно знали только одно: сегодня вечером в доме Совета Инженеров предстоит решительная борьба Тускуба с вождем рабочего населения Соацеры — инженером Гором.

К вечеру толпы народа набили огромную площадь перед домом Совета. Солдаты охраняли лестницу, входы и крышу. Холодный ветер нагнал

туман, в мокрых облаках раскачивались фонари красноватыми, расплывающимися сияниями. Неясной пирамидой уходили в мглу мрачные стены дома. Все окна его были освещены.

Под тяжелыми сводами, в круглой зале, на скамьях амфитеатра сидели члены Совета. Лица всех были внимательны и насторожены. В стене, высоко над полом, проходили быстро одна за другой, в туманном зеркале, картины города: внутренность фабрик, перекрестки, с перебегающими в тумане фигурами, очертания водяных цирков, электро-магнитных башен, однообразные, пустынные здания складов, охраняемые солдатами. Экран непрерывно соединялся со всеми контрольными зеркалами в городе. Вот, появилась площадь перед домом Совета, — океан голов, застилаемый клочьями тумана, широкие сияния фонарей. Своды зала наполнились зловещим ропотом толпы.

Тонкий свист отвлек внимание присутствующих. Экран погас. Перед амфитеатром на возвышение, покрытое парчей, взошел Тускуб. Он был бледен, спокоен и мрачен.

— В городе волнение, — сказал Тускуб, — город возбужден слухом о том, что сегодня мне здесь намерены противоречить. Одного этого слуха

было достаточно, чтобы государственное равновесие пошатнулось. Таковое положение вещей я считаю болезненным и зловещим. Необходимо раз и навсегда уничтожить причину подобной возбуждаемости. Я знаю, среди нас есть присутствующие, которые нынче же ночью разнесут по городу мои слова. Я говорю открыто: город охвачен анархией. По сведениям моих агентов в городе и стране нет достаточных мускулов для сопротивления. Мы накануне гибели мира.

Ропот пролетел по амфитеатру. Тускуб брезгливо усмехнулся.

— Сила, разрушающая мировой порядок, — анархия — идет из города. Лаборатория для приготовления пьяниц, воров, убийц, свирепых сладострастников, опустошенных душ, — вот город. Спокойствие души, природная воля к жизни, силы чувств — растрачиваются здесь на сомнительные развлечения и болезненные удовольствия. Дым хавры, — вот душа города: дым и бред. Уличная пестрота, шум, роскошь золотых лодок и зависть тех, кто снизу глядит на эти лодки. Женщины, обнажающие спину и живот, женщины, сделанные из кружев, духов и грима, — полуживые существа, оглушающие сладострастников. Афиши и огненные рекламы,

вселяющие несбыточные надежды. Вот город. Покой души сгорает в пепел. Ее желание одно, — жажда. Она жаждет насытить пепел души влагой. Эта влага — всегда кровь. Скука, скука, — вы видите — пыльные коридоры, с пыльным светом, где бредут сожженные души, зевая от скуки. Скуку утоляет только кровь.

Город приготовляет анархическую личность. Ее воля, ее жажда, ее пафос — разрушение. Думают, что анархия — свобода, нет, — анархия жаждет только анархии. Долг государства бороться с этими разрушителями, — таков закон жизни. Анархии мы должны противопоставить волю к порядку. Мы должны вызвать в стране здоровые силы и с наименьшими потерями бросить их на борьбу с анархией. Мы об'являем беспощадную войну. Меры охраны — лишь временное средство: неизбежно должен настать час, когда полиция откроет свое уязвимое место. В то время, когда мы вдвое увеличиваем число агентов полиции — анархисты увеличиваются в четыре раза. Мы должны первые перейти в наступление. Мы должны разрушить и уничтожить город.

Половина амфитеатра вскочила на скамьях. Лица марсиан были бледны, глаза горели.

— Город неизбежно, так или иначе будет

разрушен, мы сами должны организовать это разрушение. В дальнейшем я предложу план расселения здоровой части городских жителей по сельским поселкам. Мы должны использовать для этого богатейшую страну, — по ту сторону гор Лизиазира, — покинутую населением после междоусобной войны. Предстоит огромная работа. Но цель ее — велика. Разумеется, мерой разрушения города мы не спасем цивилизации, мы даже не отсрочим ее гибели, но мы дадим возможность миру — умереть спокойно и торжественно.

— Что он говорит? — испуганными птицами, хриплыми голосами закричали на скамьях.

— Почему нам нужно умирать?

— Он сошел с ума!

— Долой Тускуба!

Движением бровей Тускуб заставил утихнуть амфитеатр:

— История марса окончена. Жизнь вымирает на нашей планете. Вы знаете статистику рождаемости и смерти. Пройдет столетие и последний марсианин застывающим взглядом в последний раз проводит закат солнца. Мы бессильны остановить смерть. Мы должны суровыми и мудрыми мерами обставить пышностью и счастьем последние дни мира. Первое, основное: — мы

должны уничтожить город. Цивилизация взяла от него все, теперь он разлагает цивилизацию, он должен погибнуть.

В середине амфитеатра поднялся Гор, — тот широколицый, молодой марсианин, которого Гусев видел в зеркале. Голос его был глухой, лающий. Он выкинул руку по направлению Тускуба:

— Он лжет! Он хочет уничтожить город, чтобы сохранить власть. Он приговаривает нас к смерти, чтобы сохранить власть. Он понимает, что только уничтожением миллионов он еще может сохранить власть. Он знает, как ненавидят его те, кто не летает в золотых лодках, кто родится и умирает под землей, у кого душа выпита фабричными стенами, кто в праздник шатается по пыльным коридорам, зевая от скуки, кто с остервенением, ища забвения, глотает дым проклятой хавры. Тускуб приготовил нам смертное ложе, — пусть сам в него ляжет. Мы не хотим умирать. Мы родились, чтоб жить. Мы знаем смертельную опасность, — вырождение марса. Но у нас есть спасение. Нас спасет земля, — люди с земли, полудикари, здоровая, свежая раса. Вот кого он боится больше всего на свете. Тускуб, ты спрятал у себя в дому двух людей, прилетевших с земли. Ты боишься сынов неба. Ты силен только среди слабых,

полоумных, одурманенных хаврой. Когда придут сильные, с горячей кровью, — ты сам станешь тенью, ночным кошмаром, ты исчезнешь, как призрак. Вот чего ты боишься больше всего на свете! Ты нарочно выдумал анархистов, ты сейчас придумал это, потрясающее умы, разрушение города. Тебе самому нужна кровь, — напиться, ты призрак. Тебе нужно отвлечь внимание всех, чтобы незаметно убрать этих двух смельчаков, наших спасителей. Я знаю, что ты уже отдал приказ…

…Гор вдруг оборвал. Лицо его начало темнеть от напряжения. — Тускуб, тяжело, из-под бровей, глядел ему в глаза…

……

…Не заставишь… Не замолчу!.. — Гор захрипел. — Я знаю — ты посвящен в древнюю чертовщину… Я не боюсь твоих глаз…

…Гор, с трудом, широкой ладонью отер пот со лба. Вздохнул глубоко и зашатался. В молчании недышащего амфитеатра он опустился на скамью, уронил голову в руки. Было слышно, как скрипнули его зубы.

Тускуб поднял брови и продолжал спокойно:

— Надеяться на переселенцев с земли? Поздно.

Вливать свежую кровь в наши жилы? Поздно. Поздно и жестоко. Мы лишь продлим агонию нашей планеты. Мы лишь увеличим страдание, потому что, неизбежно, станем рабами завоевателей. Вместо покойного и величественного заката цивилизации — мы снова вовлечем себя в томительные круги столетий. Зачем? Зачем нам, ветхой и мудрой расе, работать на завоевателей? Чтобы жадные до жизни дикари выгнали нас из дворцов и садов, заставили строить новые цирки, копать руду, чтобы снова равнины марса огласились криками войны? Чтобы снова наполнять наши города опустошенными душами и сумасшедшими?

Нет. Мы должны умереть спокойно на порогах своих жилищ. Пусть красные лучи Талцетла светят нам издалека. Мы не пустим к себе чужеземцев. Мы построим новые станции на полюсах и окружим планету непроницаемой броней. Мы разрушим Соацеру, — гнездо анархии и безумных надежд, — здесь, здесь родился этот преступный план — сношения с землей. Мы пройдем плугом по площадям. Мы оставим лишь необходимые для жизни учреждения и предприятия. В них мы заставим работать преступников, алкоголиков, сумасшедших, всех мечтателей несбыточного.

Мы закуем их в цепи. Даруем им жизнь, которую они так жаждут.

Всем, кто согласен с нами, кто подчиняется нашей воле, — мы отведем сельскую усадьбу и обеспечим жизнь и комфорт. Двадцать тысячелетий каторжного труда дают нам право жить, наконец, праздно, тихо и созерцательно. Конец цивилизации будет покрыт венцом золотого века. Мы организуем общественные праздники и прекрасные развлечения. Быть может даже — срок жизни, указанный мною, продлится еще на несколько столетий, потому что мы будем жить в счастьи и покое.

Амфитеатр слушал молча, завороженный. Лицо Тускуба покрылось розовыми пятнами. Он закрыл глаза, будто вглядываясь в грядущее. Замолк на полуслове.

...Глухой, многоголосый гул толпы проник снаружи под своды зала. Гор поднялся. Лицо его было перекошено. Он сорвал с себя шапочку и швырнул далеко. Протянул руки и ринулся вниз по скамьям к Тускубу. Он схватил Тускуба за горло и сбросил с парчевого возвышения. Так же, — протянув руки, растопырив пальцы, — повернулся к амфитеатру. Будто отдирая присохший язык, закричал:

— Хорошо. Смерть? Пусть — смерть.

На скамьях вскочили, зашумели, несколько фигур побежало вниз к лежащему ничком Тускубу.

Гор прыгнул к двери. Локтем отшвырнул солдата. Полы его черного халата мелькнули у выхода на площадь. Раздался его отдаленный голос. По толпе пошел будто рев ветра. Раздались свирепые крики. Вдруг, зазвенело, посыпалось стекло.

ЛОСЬ ОСТАЕТСЯ ОДИН

— Революция, Мстислав Сергеевич. Весь город вверх ногами. Потеха!

Гусев стоял в библиотеке. В обычно сонных глазах его прыгали горячие, веселые искорки. Нос вздернулся, топорщились усы. Руки он глубоко засунул за ременный пояс.

— В лодку я уж все уложил: провизию, оружие. Ружьишко ихнее достал. Собирайтесь скорее, бросайте книгу, летим.

Лось сидел, подобрав ноги, в углу дивана, — невидяще глядел на Гусева. Вот уже больше двух часов он ожидал обычного прихода Аэлиты, подходил к двери, прислушивался, — в комнатах Аэлиты было тихо. Он садился в угол дивана и ждал, когда зазвучат ее шаги. Он знал: легкие шаги раздадутся в нем громом небесным. Она войдет, как всегда, прекраснее, изумительнее, чем он ждал, пройдет под озаренными, верхними окнами; по зеркальному полу пролетит ее черное платье. И в нем — все дрогнет. Вселенная его души дрогнет и замрет, как перед грозой: она входит, — женщина, жизнь.

— Лихорадка, что ли, у вас, Мстислав Сергеевич,

чего уставились? Говорю — летим, все готово. Я вас хочу Марскомом об'явить. Дело — чистое.

Лось опустил голову, — так впивался глазами Гусев. Спросил тихо:

— Что происходит в городе?

— Чорт их разберет. На улицах народу — тучи, рев. Окна бьют.

— Слетайте, Алексей Иванович, но только нынче же ночью вернитесь. Я обещаю поддержать вас во всем, в чем хотите. Устраивайте революцию, назначайте меня комиссаром, если будет нужно — расстреляйте меня. Но сегодня, умоляю вас, — оставьте меня в покое. Согласны?

— Ладно, — сказал Гусев, — эх, от них весь беспорядок, мухи их залягай, — на седьмое небо улети и там — баба. Тфу. В полночь вернусь. Ихошка посмотрит, чтобы доносу на меня не было.

Гусев ушел. Лось опять взял книгу, и думал:

"Чем кончится? Пройдет мимо гроза любви? Нет, не минует. Рад он этому чувству напряженного, смертельного ожидания, что вот-вот раскроется какой-то немыслимый свет? — Не радость, не печаль, не сон, не жажда, не утоление... То, что он испытывает, когда Аэлита рядом с ним, — именно — принятие жизни в ледяное одиночество своего тела. Он чувствует, — оно

древнее, издревле поднявшееся пустым призраком, вопящее голосами всей вселенной: — жить, жить, жить. И жизнь входит в него по зеркальному полу, под сияющими окнами. Но это, ведь, тоже — сон. Пусть случится то, чего он жаждет: соединение. И жизнь возникнет в ней, в Аэлите. Она будет полна влагой, светом, осуществлением, трепетной плотью. А ему — снова: — томление, одиночество, жажда".

Никогда еще Лось с такою ясностью не чувствовал безнадежную жажду любви, никогда еще так не понимал этого обмана любви, страшной подмены самого себя — женщиной: — проклятие мужского существа. Раскрыть об'ятие, распахнуть руки от звезды до звезды, — ждать, принять женщину. И она возьмет все и будет жить. А ты, любовник, отец, — как пустая тень, раскинувшая руки от звезды до звезды.

Аэлита была права: он напрасно многое узнал за это время, слишком широко раскрылось его сознание. В его теле еще текла горячая кровь, он был весь еще полон тревожными семенами жизни, — сын земли. Но разум определил его на тысячи лет: здесь, на иной земле, он узнал то, что еще не нужно было знать. Разум раскрылся и, не насыщенный живой кровью, зазиял ледяной

пустотой. Что раскрыл его разум? — пустыню, и там, за пределом, новые тайны.

Заставь птицу, поющую в нежном восторге, закрыв глаза, в горячем луче солнца, понять хоть краюшек мудрости человеческой, — и птица упадет мертвая. Мудрость, мудрость, — будь проклята: неживая пустыня.

За окном послышался протяжный свист улетающей лодки. Затем, в библиотеку просунулась голова Ихи, — позвала к столу. Лось поспешно пошел в столовую, — белую, круглую комнату, где эти дни обедал с Аэлитой. Здесь было жарко. В высоких вазах у колонн тяжелой духотой пахли цветы. Иха, отворачивая покрасневшие от слез глаза, сказала:

— Вы будете обедать один, сын неба, — и прикрыла прибор Аэлиты белыми цветами.

Лось потемнел. Мрачно сел к столу. К еде не притронулся, — только щипал хлеб и выпил несколько бокалов вина. С зеркального купола, — над столом, — раздалась, как обычно во время обеда, слабая музыка. Лось стиснул челюсти.

Из глубины купола лились два голоса, — струнный и духовой: сходились, сплетались, пели о несбыточном. На высоких, замирающих звуках они расходились, — и уже низкие звуки взывали

из мглы тоскующими голосами, — звали, перекликались взволнованно, и снова пели о встрече, сближались, кружились, похожие на старый, старый вальс.

Лось сидел, раздув ноздри, стиснув в кулаке узкий бокал. Иха, зайдя за колонну, уткнула лицо в край юбки, — у нее тряслись плечи. Лось бросил салфетку и встал. Томительная музыка, духота цветов, пряное вино, — все это было совсем напрасно.

Он подошел к Ихе:

— Могу я видеть Аэлиту?

Не открывая лица, Иха замотала рыжими волосами. Лось взял ее за плечо:

— Что случилось? Она больна? Мне нужно ее видеть.

Иха проскользнула под локтем у Лося и убежала. На полу у колонны осталась, — оброненная Ихошкой, — фотографическая карточка. Мокрая от слез карточка изображала Гусева в полной боевой форме, — суконный шлем, ремни на груди, одна рука на рукояти шашки, в другой — револьвер, сзади разрывающиеся гранаты, — подписано: "Прелестной Ихошке на незабываемую память".

Лось швырнул открытку, вышел из дома и зашагал по лугу к роще. Он делал огромные

прыжки, не замечал этого, бормотал:

"Не хочет видеть — не нужно. Попасть в иной мир, — беспримерное усилие, — чтобы сидеть в углу дивана, — ждать: когда же, когда, наконец, войдет женщина... Сумасшествие! Одержимость! Гусев прав, — лихорадка. "Нанюхался сладкого". Ждать, как светопреставления — улыбки, нежного взгляда... К чорту!.. Не хочет, не надо. Тем лучше".

Мысли жестоко укалывали. Лось вскрикивал, как от зубной боли. Не соразмеряя силы — подскакивал на сажень в воздух и, падая, едва удерживался на ногах. Белые волосы его развевались. Он ненавидел себя лютой ненавистью.

Он добежал до озера. Вода была, как зеркало, на черно-синей ее поверхности пылали снопы солнца. Было душно. Лось обхватил голову, сел на камень.

Из прозрачной глубины озера медленно поднимались круглые, пурпуровые рыбы, шевелили волокнами длинных игол, равнодушно водянными глазами глядели на Лося.

"Вы слышите, рыбы, пучеглазые, глупые рыбы, — вполголоса сказал Лось, — я спокоен, говорю в полной памяти. Меня мучит любопытство, жжет, — взять в руки ее, когда она подойдет

в черном платье, взять ее в руки, Аэлиту, женщину... Услышать, как станет биться ее сердце... Помимо воли, всей своей мудрости, она сама, странным движением, придвинется ко мне... Я буду глядеть, как вдруг одичают ее глаза... Видите, рыбы, — я остановился, оборвал, не думаю, не хочу. Довольно. Вы еще меня не знаете, — я — упрям. Ниточка разорвана, — конец. Завтра — в город. Борьба — прекрасно. Смерть — прекрасно. Только — ни музыки, ни цветов, ни лукавого обольщения. Больше не хочу духоты. Волшебный шарик на ее ладони, — к чорту, к чорту, все это обман, призрак!.."

Лось поднялся, взял большой камень и швырнул его в стаю рыб. Голову ломило. Свет резал глаза. Вдали сверкала льдами, поднималась из-за рощи острым пиком горная вершина. "Необходимо хлебнуть ледяного воздуха", — Лось прищурился на алмазную гору, и пошел в том направлении через голубые заросли.

Деревья окончились, перед ним лежало пустынное, холмистое плоскогорье, — ледяная вершина была далеко за краем. По пути под ногами валялся шлак и щебень, повсюду — отверстия брошенных шахт. Лось упрямо решил куснуть, хватить зубами этого вдали сияющего снега.

В стороне, в лощине, поднималось коричневое облако пыли. Горячий ветер донес шум множества голосов. С высоты холма Лось увидел бредущую по сухому руслу канала большую толпу марсиан. Они несли длинные палки с привязанными на концах ножами, кирки, вилы. Брели, спотыкаясь, — потрясали оружием и ревели свирепо. За ними, над коричневыми облаками плыли хищные птицы.

Лось вспомнил давешние слова Гусева о событиях. Подумал:

"Счастье? Вот, — живи, борись, побеждай, гибни, — там разберут — за что и зачем. Счастье? А сердце держи на цепи, неразумное, неистовое, несчастное".

Толпа скрылась за холмами. Лось шибко шел, взволнованный движением, борьбой, и вдруг остановился, запрокинул голову. В синей вышине плыла, снижаясь, крылатая лодка. Вот — сверкнула, показав крылья, описала круг, — все ниже, ниже, скользнула над головой и села.

В лодке поднялся кто-то, закутанный в белый мех, белый, как снег. Из-за меха, из-под кожаного шлема глядели на Лося взволнованные, тревожные глаза Аэлиты. Неистово забило сердце. Он подошел к лодке. Аэлита отогнула на лице влаж-

ный от дыхания мех. Потемневшим взором Лось глядел в ее лицо. Она сказала:

— Я за тобой. Я была в городе. Нам нужно бежать. Я умираю от тоски по тебе.

Лось только стиснул пальцами борт лодки, с трудом передохнул.

ЧАРЫ

Лось сел позади Аэлиты. Механик, — красно-кожий мальчик, — плавным толчком поднял крылатую лодку в небо.

Холодный ветер кинулся навстречу. Белая, как снег, шубка Аэлиты была пропитана грозовой свежестью, горным холодом. Аэлита обернулась к Лосю, — щеки ее горели:

— Я видела отца. Он мне велел убить тебя и твоего товарища. — Зубы ее блеснули. Она разжала кулачок. На кольце, на цепочке висел у нее каменный флакончик. Отец сказал: пусть они уснут спокойно, они заслужили счастливую смерть.

Серые глаза Аэлиты подернулись влагой. Но сейчас же она засмеялась, сдернула с пальца кольцо. Лось схватил ее за руку:

— Не бросай, — он взял у нее флакончик и сунул в карман, — это твой дар, Аэлита: темная капелька, сон, покой. Теперь и жизнь, и смерть — ты. Он наклонился к ее дыханию. — Когда настанет страшный час одиночества — я снова почувствую тебя в этой капельке.

Силясь понять, Аэлита закрыла глаза, прислонилась спиной к Лосю. Нет, все равно — не

понять. Шумящий ветер, горячая грудь Лося за спиной, его рука, ушедшая в белый мех на ее плече, — казалось, кровь их бежит одним круговоротом, — в одном восторге, одним телом летят они в какое-то сияющее, древнее воспоминание. Нет, все равно — не понять!

Прошла минута, — немного больше. Лодка поравнялась с высотой тускубовой усадьбы. Механик обернулся: у Аэлиты и сына неба были странные лица. В пустых зрачках их светились солнечные точки. Ветер мял снежную шерсть на шубке Аэлиты. Восторженные глаза ее глядели в океан небесного света.

Мальчик механик уткнул в воротник острый нос и принялся беззвучно смеяться. Положил лодку на крыло и, разрезая воздух крутым падением, спустился у крыльца дома.

Аэлита очнулась, стала расстегивать шубку, но пальцы ее скользили по птичьим головкам на больших пуговицах. Лось поднял ее из лодки, поставил на траву и стоял перед ней согнувшись. Аэлита сказала мальчику: "Приготовь закрытую лодку".

Она не заметила ни Ихошкиных красных глаз, ни желтого, как тыква, перекошенного страхом, лица управляющего, — улыбаясь рассеянно,

оборачиваясь к Лосю, она пошла впереди него в глубь дома, к себе.

В первый раз Лось увидел комнаты Аэлиты, — низкие, золотые своды, стены, покрытые теневыми изображениями, будто фигурками на китайском зонтике, почувствовал кружащий голову горьковатый, теплый запах.

Аэлита сказала тихо: — Сядь. — Лось сел. Она опустилась у его ног, положила голову ему на колени, руки на грудь, и более не двигалась.

Он с нежностью глядел на ее пепельные, высоко поднятые на затылке волосы, держал ее руки. У нее задрожало горло. Лось нагнулся. Она сказала:

— Тебе, быть может, скучно со мной? Прости. Мне смутно. Я не умелая. Я сказала Ихе: поставь побольше цветов в столовой, когда он останется один, пусть ему играет улла.

Аэлита оперлась локтями о колени Лося. Лицо ее было мечтательное:

— Ты слушал? Ты понял? Ты думал обо мне?

— Ты видишь и знаешь, — сказал Лось, — когда я не вижу тебя — схожу с ума от тревоги. Когда вижу тебя — тревога страшнее. Теперь мне кажется — тоска по тебе гнала меня через звезды.

Аэлита глубоко вздохнула. Лицо ее казалось счастливым.

— Отец дал мне яд, но я видела — он не верит мне. Он сказал: — "я убью и тебя, и его". Нам недолго жить. Но ты чувствуешь, — минуты раскрываются бесконечно, блаженно.

Она запнулась и глядела, как вспыхнули холодной решимостью глаза Лося, — рот его сжался упрямо:

— Хорошо, — сказал он, — я буду бороться.

Аэлита придвинулась и зашептала:

— Ты — великан из моих детских снов. У тебя прекрасное лицо. Ты сильный, — сын неба. Ты мужественный, добрый. Твои руки из железа, колени — из камня. Твой взгляд — смертелен. От твоего взгляда женщины чувствуют тяжесть под сердцем.

Голова Аэлиты без силы легла ему на плечо. Ее бормотание стало неясным, чуть слышным. Лось отвел с лица ее волосы:

— Что с тобой?

Тогда она стремительно обвила его шею, как ребенок. Выступили большие слезы, потекли по ее худенькому лицу:

— Я не умею любить, — сказала она, — я никогда не знала этого... Пожалей меня, не гнушайся мной. Я буду рассказывать тебе интересные истории. Расскажу о страшных кометах, о битве

воздушных кораблей, о гибели прекрасной страны по ту сторону гор. Тебе не будет скучно меня любить. Меня никто никогда не ласкал. Когда ты в первый раз пришел, я подумала: — я его видела в детстве, это родной великан. Мне захотелось, чтобы ты взял меня на руки, унес отсюда. Здесь — мрачно, безнадежно, смерть, смерть. Солнце скудно греет. Льды больше не тают на полюсах. Высыхают моря. Бесконечные пустыни, медные пески покрывают туму… Земля, земля… милый великан, унеси меня на землю. Я хочу видеть зеленые горы, потоки воды, облака, тучных зверей, великанов… Я не хочу умирать…

Аэлита заливалась слезами. Теперь совсем девочкой казалась она Лосю. Было смешно и нежно, когда она всплеснула руками, говоря о великанах.

Лось поцеловал ее в заплаканные глаза. Она затихла. Ротик ее припух. Снизу вверх, влюбленно, как на великана из сказки, она глядела на сына неба.

Вдруг, в полумраке комнаты раздался тихий свист, и сейчас же вспыхнул облачным светом овал на туалетном столике. Появилась всматривающаяся внимательно голова Тускуба.

— Ты здесь? — спросил он.

Аэлита, как кошка, соскочила на ковер, подбежала к экрану.

— Я здесь, отец.

— Сыны неба еще живы?

— Нет, отец, — я дала им яд, они убиты.

Аэлита говорила холодно, резко. Стояла спиной к Лосю, заслоняя экран. Подняла руки к волосам, поправляя их.

— Что тебе еще нужно от меня, отец?

Тускуб молчал. Плечи Аэлиты стали подниматься, голова закидывалась. Свирепый голос Тускуба проревел:

— Ты лжешь! Сын неба в городе. Он во главе восстания.

Аэлита покачнулась. Голова отца исчезла.

ДРЕВНЯЯ ПЕСНЯ

Аэлита, Ихошка и Лось летели в четырехкрылой, закрытой лодке к горам Лизиазира.

Не переставая работал приемник электромагнитных волн, — мачта с отрезками проволок. Аэлита склонилась над крошечным экраном, слушала, всматривалась.

Было трудно разобраться в отчаянных телефонограммах, призывах, криках, тревожных запросах, летящих, кружащихся в магнитных полях марса. Все же, почти не переставая, бормотал стальной голосок Тускуба, прорезывал весь этот хаос, владел им. В зеркальце скользили тени потревоженного мира.

Несколько раз в каше звуков слух Аэлиты улавливал странный голос, вопивший протяжно:

"...товарищи, не слушайте шептунов... не надо нам никаких уступок... к оружию, товарищи, настал последний час... вся власть сов... сов... сов...".

Аэлита обернулась к Ихошке:

— Твой друг отважен и дерзок, он истинный сын неба, не бойся за него.

Ихошка, как коза, топнула ногами, замотала

рыжей головой. Аэлите удалось проследить, что бегство их осталось незамеченным. Она сняла с ушей трубки. Пальцами протерла запотевшее стекло иллюминатора.

— Взгляни, — сказала она Лосю, — за нами летят ихи.

Лодка плыла на огромной высоте над марсом. С боков лодки, в ослепительном свету, летели на перепончатых крыльях два извивающихся, покрытых бурой шерстью, облезлых животных. Круглые головы их с плоским, зубастым клювом были повернуты к окошкам. Вот, одно, увидев Лося, нырнуло и лязгнуло пастью по стеклу. Лось откинул голову. Аэлита засмеялась.

Миновали Азору. Внизу теперь лежали острые скалы Лизиазиры. Лодка пошла вниз, пролетела над озером Соам и опустилась на просторную площадку, висящую над пропастью.

Лось и механик завели лодку в пещеру, подняли на плечи корзины и вслед за женщинами стали спускаться по едва приметной в скалах, истершейся от древности, лестнице — вниз в ущелье.

Аэлита легко и быстро шла впереди. Придерживаясь за выступы скал, внимательно взглядывала на Лося. Из-под его огромных ног летели камни, отдавались в пропасти эхом.

— Здесь спускался магацитл, нес трость с привязанной пряжей, — сказала Аэлита. — Сейчас ты увидишь место, где горели круги священных огней.

На середине пропасти лестница ушла в глубь скалы, в узкий туннель. Из темноты его тянуло влажной сыростью. Ширкая плечами, нагибаясь, Лось с трудом двигался между отполированными стенами. Ощупью он нашел плечо Аэлиты, и сейчас же почувствовал на губах ее дыхание. Он прошептал по-русски: милая.

Туннель окончился полуосвещенной пещерой. Повсюду поблескивали базальтовые колонны. В глубине взлетали легкие клубы пара. Журчала вода, однообразно падали капли с неразличимых в глубине сводов.

Аэлита шла впереди. Ее черный плащ и острый колпачок скользили над озером, скрывались иногда за облаками пара. Она сказала из темноты: — осторожнее, — и появилась на узкой, крутой арке древнего моста. Лось почувствовал, как под ногами дрожит мостовой свод, но он глядел только на легкий плащ, скользящий в полумраке.

Становилось светлее. Заблестели над головой кристаллы. Пещера окончилась колоннадой из низких, каменных столбов. За ними была видна

залитая вечерним солнцем, перспектива скалистых вершин и горных цирков Лизиазиры.

По ту сторону колоннады лежала широкая терраса, покрытая ржавым мхом. Ее края обрывались отвесно. Едва заметные лесенки и тропинки вели наверх, в пещерный город. Посреди террасы лежал, до половины ушедший в почву, покрытый мхами, Священный Порог. Это был большой, из массивного золота, саркофаг. Грубые изображения зверей и птиц покрывали его с четырех сторон. Наверху покоилось изображение спящего марсианина, — одна рука его обвивала голову, в другой прижата к груди улла. Остатки рухнувшей колоннады окружали эту удивительную скульптуру.

Аэлита опустилась на колени перед порогом и поцеловала в сердце изображение спящего. Когда она поднялась — ее лицо было задумчивое и кроткое. Иха тоже присела у ног спящего, обхватила их, прижалась лицом.

С левой стороны, в скале, среди полустертых надписей виднелась треугольная, золотая дверца. Лось разгреб мхи и с трудом отворил ее. Это было древнее жилище хранителя Порога — темная пещерка с каменными скамьями, очагом, высеченным в граните ложем. Сюда внесли корзины.

Иха покрыла пол циновкой, постлала постель для Аэлиты, налила масла в висевшую под потолком светильню и зажгла ее. Мальчик-механик ушел наверх — сторожить крылатую лодку.

Аэлита и Лось сидели на краю обрыва. Солнце уходило за острые вершины. Резкие, длинные тени потянулись от гор, ломались в прорывах ущелий. Мрачно, бесплодно, дико было в этом краю, где некогда спасались от людей древние Аолы.

— Когда-то горы были покрыты растительностью, — сказала Аэлита, — здесь паслись стада хашей, в ущельях шумели водопады. Тума умирает. Смыкается круг долгих, долгих тысячелетий. Быть может, мы — последние: уйдем и тума опустеет. Так говорит мой учитель.

Аэлита помолчала. Солнце закатилось невдалеке за драконий хребет скал. Яростная кровь заката полилась в высоту, в лиловую тьму.

— Но сердце мое говорит иное, — Аэлита поднялась и пошла вдоль обрыва, поднимая клочки сухого мха, веточки мертвых кустов. Собрав их в подол плаща, она вернулась к Лосю, сложила костер, принесла из пещеры светильню и, опустившись на колени, подожгла травы. Костер затрещал, разгораясь.

Тогда Аэлита вынула из-под плаща маленькую уллу и, сидя, опираясь локтем о поднятое колено, тронула струны. Они нежно, как пчелы, зазвенели. Аэлита подняла голову к проступающим во тьме ночи звездам и запела негромким, низким, печальным голосом:

Собери сухие травы, помет животных и обломки ветвей,

Сложи их прилежно.

Ударь камнем в железо, — женщина, водительница двух душ.

Высеки искру, — и запылает костер.

Сядь у огня, протяни руки к пламени.

Муж твой сидит по другую сторону пляшущих языков.

Сквозь струи уходящего к звездам дыма

Глаза мужчины глядят в темноту твоего чрева, в дно души.

Его глаза ярче звезд, горячей огня, смелее фосфорических глаз ча.

Знай, — потухшим углем станет солнце, укатятся звезды с неба,

погаснет злой Талцетл над миром, —

Но ты, женщина, сидишь у огня бессмертия, протянув к нему руки,

И слушаешь голоса ждущих пробуждения к жизни, —

Голоса во тьме твоего чрева.

.....

Костер догорал. Опустив уллу на колени, Аэлита глядела на угли, — они озаряли красноватым жаром ее лицо.

— По древнему обычаю, — сказала она почти сурово, — женщина, спевшая мужчине песню уллы — становится его женой.

ЛОСЬ ЛЕТИТ НА ПОМОЩЬ ГУСЕВУ

В полночь Лось выскочил из лодки на дворе тускубовой усадьбы. Окна дома были темны, — значит Гусев еще не вернулся. Покатая стена освещена звездами, голубоватые искры их поблескивали в черноте стекол. Из-за зубцов крыши торчала острым углом странная тень. Лось вглядывался, — что бы это могло быть? Мальчик-механик наклонился к нему и шепнул опасливо:

— Не ходите туда.

Лось вытащил из кобуры маузер. Втянул ноздрями холодноватый воздух. В памяти встал огонь костра над пропастью, запах горящих трав. Печальные, одичавшие глаза Аэлиты... "Вернешься?" — спросила она, стоя над огнем. "Исполни долг, борись, победи, но не забывай, — все это лишь сон, все тени... Здесь, у огня — ты жив, ты не умрешь. Не забывай, вернись"... Она подошла близко. Ее глаза у самых его глаз раскрывались в бездонную ночь, полную звездной пыли: "Вернись, вернись ко мне, сын неба"...

Воспоминание обожгло и погасло, — длилось всего секунду, покуда Лось расстегивал кобур револьвера. Вглядываясь в странную тень по ту

сторону дома, над крышей, — Лось чувствовал, как мышцы его напрягаются, горячая кровь сотрясает сердце, — "борьба, борьба".

Легко, прыжками, он побежал к дому. Прислушался, скользнул вдоль боковой стены и заглянул за угол.

Близ лестницы черного входа лежал, завалившись на бок, разбитый корабль. Одно его крыло поднималось над крышей к звездам... Лось различил два, затем — третий и четвертый, валяющиеся на траве мешки, — это были трупы. В дому — темнота, тишина.

"Неужели — Гусев?" Лось, не прикрываясь, подбежал к убитым: — "Нет — марсиане". Пятый лежал вниз головой на ступенях. — Шестой висел среди обломков корабля. Видимо, — были убиты выстрелами из дома.

Лось взбежал на лестницу. Дверь была приоткрыта. Он вошел в дом.

— Алексей Иванович, — позвал Лось. Было тихо. Он включил освещение, — вспыхнул огнями весь дом. Подумал: — "неосторожно", — и сейчас же забыл об этом. Проходя под арками — поскользнулся в липкую, темную лужицу.

— Алексей Иванович! — закричал Лось. Прислушался — тишина. Тогда он прошел в узкое

зальце с туманным зеркалом, сел в кресло, захватил ногтями подбородок:

"Ждать его здесь? Бессмысленно. Лететь на помощь? Но куда? Чей это разбитый корабль? Мертвые не похожи на солдат, — скорее всего — рабочие. Кто здесь дрался? Гусев? — люди Тускуба? — Лось откусил ноготь. — Да. Медлить нельзя".

Он взял цифровую доску и включил зеркало: — "Площадь Дома Совета. — Дернул за шнур, и сейчас же грохотом отшвырнуло его от зеркала: там в красноватом сиянии фонарей, летели клубы дыма, чиркали огненные вспышки, искры. Вот, влетела, раскинув руки, в зеркало чья-то фигура, с залитыми кровью глазами.

Лось дернул шнур. Отвернулся от экрана.

"Неужели не даст знать — где искать его в этой каше?"

Лось заложил руки за спину и ходил, ходил по узкому зальцу. Вздрогнул, остановился, живо обернулся, щелкнул предохранителем маузера. Из-за двери, у самого пола, высовывалась голова, — красные вихры, красное морщинистое лицо.

Лось подскочил к двери. По ту ее сторону лежал у стены в луже крови — марсианин. Лось взял

его на руки, понес и положил в кресло. У него был разодран живот. Облизнув губы, марсианин проговорил едва слышно:

— Спеши, мы погибаем. Сын неба, спаси нас… Разожми мне руку…

Лось разжал коченеющий кулачек умирающего, отодрал от ладони записочку. С трудом разобрал:

"Посылаю за вами военный корабль и семь человек рабочих, — ребята надежные. Я осаждаю Дом Совета. Спускайтесь рядом на площади, где башня. Гусев".

Лось нагнулся к раненому — спросить, что здесь произошло? Но марсианин хрипел, дергаясь в кресле. Тогда Лось взял в ладони его голову, прижал к груди. Марсианин перестал хрипеть. Глаза его выкатились на сына неба. Ужас, блаженство осветило их: "Спаси"… Глаза подернулись пылью, оскалился рот.

Лось застегнул куртку, обмотал шею шарфом. Пошел к выходу. Но едва отворил дверь, впереди, из-за остова корабля, метнулись синеватые искорки, раздался слабый, режущий треск. Пулей сорвало шлем с головы Лося.

Стиснув зубы, Лось кинулся вниз по лестнице, подскочил к кораблю, навалился плечом, —

мускулы хрустнули, — и он опрокинул остов корабля на тех, кто таились позади него в засаде.

Раздался треск ломающегося металла, птичьи крики марсиан, огромное крыло мотнулось по воздуху и пришлепнуло уползавших из-под обломков. Все же пригибающиеся фигуры побежали зигзагами по туманной лужайке. Лось одним прыжком догнал их, выстрелил. Грохот маузера был ужасен. Ближайший марсианин ткнулся в траву. Другой бросил ружье, присел, закрыл лицо руками.

Лось взял его за воротник серебристой куртки, и поднял, как щенка. Это был солдат. Лось спросил:

— Ты послан Тускубом?

— Да, сын неба.

— Я тебя убью.

— Хорошо, сын неба.

— На чем вы прилетели? Где корабль?

Вися перед страшным лицом сына неба, марсианин расширенными от ужаса глазами указал на деревья, в тени их стояла небольшая, военная лодка.

— Ты видел в городе сына неба? Ты можешь его найти?

— Да.

— Вези.

Лось вскочил в военную лодку. Марсианин сел к рулям. Взвыли винты. Ночной ветер кинулся навстречу. Закачались в черной высоте огромные, дикие звезды. В ушах пело:

"К тебе, к тебе, через огонь и борьбу, мимо звезд, мимо смерти, к тебе, любовь".

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУСЕВА ЗА ИСТЕКШИЙ ДЕНЬ

В десять часов утра Гусев вылетел из тускубовой усадьбы в Соацеру, имея на борту лодки — авиационную карту, оружие, довольствие и шесть штук ручных гранат, — их он, тайно от Лося, захватил еще в Петербурге.

В полдень Гусев увидел внизу Соацеру. Центральные улицы были пустынны. У дома Совета Инженеров на огромной, звездообразной площади стояли военные корабли и войска, — тремя концентрическими полукругами.

Гусев стал снижаться. И вот, его, очевидно, заметили. С площади снялся шестикрылый, сверкающий, военный корабль, — трепеща в лучах солнца, взвился отвесно. Вдоль бортов его стояли серебристые фигурки. Гусев описал над кораблем круг. Осторожно вытащил из мешка гранату.

На корабле завертелись цветные колеса, зашевелились проволочные волосы на мачте.

Гусев перегнулся из лодки и погрозил кулаком. На корабле раздался слабый крик. Серебристые фигурки подняли коротенькие ружья. Вылетели

желтенькие дымки. Запели пули. Отлетел кусок борта у лодки.

Гусев выругался веселым матом. Поднял рули. Кинулся вниз на корабль. Пролетая вихрем над ним, бросил гранату. Он услышал, как позади громыхнул оглушительный взрыв. Выправил рули и обернулся. Корабль неряшливо перевертывался в воздухе, дымя и разваливаясь, и рухнул на крыши.

С этого тогда все началось.

Пролетая над городом, Гусев узнавал, виденные им в зеркале, площади, правительственные здания, арсенал, рабочие кварталы. У длинной, фабричной стены волновалась, точно потревоженный муравейник, многотысячная толпа марсиан. Гусев снизился. Толпа шарахнулась в сторону. Он сел на очищенное место, скаля зубы.

Его узнали. Поднялись тысячи рук, заревели глотки: — "Магацитл, Магацитл!". Толпа робко стала придвигаться. Он видел дрожащие лица, умоляющие глаза, полные слез, красные, как редиски, облезлые черепа. Это все были — рабочие, чернь, беднота.

Гусев вылез из лодки, вскинул на плечо мешок, широко провел рукой по воздуху:

— С приветом, товарищи! — Стало тихо, как

во сне. Гусев казался великаном среди щуплого этого народца. — Разговаривать здесь собрались, товарищи, или воевать? Если разговаривать — мне некогда, прощайте.

По толпе пролетел тяжкий вздох. Отчаянными голосами крикнули несколько марсиан и толпа подхватила их крики:

— Спаси, спаси, спаси нас, сын неба!

— Значит воевать хотите? — сказал Гусев и рявкнул хриплой глоткой. — Бой начался. Сейчас на меня напал военный корабль. Я сбил его к чертям. К оружию, за мной! — Он схватил воздух точно уздечку.

Сквозь толпу протискался Гор (Гусев его сразу узнал). Гор был серый от волнения, губы прыгали. Вцепился пальцами в грудь Гусеву:

— Что вы говорите? Куда вы нас зовете? Нас уничтожат. У нас нет оружия. Нужны иные средства борьбы…

Гусев отодрал от себя его руки:

— Главное оружие — решиться. Кто решился — у того и власть. Не для того я с земли летел, чтобы здесь меня, как муху, застукали… Для того я с земли летел, чтобы научить вас решиться. Мохом обросли, товарищи марсиане. Кому умирать не страшно — за мной. Где у вас арсенал? За

оружием. Все за мной в арсенал!..

— Айяй! — завизжали марсиане. Началась давка. Гор протянул руки к толпе. Схватился за лицо.

Так началось восстание. Вождь нашелся. Головы пошли кругом. Невозможное показалось возможным. Гор, медленно и научно подготовлявший восстание, и даже после вчерашнего медливший и не решавшийся, — вдруг точно проснулся. Он произнес двенадцать бешеных речей, переданных в рабочие кварталы туманными зеркалами. Сорок тысяч марсиан стали подтягиваться к арсеналу. Гусев разбил наступавших на небольшие кучки, и они перебегали под прикрытием домов, памятников, деревьев. Он распорядился поставить у всех контрольных экранов, по которым правительство следило за движением в городе, женщин и детей и велел им вяло, совсем вяло ругать Тускуба. Эта азиатская хитрость усыпила на некоторое время бдительность правительства.

Гусев боялся воздушной атаки военных кораблей. Чтобы хоть не надолго отвлечь внимание, он послал пять тысяч безоружных марсиан в центр города: — кричать, просить теплой одежды, хлеба и хавры. Он сказал им:

— Никто из вас оттуда живым не вернется. Это вы помните. Идите.

Пять тысяч марсиан одною глоткой закричали: — Айяй! — Развернули огромные зонтики с надписями и пошли умирать, запели унылым воем старую, запретную песню:

Под стеклянными крышами,
Под железными арками,
В каменном горшке
Дымится хавра.
Нам весело, весело.
Дайте-ка нам в руки каменный горшок!
Айяй! Мы не вернемся
В шахты, в каменоломни.
Мы не вернемся
В страшные, мертвые коридоры.
К машинам, машинам.
Жить мы хотим. Айяй! Жить!
Дайте-ка нам в руки каменный горшок!

Крутя огромные зонтики, со страшной песней они скрылись в узких улицах.

Арсенал, низкое, квадратное здание, в старой части города, охранялось небольшой воинской

частью. Солдаты стояли полукругом на площади перед окованными бронзой воротами, прикрывая две странные машины из проволочных спиралей, дисков и шаров (такую штуку Гусев видел в заброшенном доме). По множеству кривых переулочков наступающие подошли и обложили арсенал: стены его были отвесны и прочны.

Выглядывая из-за углов, перебегая за деревьями, Гусев осмотрел позицию, — ясно: арсенал надо было брать в лоб, в ворота. Гусев велел выворотить в одном из под'ездов бронзовую дверь и обмотать ее веревками. Наступающим приказал кидаться лавой, визжать, — айяй, — как можно страшнее.

Солдаты, охранявшие ворота, спокойно поглядывали на суету в переулочках, лишь машины были выдвинуты вперед и по их спиралям затрещал лиловатый свет. Указывая на них, марсиане жмурились и тихо свистали, — "бойся их, сын неба". Времени терять было нельзя.

Гусев расставил ноги, взялся за веревки и поднял бронзовую дверь, — была тяжела, но ничего, — нести можно. Так он прошел под прикрытием домовой стены до края площади, откуда — рукой подать до ворот. Шопотом приказал своим: "Готовься". Вытер рукавом лоб, подумал:

"Эх, рассердиться бы сейчас". Поднял дверь, прикрылся ею:

— Даешь арсенал... Даешь, тудыть твою в душу, арсенал! — заорал он не своим голосом и тяжело побежал по площади к солдатам. Булькнуло несколько выстрелов, режущими разрывами ударило в дверь. Гусев зашатался. Рассердился в серьез и побежал шибче, ругаясь скверными словами. А уже вокруг завыли, завизжали марсиане, посыпались изо всех углов, под'ездов, из-за деревьев. В воздухе разорвался громовой шар. Но хлынувшие потоки наступающих смяли и солдат и страшные машины.

Гусев, ругаясь, добежал до ворот, и ударил в замок углом бронзовой двери. Ворота затрещали и распались. Гусев вбежал на квадратный двор, где рядами стояли военные, крылатые корабли.

Арсенал был взят. Сорок тысяч марсиан получили оружие. Гусев соединился по зеркальному телефону с Домом Совета Инженеров и потребовал выдачи Тускуба.

В ответ на это правительство послало воздушную эскадрилью — атаковать арсенал. Гусев вылетел ей навстречу со всем флотом. Корабли правительства бежали. Их догнали, окружили и уничтожили над развалинами древней Соацеры.

Корабли падали с неба к ногам гигантской статуи Магацитла, улыбающегося с закрытыми глазами. Свет заката мерцал на его чешуйчатом шлеме.

Небо было во власти восставших. Правительство стягивало полицейские войска к Дому Совета. На крыше его были поставлены машины, посылающие огненные ядра, — круглые молнии. Часть повстанческого флота была ими сбита с неба.

К ночи Гусев осадил площадь Дома Советов, и стал строить баррикады в улицах, разбегающихся звездою от площади. "Научу я вас революции устраивать, черти кирпичные", — говорил Гусев, показывая, как нужно выворачивать плиты из мостовой, валить деревья, срывать двери, набивать рубашки песком.

Насупротив Дома Советов поставили две захваченные в арсенале машины и стали бить из них огненными ядрами по войскам. Но правительство закутало площадь магнитным полем.

Тогда Гусев произнес последнюю за этот день речь, очень короткую, но выразительную, влез на баррикаду и швырнул, одну за другой, три ручных гранаты. Сила их взрыва была ужасна, — метнулись три снопа пламени, полетели в воздух камни, солдаты, куски машин, площадь закута-

лась пылью и едким дымом. Марсиане завыли и пошли на приступ.

(Это была, именно, та минута, когда Лось взглянул в туманное зеркало в тускубовой усадьбе). Правительство сняло магнитное поле, и с обеих сторон запрыгали над площадью, над дерущимися, затанцевали огненные мячики, лопаясь ручьями синеватого пламени. От грохота дрожали мрачные, пирамидальные дома.

Бой продолжался недолго. По площади, покрытой трупами, Гусев ворвался, во главе отборного отряда, в Дом Советов. Дом был пуст. Тускуб и все инженеры бежали.

ПОВОРОТ СОБЫТИЙ

Войска повстанцев заняли все важнейшие пункты города, указанные Гором. Ночь была прохладная. Марсиане мерзли на постах. Гусев распорядился зажечь костры. Это показалось неслыханным: — вот уже тысячу лет в городе не зажигалось огня, — о пляшущем пламени пелось лишь в древней песне.

Перед Домом Совета Гусев сам зажег первый костер из обломков мебели. "Улла, улла", — тихими голосами завыли марсиане, окружив огонь. И вот, костры запылали на всех площадях. Красноватый свет оживил колеблющимися тенями покатые стены домов, мерцал в окнах.

За окнами появились голубоватые лица, — тревожно, в тоске, всматривались они в невиданные огни, в мрачные, оборванные фигуры повстанцев. Многие из домов опустели этой ночью.

Было тихо в городе. Только потрескивали костры, звенело оружие, — словно возвратились на пути свои тысячелетия, снова начался томительный их полет. Даже мохнатые звезды над улицами, над кострами казались иными, — невольно сидящий у огня поднимал голову и

всматривался в забытый, словно оживший их рисунок.

Гусев облетал на крылатом седле расположения войск. Он падал из звездной темноты на площадь и ходил по ней, бросая гигантскую тень. Он казался истинным сыном неба, истуканом, сошедшим с каменного цоколя. "Магацитл, Магацитл", — в суеверном ужасе шептали марсиане. Многие впервые видели его и подползали, чтобы коснуться. Иные плакали детскими голосами: — "Теперь мы не умрем… Мы станем счастливы… Сын неба принес нам жизнь".

Худые тела, прикрытые пыльной, однообразной для всех, одеждой, морщинистые, востроносенькие, дряблые лица, печальные глаза, веками приученные к мельканию колес, к сумраку шахт, тощие руки, неумелые в движениях радости и смелости, — руки, лица, глаза с искрами костров — тянулись к сыну неба.

— Не робей, не робей, ребята. Гляди веселей, — говорил им Гусев, — нет такого закону, чтобы страдать безвинно до скончания века, — не робей. Одолеем — заживем не плохо.

Поздно ночью Гусев вернулся в Дом Совета, — продрог и был голоден. В сводчатом зальце, под низкими золотыми арками, спали на полу,

посапывая, десятка два марсиан, увешанные оружием. Зеркальный пол был заплеван жеваной хаврой. Посреди зальца на патронных жестянках сидел Гор и писал при свете электрического фонарика. На столе валялись открытые банки консервов, фляжки, корки хлеба.

Гусев присел на угол стола и стал есть — жадно, вытер руку о штаны, хлебнул из фляжки, крякнул, — сказал простуженным басом:

— Положение скверное.

Гор поднял на него покрасневшие глаза, оглядел окровавленную тряпку, обмотанную вокруг головы Гусева, его крепко жующее, скуластое лицо, — усы торчком, раздутые ноздри.

— Не могу добиться, — куда, к дьяволу, девались правительственные войска, — сказал Гусев, — валяется на площади ихних сотни три, а войск было не меньше пятнадцати тысяч. Провалились. Попрятаться не могли, — не иголка. Если бы прорвались, — я бы знал. Скверное положение. Каждую минуту неприятель может в тылу очутиться.

— Тускуб, правительство, остатки войск и часть населения ушли в лабиринты царицы Магр под город, — сказал Гор.

Гусев соскочил со стола:

— Почему же вы молчите?

— Преследовать Тускуба бесполезно. Сядьте и ешьте, сын неба. — Гор, морщась, достал из-под одежды красноватую, как перец, пачку сухой хавры, засунул ее за щеку, и медленно жевал. Глаза его покрылись влагой, потемнели, морщины разошлись. — Несколько тысячелетий тому назад мы не строили больших домов, мы не могли их отапливать, — электричество было нам неизвестно. В зимние стужи население уходило под поверхность марса, на большую глубину. Огромные залы, приспособленные из прорытых водою пещер, колоннады, тоннели, коридоры — согревались внутренним жаром планеты. В жерлах вулканов жар был настолько велик, что мы воспользовались им для добывания пара. До сих пор на некоторых островах еще работают неуклюжие, паровые машины тех времен. Тоннели, соединяющие подпочвенные города, тянутся почти подо всей планетой. Искать Тускуба в этом лабиринте бессмысленно. Он один знает планы и тайники Лабиринта царицы Магр, — "Повелительницы двух Миров", владевшей некогда всем марсом. Из-под Соацеры сеть тоннелей ведет к пятистам живым городам и к более тысячи мертвым, вымершим. Там, повсюду, склады оружия,

гавани воздушных кораблей. Наши силы разбросаны, мы плохо вооружены. У Тускуба — армия, на его стороне — владельцы сельских поместий, плантаторы хавры, и все те, кто тридцать лет тому назад, после опустошительной войны, стали собственниками городских домов. Тускуб умен и вероломен. Он нарочно вызвал все эти события, — чтобы навсегда раздавить остатки сопротивления… Ах, золотой век!.. Золотой век!..

Гор замотал одурманенной головой. На щеках его выступили лиловые пятна. Хавра сильно начинала действовать на него.

— Тускуб мечтает о золотом веке: — открыть последнюю эпоху Марса — золотой век. Избранные войдут в него, только достойные блаженства. Равенство недостижимо, равенства нет. Всеобщее счастье — бред сумасшедших, пьяных хаврой. Тускуб сказал: — жажда равенства и всеобщая справедливость — разрушают высшие достижения цивилизации. — На губах у Гора показалась красноватая пена. — Итти назад, к неравенству, к совершенной несправедливости! Пусть на нас кинутся, как ихи, — минувшие века. Заковать рабов, приковать к машинам, к станкам, в шахтах… Пусть — полнота скорби. И у блаженных — полнота счастья… Вот — золотой век. Скрежет

зубов и мрак. И высшее наслаждение, упоение. Будь прокляты отец мой и мать! Родиться на свет! Будь прокляты!

Гусев глядел на него, шибко жевал папироску:

— Ну, я вам скажу, — вы дожили здесь…

Гор долго молчал, согнувшись на патронных жестянках, как древний, древний старик.

— Да, сын неба. Мы, населяющие древнюю Туму, не разрешили загадки. Сегодня я видел вас в бою. В вас огнем пляшет веселье. Вы мечтательны, страстны и беспечны. Вам, сынам земли, когда-нибудь разгадать загадку. Но мы — стары. В нас пепел. Мы упустили свой час.

Гусев подтянул кушак:

— Ну, хорошо. Завтра предполагаете что делать?

— На утро нужно отыскать по зеркальному телефону Тускуба и войти с ним в переговоры о взаимных уступках…

— Вы, товарищ, целый час чепуху несете, — перебил Гусев, — вот вам диспозиция на завтра: вы об'явите всему Марсу, что власть перешла к нам. Требуйте безусловного подчинения. А я подберу молодцов и со всем флотом двину прямо на полюсы, захвачу электромагнитные станции. Немедленно начну телеграфировать земле, в

Москву, чтобы слали нам подкрепление как можно скорее. В полгода они аппараты построят, а лететь всего…

…Гусев пошатнулся и тяжело сел на стол. Весь дом дрожал. Из темноты сводов посыпались лепные украшения. Спавшие на полу марсиане вскочили, озираясь. Новая, еще более сильная, дрожь потрясла дом. Зазвенели разбитые стекла. Распахнулись двери. Низкий, усиливающийся раскатами, грохот наполнил зал. Раздались крики на площади, выстрелы.

Марсиане, кинувшиеся к дверям, — попятились, раздались. Вошел сын неба, Лось. Трудно было узнать его лицо: — огромные глаза ввалились, — были темны, странный свет шел из его глаз. Марсиане пятились от него, садились на корточки. Белые волосы его стояли дыбом.

— Город окружен, — сказал Лось громко и твердо, — небо полно огнями кораблей. Тускуб взрывает рабочие кварталы.

КОНТР-АТАКА

Лось и Гор выходили в эту минуту на лестницу дома, под колоннаду: раздался второй взрыв. Синеватым веером взлетело пламя в северной стороне города. Отчетливо стали видны вздымающиеся клубы дыма и пепла. Вслед грохоту — пронесся вихрь. Багровое зарево ползло на полнеба.

Теперь ни одного крика не раздалось на звездообразной площади, полной войск. Марсиане молча глядели на зарево. Рассыпались в прах их жилища, их семьи. Улетали надежды клубами черного дыма.

Гусев, после короткого совещания с Лосем и Гором, распорядился приготовить воздушный флот к бою. Все корабли были в арсенале. Лишь пять этих огромных стрекоз лежало на площади. Гусев послал их в разведку. Корабли взвились, — блеснули огнем их крылья.

Из арсенала ответили, что приказание получено и посадка войск на корабли началась. Прошло неопределенно много времени. Дымное зарево разгоралось. Было зловеще и тихо в городе. Гусев поминутно посылал марсиан к зеркальному теле-

фону торопить посадку. Сам он огромной тенью мотался по площади, хрипло кричал, строя беспорядочные скопления войск в колонны. Подходя к лестнице, ощеривался, — усы вставали дыбом:

— Да скажите вы им в арсенале, — следовало непонятное Гору выражение, — скорее, скорее…

Гор ушел к телефону. Наконец, была получена телефонограмма, что посадка окончена, корабли снимаются. Действительно, невысоко над городом, в густом зареве, появились парящие стрекозы. — Гусев, расставив ноги, задрав голову, с удовольствием глядел на эти журавлиные линии. В это время раздался третий, наиболее сильный, взрыв.

Мечи синеватого пламени пронизали путь кораблям, — они взлетели, закружились и исчезли. На месте их поднялись снопы праха, клубы дыма.

Между колонн появился Гор. Голова его ушла в плечи. Лицо дрожало, рот растянулся. Когда утих грохот взрыва, Гор сказал:

— Взорван арсенал. Флот погиб.

Гусев сухо крякнул, — стал грызть усы. Лось стоял, прижавшись затылком к колонне, глядел на зарево. Гор поднялся на цыпочках к его остекляневшим глазам:

— Нехорошо будет тем, кто останется сегодня в живых. Но мы, мы — виноваты? Сын неба, — мы виноваты?

Лось не ответил. Гусев упрямо мотнул головой и сбежал на площадь. Раздалась его команда. И вот, колонна за колонной пошли марсиане в глубину улиц, на баррикады. Крылатая тень Гусева пролетела в седле над площадью, крича сверху:

— Живей, живей поворачивайся, черти дохлые!

Площадь опустела. Огромный сектор пожарища освещал теперь приближающиеся с противоположной стороны линии стрекоз: они взлетали волна за волной из-за горизонта и плыли над городом. Это были корабли Тускуба.

Гор сказал:

— Бегите, сын неба, вы еще можете спастись.

Лось только пожал плечом. Корабли приближались, снижались. Навстречу им из темноты улиц взвился огненный шар, — второй, третий. Это стреляли круглыми молниями машины повстанцев. Вереницы крылатых галер описывали круг над площадью и, разделяясь, плыли над улицами, над крышами. Непереставаемые вспышки выстрелов озаряли их борта. Одна галера перевернулась и, падая, застряла изломанными

крыльями между крыш. Иные садились на углах площади, высаживали солдат в серебристых куртках. Солдаты бежали в улицы. Началась стрельба из окон, из-за углов. Летели камни. Кораблей налетало все больше, непереставая скользили багровые тени по площади.

Лось увидел, — невдалеке, на уступчатой террасе дома, поднялась плечистая фигура Гусева. Пять-шесть кораблей сейчас же повернули в его сторону. Он поднял над головой огромный камень и швырнул его в ближайшую из галер. Сейчас же сверкающие крылья закрыли его со всех сторон.

Тогда Лось побежал туда через площадь, — почти летел, как во сне. Над ним, сердито ревя винтами, треща, озаряясь вспышками, закружились корабли. Он стиснул зубы, глаза пронзительно, зорко отмечали каждую мелочь.

Несколькими прыжками Лось миновал площадь, и снова увидал на террасе углового дома — Гусева. Он был облеплен лезущими на него со всех сторон марсианами, — ворочался, как медведь, под этой живой кучей, расшвыривал ее, молотил кулаками. Оторвал одного от горла, швырнул в воздух, и пошел по террасе, волоча их всех за собой. И упал.

Лось закричал громким голосом. Цепляясь за выступы домов, поднялся на террасу. Снова из кучи визжащих тел появилась выпученная, с разбитым ртом, голова Гусева. Несколько солдат вцепились в Лося. С омерзением он отшвырнул их, кинулся к ворочающейся куче и стал раскидывать солдат, — они летели через балюстраду, как щенки. Терраса опустела. Гусев силился подняться, — голова его моталась. Лось взял его на руки, — он был не тяжелее годовалого ребенка, — вскочил в раскрытую дверь, — и положил Гусева на ковер в низенькой комнате, освещенной заревом.

Гусев хрипел. Лось вернулся к двери. Мимо террасы проплывали корабли, проплывали высматривающие востроносые лица. Надо было ожидать нападения.

— Мстислав Сергеевич, — позвал Гусев; он теперь сидел, трогая голову, и плюнул кровью, — всех наших побили… Мстислав Сергеевич, что же это такое?.. Как налетели, налетели, начали косить… Кто убитый, кто попрятался. Один я остался… Ах, жалость!..

Он поднялся, дуром ткнулся по комнате, шатаясь остановился перед бронзовой статуей, видимо, какого-то знаменитого марсианина. —

Ну, погоди! — схватил статую и кинулся к двери.

— Алексей Иванович, зачем?

— Не могу. Пусти.

Он появился на террасе. Из-за крыльев проплывавшего мимо корабля блеснули выстрелы. Затем, раздался удар, треск. — Ага! — закричал Гусев. Лось втащил его в комнату, захлопнул дверь.

— Алексей Иванович, поймите — мы разбиты, все кончено. Нужно спасать Аэлиту.

— Да что вы ко мне с бабой вашей лезете!..

Он быстро присел, схватился за лицо, засопел, топнул ногой, и точно доску внутри его стали разрывать:

— Ну и пусть кожу с меня дерут. Неправильно все на свете. Неправильная эта планета, будь она проклята! "Спаси, говорят, спаси нас"... Цепляются... "Нам говорят, хоть бы как-нибудь да пожить. Пожить!.." Что же я могу... Вот — кровь свою пролил. Задавили. Мстислав Сергеевич, ну ведь сукин же я сын, — не могу я этого видеть... Зубами мучителей разорву...

Он опять засопел и пошел к двери. Лось взял его за плечи, встряхнул, твердо взглянул в глаза:

— То, что произошло — кошмар и бред. Идем. Может быть, мы пробьемся. Домой, на землю.

Гусев мазнул кровь и грязь по лицу:

— Идем!

Они вышли из комнаты на кольцеобразную площадку, висящую над широким колодцем. Винтовая лесенка спиралью уходила вниз по внутреннему его краю. Тусклый свет зарева проникал сквозь стеклянную крышу в эту головокружительную глубину.

Лось и Гусев стали спускаться по узкой лесенке, — там внизу было тихо. Но наверху все сильнее трещали выстрелы, скрипели, задевая о крышу, днища кораблей. Видимо, началась атака на последнее прибежище сынов неба.

Лось и Гусев бежали по бесконечным спиралям. Свет тускнел. И вот они различили внизу маленькую фигурку. Она едва ползла навстречу. Остановилась, слабо крикнула:

— Они сейчас ворвутся. Спешите. Внизу — ход в лабиринт.

Это был Гор, раненый в голову. Облизывая губы, он сказал:

— Идите большими тоннелями. Следите за знаками на стенах. Прощайте. Если вернетесь на землю — расскажите о нас. Быть может, вы на земле будете счастливы. А нам — ледяные пустыни, смерть, тоска… Ах, мы упустили час… Нужно было свирепо и властно, властно и милосердно

любить жизнь…

Внизу послышался шум. Гусев побежал вниз. Лось хотел было увлечь за собой Гора, но марсианин стиснул зубы, вцепился в перила:

— Идите. Я хочу умереть.

Лось догнал Гусева. Они миновали последнюю кольцеобразную площадку. От нее лесенка круто опускалась на дно колодца. Здесь они увидели большую, каменную плиту с ввернутым кольцом, — с трудом приподняли ее: — из темного отверстия подул сухой ветер.

Гусев соскользнул вниз первым. Лось, задвигая за собой плиту, увидел, как на кольцеобразной площадке появились едва различаемые в красном сумраке фигуры солдат. Они побежали вверх по винтовой лестнице. Гор протянул им руки, и упал под ударами.

ЛАБИРИНТ ЦАРИЦЫ МАГР

Лось и Гусев, протянув руки, осторожно двигались в затхлой и душной темноте.

— Заворачиваем.

— Узко?

— Широко, руки не достают.

— Опять какие-то колонны.

Не менее трех часов прошло с тех пор, когда они спустились в лабиринт. Спички были израсходованы. Фонарик Гусев обронил еще во время драки. Они двигались в непроглядной немой тьме.

Тоннели бесконечно разветвлялись, скрещивались, уходили в глубину. Слышался иногда четкий, однообразный шум падающих капель. Расширенные глаза различали неясные, сероватые очертания, — но эти зыбкие пятна были лишь галлюцинациями темноты.

— Стой.

— Что?

— Дна нет.

Они стали, прислушиваясь. В лицо им тянул слабый, сухой ветерок. Издалека, словно из глубины доносились какие-то вздохи, — вдыхание и выдыхание. Неясной тревогой они чувствовали,

что перед ними — пустая глубина. Гусев пошарил под ногами камень и бросил его в темноту. Спустя много секунд донесся слабый звук падения.

— Провал.

— А что это дышит?

— Не знаю.

Они повернули и встретили стену. Шарили направо, налево, — ладони скользили по обсыпающимся трещинам, по выступам сводов. Край невидимой пропасти был совсем близко от стены, — то справа, то слева, то опять справа. Они поняли, что закружились и не найти прохода, по которому вышли на этот узкий карниз.

Они прислонились рядом, плечо к плечу, к шершавой стене. Стояли, слушая усыпительные вздохи из глубины.

— Конец, Алексей Иванович?

— Да, Мстислав Сергеевич, видимо — конец.

После молчания Лось спросил странным голосом, негромко:

— Сейчас — ничего не видите?

— Нет.

— Налево, далеко.

— Нет, нет.

Лось прошептал что-то про себя, переступил с ноги на ногу.

— Все потому, что уперлись лбом в смерть, — сказал он, — ни уйти от нее, ни понять ее, ни преодолеть.

— Вы про кого это?

— Про них. Да и про нас.

Гусев тоже переступил, вздохнул.

— Вон она, слышите, дышит.

— Кто, — смерть?

— Чорт ее знает кто. Конечно — смерть. — Гусев заговорил словно в раздумьи. — Я об ней много думал, Мстислав Сергеевич. Лежишь в поле с винтовкой, дождик, темно, почти что, как здесь. О чем ни думай — все к смерти вернешься. И видишь себя, — валяешься ты оскаленный, окоченелый, как обозная лошадь с боку дороги. Не знаю я, что будет после смерти, — этого не знаю. Это — особенное. Но мне здесь, покуда я живой, нужно знать: падаль я лошадиная, или я человек? Или это все равно? Или это не все равно? Когда буду умирать — глаза закачу, зубы стисну, судорогой сломает, — кончился... в эту минуту — весь свет, все, что я моими глазами видел — перевернется или не перевернется? Вот что страшно, — валяюсь я мертвый, оскаленный, — это я-то, ведь я себя с трех лет помню, и меня — нет, а все на свете продолжает итти своим порядком? Это

непонятно. Неправильно. Должно все перевернуться, если я умер. С 914 людей убиваем и мы привыкли, — что такое человек? приложился в него из винтовки, вот тебе и человек. Нет, Мстислав Сергеевич, это не так просто. За семь лет свет разве не перевернулся? Как шубу — кверху мехом — его вывернули. Это мы когда-нибудь заметим. Так-то. Я знаю — в смертный час мой, — небо затрещит, разорвется. Убить меня — свет пополам разодрать. Нет, я не падаль. Я ночью, раз, на возу лежал, раненый, кверху носом, — поглядываю на звезды. Тоска, тошно. Вошь, думаю, да я, — не все ли равно. Вше пить-есть хочется, и мне. Вше умирать трудно, и мне. Один конец. В это время гляжу — звезды высыпали, как просо, — осень была, август. Как задрожит у меня селезенка. Показалось мне, Мстислав Сергеевич, будто все звезды — это все — я. Все — внутри меня. Не тот я — не вошь. Нет. Как зальюсь я слезами. Что это такое? Да, смерть — дело важное. Надо по-новому жизнь переделать. Человек — не вошь. Расколоть мой череп — ужасное дело, великое покушение. А то — ядовитые газы выдумали. Жить я хочу, Мстислав Сергеевич. Не могу я в этой темноте проклятой… Что мы стоим, в самом деле?..

— Она здесь, — сказал Лось тем же странным

голосом.

В это время, издалека, по бесчисленным тоннелям пошел грохот. Задрожал карниз под ногами, дрогнула стена. Посыпались в тьму камни. Волны грохота прокатились и, уходя, затихли. Это был седьмой взрыв. Тускуб держал свое слово. По отдаленности взрыва можно было определить, что Соацера осталась далеко на западе.

Некоторое время шуршали падающие камешки. Стало тихо, еще тише. Гусев первый заметил, что прекратились вздохи в глубине. Теперь оттуда шли странные звуки, — шорох, шипение, казалось — там закипала какая-то мягкая жидкость. Гусев теперь точно обезумел, — раскинул руки по стене и побежал, вскрикивая, ругаясь, отшвыривая камни.

— Карниз кругом идет. Слышите? Должен быть выход. Чорт, голову расшиб! — Некоторое время он двигался молча, затем проговорил взволнованно, откуда-то — впереди Лося, продолжавшего неподвижно стоять у стены: — Мстислав Сергеевич… ручка… включатель.

Раздался визжащий, ржавый скрип. Ослепительный желтоватый свет вспыхнул под низким, кирпичным куполом. Ребра плоских его сводов упирались в узкое кольцо карниза, висящего над

круглой, метров десять в поперечнике, шахтой.

Гусев все еще держался за рукоятку электрического включателя. По ту сторону шахты, под аркой купола, привалился к стене Лось. Он ладонью закрыл глаза от режущего света. Затем, Гусев увидел, как Лось отнял руку и взглянул вниз, в шахту. Он низко нагнулся, вглядываясь. Рука его затрепетала, точно пальцы что-то стали встряхивать. Он поднял голову, белые его волосы стояли сиянием, глаза расширились, как от смертельного ужаса.

Гусев крикнул ему, — что? — и только тогда взглянул вглубь кирпичной шахты. Там колебалась, перекатывалась коричнево-бурая шкура. От нее шло это шипение, шуршание, усиливающийся, зловещий шорох. Шкура поднималась, вспучивалась. Вся она была покрыта обращенными к свету глазами, мохнатыми лапами…

— Смерть! — закричал Лось.

Это было огромное скопление пауков. Они видимо, плодились в теплой глубине шахты, поднимаясь и опускаясь всею массой. Теперь, потревоженные упавшими с купола кирпичами, — сердились и вспучивались, поднимались на поверхность. Вот, один из них на задранных углами лапах побежал по карнизу.

Вход на карниз был неподалеку от Лося. Гусев закричал: — Беги! — и сильным прыжком перелетел через шахту, царапнув черепом по купольному своду, — упал на корточки около Лося, схватил его за руку и потащил в проход, в тоннель. Побежали, что было силы.

Редко один от другого горели под сводами тоннеля пыльные фонари. Густая пыль лежала на полу, в щелях стен, на порогах узких дверей, ведущих в иные переходы. Гусев и Лось долго шли по этому коридору. Он окончился залой, с плоскими сводами, с низкими колоннами. Посреди стояла полуразрушенная статуя женщины с жирным и свирепым лицом. В глубине чернели отверстия жилищ. Здесь тоже лежала пыль, — на статуе царицы Магр, на ступенях, на обломках утвари.

Лось остановился, глаза его были остекляневшие, расширенные:

— Их там миллионы, — сказал он, оглянувшись, — они ждут, их час придет, они овладеют жизнью, населят Марс…

Гусев увлек его в наиболее широкий, выходящий из залы, тоннель. Фонари горели редко и тускло. Шли долго. Миновали крутой мост, переброшенный через широкую щель, — на дне ее лежали мертвые суставы гигантских машин. Да-

лее — опять потянулись пыльные, серые стены. Уныние легло на душу. Подкашивались ноги от усталости. Лось несколько раз повторил тихим голосом:

— Пустите меня, я лягу.

Сердце его переставало биться. Ужасная тоска овладевала им, — он брел, спотыкаясь, по следам Гусева, в пыли. Капли холодного пота текли по лицу. Лось заглянул туда, откуда не может быть возврата. И, все же, еще более мощная сила отвела его от той черты, и он тащился, полуживой, в пустынных, бесконечных коридорах.

Тоннель круто завернул. Гусев вскрикнул. В полукруглой рамке входа открылось их глазам кубово-синее, ослепительное небо и сияющая льдами и снегами вершина горы, — столь памятная Лосю. Они вышли из лабиринта близ тускубовой усадьбы.

ХАО

— Сын неба, сын неба, — позвал тоненький голос. Гусев и Лось подходили к усадьбе со стороны рощи. Из лазурных зарослей высунулось востроносое личико. Это был механик Аэлиты, мальчик в серой шубке. Он всплеснул руками и стал приплясывать, личико у него морщилось, как у тапира. Раздвинув ветви, он показал спрятанную среди развалин цирка крылатую лодку.

Он рассказал: — ночь прошла спокойно, перед рассветом раздался отдаленный грохот и появилось зарево. Он подумал, что сыны неба погибли, вскочил в лодку и полетел в убежище Аэлиты. Она также слышала взрыв, и с высоты скалы глядела на пожарище. Она сказала мальчику, — вернись в усадьбу и жди сына неба, если тебя схватят слуги Тускуба, — умри молча; если сын неба убит, проберись к его трупу, найди на нем каменный флакончик, привези мне.

Лось, стиснув зубы, выслушал рассказ мальчика. Затем Лось и Гусев пошли к озеру, смыли с себя кровь и пыль. Гусев вырезал из крепкого дерева дубину, без малого с лошадиную ногу.

Сели в лодку, взвились в сияющую синеву.

Гусев и механик завели лодку в пещеру, легли у входа и развернули карту. В это время, сверху, со скал, скатилась Иха. Глядя на Гусева, взялась за щеки. Слезы ручьем лились у нее из влюбленных глаз. Гусев радостно засмеялся.

Лось один спустился в пропасть к Священному Порогу. Будто крыло ветра несло его по крутым лесенкам, через узкие переходы и мостики. Что будет с Аэлитой, с ним, спасутся ли они, погибнут? — он не соображал: начинал думать и бросал. Главное, потрясающее будет то, что сейчас он снова увидит "рожденную из света звезд". Лишь заглядеться на худенькое, голубоватое лицо, — забыть себя в волнах радости, в находящих волнах радости.

Стремительно перебежав в облаках пара горбатый мост над пещерным озером, Лось, как и в прошлый раз, увидел по ту сторону низких колонн лунную перспективу гор. Он осторожно вышел на площадку, висящую над пропастью. Поблескивал тусклым золотом Священный Порог. Было знойно и тихо. Лосю хотелось с умилением, с нежностью поцеловать рыжий мох, прах, следы ног на этом последнем прибежище любви.

Глубоко внизу поднимались бесплодные острия гор. В густой синеве блестели льды. Пронзитель-

ная тоска сжало сердце. Вот — пепел костра, вот примятый мох, где Аэлита пела песню уллы. Хребтатая ящерица, зашипев, побежала по камням, и застыла, обернув головку.

Лось подошел к скале, к треугольной дверце, — приоткрыл ее и, нагнувшись, вошел в пещеру.

Освещенная с потолка светильней, спала среди белых подушечек, под белым покрывалом — Аэлита. Она лежала навзничь, закинув голый локоть за голову. Худенькое лицо ее было печальное и кроткое. Сжатые ресницы вздрагивали, — должно быть, она видела сон.

Лось опустился у ее изголовья и глядел, умиленный и взволнованный, на подругу счастья и скорби. Какие бы муки он вынес сейчас, чтобы никогда не омрачилось это дивное лицо, чтобы остановить гибель прелести, юности, невинного дыхания, — она дышала, и прядка волос, лежавшая на щеке, поднималась и опускалась.

Лось подумал о тех, кто в темноте лабиринта дышит, шуршит и шипит в глубоком колодце, ожидая часа. Он застонал от страха и тоски. Аэлита вздохнула, просыпаясь. Ее глаза, на минуту еще бессмысленные, глядели на Лося. Брови удивленно поднялись. Обеими руками она оперлась о подушки и села.

— Сын неба, — сказала она нежно и тихо, — сын мой, любовь моя…

Она не прикрыла наготы, лишь краска смущения взошла ей на щеки. Ее голубоватые плечи, едва развитая грудь, узкие бедра казались Лосю рожденными из света звезд. Лось продолжал стоять на коленях у постели, — молчал, потому что слишком велико было страдание — глядеть на возлюбленную. Горьковато-сладкий запах шел на него грозовой темнотой.

— Я видела тебя во сне, — сказала Аэлита, — ты нес меня на руках по стеклянным лестницам, уносил все выше. Я слышала стук твоего сердца. Кровь била в него и сотрясала. Томление охватило меня. Я ждала, — когда же ты остановишься, когда кончится томление? Я хочу узнать любовь. Я знаю только тяжесть и ужас томления… Ты разбудил меня, — она замолчала, брови поднялись выше. — Ты глядишь так странно. Ты же не чужой? Ты не враг?

Она стремительно отодвинулась в дальний край постели. Блеснули ее зубы. Лось тяжело проговорил:

— Иди ко мне.

Она затрясла головой. Глаза ее становились дикими.

— Ты похож на страшного ча.

Он сейчас же закрыл лицо рукой, весь сотрясся, пронизанный усилием воли, и оттого невидимое пламя охватило его, как огонь, пожирающий сухой куст. Густая и мутная тяжесть отлегла, — в нем все теперь стало огнем. Он отнял руку. Аэлита тихо спросила:

— Что?

— Не бойся, любовь моя.

Она придвинулась и опять прошептала:

— Я боюсь Хао. Я умру.

— Нет, нет. Смерть — иное. Я бродил ночью по лабиринту, я видел ее. Но я зову тебя — любовь. Стать одной жизнью, одним круговоротом, одним пламенем. Иначе — смерть, тьма. Мы исчезнем. Но это — живой огонь, жизнь. Не бойся Хао, сойди…

Он протянул к ней руки. Аэлита мелко, мелко дрожала, ресницы ее опускались, внимательное личико осунулось. Вдруг, так же стремительно, она поднялась на постели и дунула на светильник.

Ее пальцы запутались в снежных волосах Лося.

— Аэлита, Аэлита, — видишь — черный огонь!

За дверью пещеры раздался шум, будто жужжание множества пчел. Ни Лось, ни Аэлита не

слышали его. Воющий шум усиливался. И вот, из пропасти медленно поднялся военный корабль, царапая носом о скалы.

Корабль повис в уровень с площадкой. На край ее с борта упала лесенка. По ней сошли Тускуб и отряд солдат в панцырях, в бронзовых шапках.

Солдаты стали полукругом перед пещерой. Тускуб подошел к треугольной дверце и ударил в нее золотым набалдашником трости.

Лось и Аэлита спали глубоким сном. Тускуб обернулся к солдатам и приказал, указывая тростью на пещеру:

— Возьмите их.

БЕГСТВО

Военный корабль кружился некоторое время над скалами Священного Порога, затем — ушел в сторону Азоры, и где-то сел. Только тогда Иха и Гусев могли спуститься вниз. На истоптанной площадке они увидели Лося, — он лежал у входа в пещерку, лицом в мох, в луже крови.

Гусев поднял его на руки, — Лось был без дыхания, глаза и рот — плотно сжаты, на груди, на голове — запекшаяся кровь. Аэлиты нигде не было. Иха выла, подбирая в пещерке ее вещи. Она не нашла лишь плаща с капюшоном, — должно быть Аэлиту, мертвую или живую, завернули в плащ, увезли на корабле. Иха завязала в узелочек то, что осталось от "рожденной из света звезд", Гусев перекинул Лося через плечо, — и они пошли обратно через мосты над кипящим в тьме озером, по лесенкам, повисшим над туманной пропастью, — этим путем возвращался, некогда, Магацитл, неся привязанный к прялке полосатый передник девушки Аолов, — весть мира и жизни.

Наверху Гусев вывел из пещеры лодку, посадил в нее Лося, завернутого в простыню, — подтянул

кушак, надвинул глубже шлем и сказал сурово:

— Живым в руки не дамся. Ну уж если доберусь до земли, — мы вернемся. — Он влез в лодку, разобрал рули. — А вы, ребята, идите домой, или еще куда. Лихом не поминайте. — Он перегнулся через борт и за руку попрощался с механиком и Ихой. — Тебя с собой не зову, Ихошка, лечу на верную смерть. Спасибо, милая, за любовь, этого мы, сыны неба, не забываем, так-то. Прощай.

Он прищурился на солнце, кивнул в остатный раз, и взвился в синеву. Долго глядели Иха и мальчик в серой шубке на улетавшего сына неба. Они не заметили, что с юга, из-за лунных скал, поднялась, перерезая ему путь, крылатая точка. Когда он утонул в потоках солнца, Иха ударилась о мшистые камни в таком отчаянии, что мальчик испугался, — уж не покинула ли так же и она печальную Туму.

— Иха, Иха, — жалобно повторял он, — хо туа мурра, туа мурра…

Гусев не сразу заметил пересекавший ему путь военный корабль. Сверяясь с картой, поглядывая на уплывающие внизу скалы Лизиазиры, держал он курс на восток, к кактусовым полям, где был оставлен аппарат.

Позади него, в лодке, откинувшись, сидело

тело Лося, покрытое бьющей по ветру, липнущей простыней. Оно было неподвижно и казалось спящим, — в нем не было уродливой бессмысленности трупа. Гусев только сейчас почувствовал, как дорог ему товарищ, ближе родного брата.

Несчастье случилось так: Гусев, Ихошка и механик сидели тогда в пещере, около лодки, — смеялись. Вдруг, внизу раздались выстрелы. Затем, — дикий вопль. И через минуту из пропасти взлетел, как коршун, военный корабль, бросив на площадке бесчувственное тело Лося, — и пошел кружить, высматривать.

Гусев плюнул через борт, — до того опаршивел ему марс. "Только бы добраться до аппарата, влить Лосю глоток спирту". Он потрогал тело, — было оно чуть теплое: — с тех пор, как Гусев поднял его на площадке, — в нем не было заметно окоченения. "Бог даст — отдышится, — Гусев по себе знал слабое действие марсианских пуль. — Не слишком уж долго длится обморок". В тревоге он обернулся к солнцу, клонящемуся на закат и в это время увидел падающий с высоты корабль.

Гусев сейчас же повернул к северу, уклоняясь от встречи. Повернул и корабль, пошел по пятам. Время от времени на нем появлялись желтоватые дымки выстрелов. Тогда Гусев стал набирать вы-

соту, рассчитывая при спуске удвоить скорость и уйти от преследователя.

Свистал в ушах ледяной ветер, слезы застилали глаза, замерзали на ресницах. Стая неряшливо махающих крыльями, омерзительных ихи кинулась было на лодку, но промахнулась и отстала. Гусев давно уже потерял направление. Кровь била в виски, разреженный воздух хлестал ледяными бичами. Тогда полным ходом мотора Гусев пошел вниз. Корабль отстал и скрылся за горизонтом.

Теперь внизу расстилалась, куда только хватит глаз, меднокрасная пустыня. Ни деревца, ни жизни кругом. Одна только тень от лодки летела по плоским холмам, по волнам песка, по трещинам поблескивающей, как стекло, каменистой почвы. Кое-где на холмах бросали унылую тень развалины жилищ. Повсюду бороздили эту пустыню высохшие русла каналов.

Солнце клонилось ниже к ровному краю песков, разливалось медное, тоскливое сияние заката, а Гусев все видел внизу волны песка, холмы, развалины засыпаемой прахом умирающей тумы.

Быстро настала ночь. Гусев опустился и сел на песчаной равнине. Вылез из лодки, отогнул на

лице Лося простыню, приподнял его веки, прижался ухом к сердцу, — Лось сидел не живой и не мертвый. У него на мизинце Гусев заметил колечко и висящий на цепочке открытый флакончик.

— Эх, пустыня, — сказал Гусев отходя от лодки. Ледяные звезды загорались в необ'ятно-высоком, черном небе. Пески казались серыми от их света. Было так тихо, что слышался шорох песка, осыпающегося в глубоком следу ноги. Мучила жажда. Находила тоска. — Эх, пустыня! — Гусев вернулся к лодке, сел к рулям. Куда лететь? Рисунок звезд — дикий и незнакомый.

Гусев включил мотор, но винт, лениво покрутившись, остановился. Мотор не работал, — коробка со взрывчатым порошком была пуста.

— Ну, ладно, — негромко проговорил Гусев. Опять вылез из лодки, засунул дубину сзади, за пояс, вытащил Лося, — идем, Мстислав Сергеевич, — положил его на плечо и пошел, увязая по щиколотку. Шел долго. Дошел до холма, положил Лося на занесенные песком ступени какой-то лестницы, оглянулся на одинокую, в звездном свету, колонну на верху холма, и лег ничком. Смертельная усталость, как отлив, зашумела в крови.

Он не знал, — долго ли так пролежал без дви-

жения. Песок холодел, стыла кровь. Тогда Гусев сел, — в тоске поднял голову. Невысоко над пустыней стояла красноватая, мрачная звезда. Она была, как глаза большой птицы. Гусев глядел на нее, разинув рот? — Земля! — Схватил в охапку Лося и побежал в сторону звезды. Он знал теперь, в какой стороне лежит аппарат.

Со свистом дыша, обливаясь потом, Гусев переносился огромными прыжками через канавы, вскрикивал от ярости, спотыкаясь о камни, бежал, бежал, — и плыл за ним близкий, темный горизонт пустыни. Несколько раз Гусев ложился, зарываясь лицом в холодный песок, чтобы освежить хоть парами влаги запекшийся рот. Подхватывал товарища и шел, поглядывая на красноватые лучи земли. — Огромная его тень одиноко моталась среди мирового кладбища.

Взошла острым серпом ущербая Олла. В середине ночи взошла круглая Литха, — свет ее был кроток и серебрист, двойные тени легли от волн песка. Две эти странные луны поплыли, — одна ввысь, другая на ущерб. В свету их померк Талцетл. Вдали поднялись ледяные вершины Лизиазиры.

Пустыня кончалась. Было близко к рассвету. Гусев вошел в кактусовые поля. Повалил ударом

ноги одно из растений и жадно насытился шевелящимся, водянистым его мясом. Звезды гасли. В лиловом небе проступали розоватые края облаков. И вот, Гусев стал слышать будто удары железных вальков, — однообразный металлический стук, отчетливый в тишине утра.

Гусев скоро понял его значение: — над зарослями кактуса торчали три решетчатые мачты военного корабля, вчерашнего преследователя. Удары неслись оттуда, — это марсиане разрушали аппарат.

Гусев побежал под прикрытием кактусов и одновременно увидел и корабль и рядом с ним заржавелый, огромный горб аппарата. Десятка два марсиан колотили по клепаной его обшивке большими молотками. Видимо, работа только что началась. Гусев положил Лося на песок, вытащил из-за пояса дубину:

— Я вас, сукины дети! — не своим голосом завизжал Гусев, выскакивая из-за кактусов, — подбежал к кораблю и ударом дубины раздробил металлическое крыло, сбил мачту, ударил в борт, как в бочку. Из внутренности корабля выскочили солдаты. Бросая оружие, горохом посыпались с палубы, побежали врассыпную. Солдаты, разбивавшие аппарат, с тихим воем поползли по

бороздам, скрылись в зарослях. Все поле в минуту опустело, — так велик был ужас перед вездесущим, неуязвимым для смерти сыном неба.

Гусев отвинтил люк, подтащил Лося, и оба сына неба скрылись внутри яйца. Крышка захлопнулась. Тогда притаившиеся за кактусами марсиане увидели необыкновенное и потрясающее зрелище:

Огромное, ржавое яйцо, величиною в дом, загрохотало, поднялись из-под него коричневые облака пыли и дыма. Под страшными ударами задрожала тума. С ревом и громовым грохотом гигантское яйцо запрыгало по кактусовому полю. Повисло в облаках пыли, и, как метеор, — метнулось в небо, унося свирепых Магацитлов на их родину.

НЕБЫТИЕ

— Ну, что, Мстислав Сергеевич, — живы?

Обожгло рот. Жидкий огонь пошел по телу, по жилам, по костям. Лось раскрыл глаза. Пыльная звездочка горела над ним совсем низко. Небо было странное, — желтое, стеганое, как сундук. Что-то стучало, стучало мерными ударами, дрожала, дрожала пыльная звездочка.

— Который час?

— Часы-то остановились, вот горе, — ответил радостный голос.

— Мы давно летим?

— Давно, Мстислав Сергеевич.

— А куда?

— А к чорту на рога, — ничего не могу разобрать, куда мы залетели.

Лось опять закрыл глаза, силясь проникнуть в темную пустоту памяти, но пустота поднялась вокруг него чашей, и он снова погрузился в непроглядный сон.

Гусев укрыл его потеплее и вернулся к наблюдательным трубкам. Марс казался теперь меньше чайного блюдечка. Лунными пятнами выделялись на нем днища высохших морей, мертвые

пустыни. Диск тумы, засыпаемой песками, все уменьшался, все дальше улетал от него аппарат куда-то в кромешную тьму. Изредка кололо глаз лучиком звезды. Но сколько Гусев ни всматривался — нигде не было видно красной звезды.

Гусев зевнул, щелкнул зубами, — такая одолевала его скука от пустого пространства вселенной. Осмотрел запасы воды, пищи, кислорода, завернулся в одеяло и лег на дрожащий пол рядом с Лосем.

Прошло неопределенно много времени. Гусев проснулся от голода. Лось лежал с открытыми глазами, — лицо у него было в морщинах, старое, щеки ввалились. Он спросил тихо:

— Где мы сейчас?

— Все там же, Мстислав Сергеевич, — впереди пусто, кругом — пустыня.

— Алексей Иванович, мы были на марсе?

— Вам, Мстислав Сергеевич, должно быть совсем память отшибло.

— Да, у меня провал в памяти. Я вспоминаю, воспоминания обрываются как-то неопределенно. Не могу понять, — что было, а что — мои сны… Странные сны, Алексей Иванович… Дайте пить…

Лось закрыл глаза, и долго спустя спросил дрогнувшим голосом:

— Она — тоже сон?

— Кто?

Лось не ответил, видимо — опять заснул.

Гусев поглядел через все глазки в небо, — тьма, тьма. Натянул на плечи одеяло и сел, скорчившись. Не было охоты ни думать, ни вспоминать, ни ожидать. К чему? Усыпительно постукивало, подрагивало железное яйцо, несущееся с головокружительной скоростью в бездонной пустоте.

Проходило какое-то непомерно долгое, неземное время. Гусев сидел, скорчившись, в оцепенелой дремоте. Лось спал. Холодок вечности осаждался невидимой пылью на сердце, на сознание.

Страшный вопль разодрал уши. Гусев вскочил, тараща глаза. Кричал Лось, — стоял среди раскиданных одеял, — марлевый бинт сполз ему на лицо:

— Она жива!

Он поднял костлявые руки и кинулся на кожаную стену, колотя в нее, царапая:

— Она жива! Выпустите меня… Задыхаюсь… Не могу, не могу!..

Он долго бился и кричал, и повис, обессиленный, на руках у Гусева. И снова — затих, задремал.

Гусев опять скорчился под одеялом. Угасали, как пепел, желания, коченели чувства. Слух привык к железному пульсу яйца и не улавливал более звуков. Лось бормотал во сне, стонал, иногда лицо его озарялось счастьем. Гусев глядел на спящего и думал:

"Хорошо тебе во сне, милый человек. И не надо, не просыпайся, спи, спи!.. Хоть во сне поживешь. А проснешься — сядешь, вот так-то, на корточки, под одеялом, — дрожи, как ворон на мерзлом сучке. Ах, ночь, ночь, конец последний… Ничего-то человеку, оказывается, не надо"…

Ему не хотелось даже закрывать глаз, — так он и сидел, глядел на какой-то поблескивающий гвоздик… Наступало великое безразличие, надвигалось небытие.

Так, пронеслось непомерное пространство времени.

Послышались странные шорохи, постукивания, прикосновения каких-то тел снаружи о железную обшивку яйца.

Гусев открыл глаза. Сознание возвращалось, он стал слушать, — казалось — аппарат продвигается среди скоплений камней и щебня. Что-то навалилось, и поползло по стене. Шумело, шуршало. Вот, ударило в другой бок, — аппарат

затрясся. Гусев разбудил Лося. Они поползли к наблюдательным трубкам, и сейчас же оба вскрикнули.

Кругом, в тьме, расстилались поля сверкающих, как алмазы, осколков. Камни, глыбы, кристаллические грани сияли острыми лучами. За огромной далью этих алмазных полей в черной ночи висело косматое солнце.

— Должно быть мы проходим голову кометы, — шопотом сказал Лось. — Включите реостаты. Нужно выйти из этих полей, иначе комета увлечет нас к солнцу.

Гусев полез к верхнему глазку, Лось стал к реостатам. Удары в обшивку яйца участились, усилились. Гусев покрикивал сверху: — "Легче — глыба справа... Давайте полный... Гора, гора летит... Проехали... Ходу, ходу, Мстислав Сергеевич".

ЗЕМЛЯ

Алмазные поля были следами прохождения блуждавшей в пространствах кометы. Долгое время аппарат, втянутый в ее тяготение, пробирался среди небесных камней. Скорость его непрестанно увеличивалась, действовали абсолютные законы математики, — понемногу направление полета яйца и метеоритов изменилось: образовался все расширяющийся угол. Золотистая туманность, — голова неведомой кометы и ее след — потоки метеоритов — уносились по гиперболе — безнадежной кривой, чтобы, обогнув солнце, снова исчезнуть в пространствах. Кривая полета аппарата все более приближалась к эллипсису.

Почти неосуществимая надежда возврата на землю пробудила к жизни Лося и Гусева. Теперь, не отрываясь от глазков, они наблюдали за небом. Аппарат сильно нагревался с одной стороны солнцем, — пришлось снять всю одежду.

Алмазные поля остались далеко внизу: — казались искорками, — стали беловатой туманностью и исчезли. И вот, в огромной дали был найден Сатурн, переливающийся радужными кольцами,

окруженный спутниками. Яйцо, притянутое кометой, возвращалось в солнечную систему, откуда было вышвырнуто центробежной силой марса.

Одно время тьму прорезывала светящаяся линия. Скоро и она побледнела, погасла: — это были астероиды, таинственные маленькие планеты, бесчисленным роем вьющиеся вокруг солнца. Сила их тяготения еще сильнее изогнула кривую полета яйца. Наконец, в одно из верхних глазков Лось увидел странный, ослепительный, узкий серп, — это был Люцифер. Почти в то же время, Гусев, наблюдавший в другой глазок, страшно засопел и обернулся, — потный, красный.

— Она, ей-богу, она…

В черной тьме тепло сиял серебристо-синеватый шар. В стороне от него и ярче светился шарик, величиной с ягоду смородины. Аппарат мчался немного в сторону от них. Тогда Лось решился применить опасное приспособление — поворот горла аппарата, чтобы отклонить ось взрывов от траэктории полета. Поворот удался. Направление стало изменяться. Теплый шарик понемногу перешел в зенит.

Летело, летело пространство времени. Лось и Гусев то прилипали к наблюдательным трубкам,

то валились среди раскиданных шкур и одеял. Уходили последние силы. Мучила жажда, но вода вся была выпита.

И вот, в полузабытьи, Лось увидел, как шкуры, одеяла и мешки поползли по стенам. Повисло в воздухе голое тело Гусева. Все это было похоже на бред. Гусев оказался лежащим ничком у глазка. Вот он приподнялся, бормоча схватился за грудь, замотал вихрастой головой, — лицо его залилось слезами, усы обвисли:

— Родная, родная, родная…

Сквозь муть сознания Лось все же понял, что аппарат повернулся и летит горлом вперед, увлекаемый тягой земли. Он пополз к реостатам и повернул их, — яйцо задрожало, загрохотало. Он нагнулся к глазку.

Во тьме висел огромный, водяной шар, залитый солнцем. Голубыми казались океаны воды, зеленоватыми — очертания островов. Облачные поля застилали какой-то материк. Влажный шар медленно поворачивался. Слезы мешали глядеть. Душа, плача от любви, летела, летела навстречу голубовато-влажному столбу света. Родина человечества. Плоть жизни. Сердце мира.

Шар земли закрывал полнеба. Лось до отказа повернул реостаты. Все же полет был стремите-

лен, — оболочка накалилась, закипел резиновый кожух, дымилась кожаная обивка. Последним усилием Гусев повернул крышку люка. В щель с воем ворвался ледяной ветер. Земля раскрывала об'ятия, принимая блудных сынов.

Удар был силен. Обшивка лопнула. Яйцо глубоко вошло горлом в травянистый пригорок.

Был полдень, воскресенье третьего июня. На большом расстоянии от места падения, — на берегу озера Мичиган, — катающиеся на лодках, сидящие на открытых террасах ресторанов и кофеен, играющие в теннис, гольф, футбол, запускающие бумажные змеи в теплое небо, все это множество людей, выехавших в день воскресного отдыха, — насладиться прелестью зеленых берегов, шумом июньской листвы, — слышали в продолжение пяти минут странный, воющий звук.

Люди, помнившие времена мировой войны, говорили, оглядывая небо, что так, обычно, ревели снаряды тяжелых орудий. Затем многим удалось видеть быстро скользнувшую на землю круглую тень.

Не прошло и часа, как большая толпа собралась у места падения аппарата. Любопытствующие бежали со всех сторон, перелезали через изгороди,

мчались на автомобилях, на лодках по синему озеру. Яйцо, покрытое коркой нагара, помятое и лопнувшее, стояло, накренившись, на пригорке. Было высказано множество предположений, одно другого нелепее. В особенности же в толпе началось волнение, когда была прочитана, вырубленная зубилом на полуоткрытой крышке люка, надпись: "Вылетели из Петербурга 18 августа 21 года". Это было тем более удивительно, что сегодня было третьего июня 25 года.

Когда, затем, из внутренности таинственного аппарата послышались слабые стоны, — толпа в ужасе отодвинулась и затихла. Появился отряд полиции, врач и двенадцать корреспондентов с фотографическими аппаратами. Открыли люк и с величайшими предосторожностями вытащили из внутренности яйца двух полуголых людей: — один, худой, как скелет, старый, с белыми волосами, был без сознания, другой, с разбитым лицом и сломанными руками, — жалобно стонал. В толпе раздались крики сострадания, женский плач. Небесных путешественников положили в автомобиль и повезли в больницу.

Хрустальным от счастья голосом пела птица за открытым окном. Пела о солнечном луче, о медовых кашках, о синем небе. Лось, неподвижно

лежа на подушках, — слушал. Слезы текли по морщинистому лицу. Он где-то уже слышал этот хрустальный голос любви. Но — где, когда?

За окном, с полуоткинутой, слегка надутой утренним ветром шторой, сверкала сизая роса на траве. Влажные листья двигались тенями на шторе. Пела птица. Вдали из-за леса поднималось облако клубами белого дыма.

Чье-то сердце тосковало по этой земле, по облакам, по шумным ливням и сверкающим росам, по великанам, бродящим среди зеленых холмов… Он вспомнил, — птица пела об этом: Аэлита, Аэлита… Но была ли она? Или только пригрезилась? Нет. Птица бормочет стеклянным язычком о том, что некогда женщина, голубоватая, как сумерки, с печальным, худеньким личиком, сидя ночью у костра, глядя на огонь, — пела песню любви.

Вот отчего текли слезы по морщинистым щекам Лося. Птица пела о той, кто осталась в небе, за звездами, и о той, кто лежит под холмиком, под крестом, и о седом и морщинистом старом мечтателе, облетевшем небеса и разбившемся, — вот он снова — один, одинок.

Ветер сильнее надул штору, нижний край ее мягко плеснул, — в комнату вошел запах меда, земли, влаги.

В одно такое утро в больнице появился Арчибальд Скайльс. Он крепко пожал руку Лося, — "Поздравляю, дорогой друг", — и сел на табурет около постели, сдвинул канотье на затылок:

— Вас сильно подвело за это путешествие, старина, — сказал он, — только что был у Гусева, вот тот молодцом, руки в гипсе, сломана челюсть, но все время смеется, — очень доволен, что вернулся. Я послал в Петербург его жене телеграмму, пятьсот фунтов. По поводу вас — телеграфировал в газету, — получите огромную сумму за "Путевые наброски". Но вам придется усовершенствовать аппарат, — вы плохо опустились. Чорт возьми — подумать, — прошло почти четыре года с этого сумасшедшего вечера в Петербурге. Кстати — когда вернетесь в Петербург — разинете рот, — теперь это один из шикарнейших городов в Европе. Ба, вы же ничего не знаете... Советую вам, старина, выпить рюмку хорошего коньяку, это вернет вас к жизни, — он вытащил из желтого портфельчика бутылку, — ба, этого вы тоже не знаете: — мы же опять "мокры", как утопленники...

Скайльс болтал, весело и заботливо поглядывая на собеседника, — лицо у него было загорелое, беспечное, на подбородке — ямочка. Лось негром-

ко засмеялся и протянул ему руку:

— Я рад, что вы пришли, вы славный человек, Скайльс.

ГОЛОС ЛЮБВИ

Облака снега летели вдоль Ждановской набережной, ползли покровами по тротуарам, сумасшедшие хлопья крутились у качающихся фонарей, засыпало под'езды и окна, за рекой метель бушевала в воющем во тьме парке.

По набережной шел Лось, подняв воротник и согнувшись навстречу ветру. Темный шарф вился за его спиной, ноги скользили, лицо секло снегом. В обычный час он возвращался с завода домой, в одинокую квартиру. Жители набережной привыкли к его широкополой, глубоко надвинутой шляпе, к шарфу, закрывающему низ лица, к сутулым плечам, и даже, когда он кланялся и ветер взвивал его поредевшие, белые волосы, — никого уже более не удивлял странный взгляд его глаз, видевших однажды то, что нельзя видеть земнородному.

В иные времена какой-нибудь юный поэт непременно бы вдохновился его сутулой фигурой с развевающимся шарфом, бредущей среди снежных облаков. Но времена теперь были иные: поэтов восхищали не вьюжные бури, не звезды, не заоблачные страны, — но — стук молотков по

всей стране, шипенье пил, шорох серпов, свист кос, — веселые, земные песни. В стране в этот год начаты были постройкою небывалые, так называемые "голубые города".

Прошло полгода со дня возвращения Лося на землю. Улеглось неистовое любопытство, охватившее весь мир, когда появилась первая телеграмма о прибытии с марса двух людей. Лось и Гусев с'ели положенное число блюд на ста пятидесяти банкетах, ужинах и ученых собраниях. Гусев продал камушки и золотые безделушки, привезенные с марса, — нарядил жену-Машу, как куклу, дал несколько сот интервью, завел себе собаку, огромный сундук для одежи и мотоциклет, стал носить круглые очки, проигрался на скачках, одно время раз'езжал с импрессарио по Америке и Европе, рассказывая про драки с марсианами, про пауков и про кометы, про то, как они с Лосем едва не улетели на большую медведицу, — изолгался вконец, заскучал, и, вернувшись в Россию, основал "Ограниченное Капиталом Акционерное Общество для Переброски Воинской Части на Планету марс в Целях Спасения Остатков его Трудового Населения".

Лось работал в Петербурге на механическом заводе, где строил универсальный двигатель

марсианского типа. Предполагалось, что его двигатель перевернет все устои механики, все несовершенства мировой экономики. Лось работал не щадя сил, хотя мало верил в то, что какая бы то ни было комбинация машин способна разрешить трагедию всеобщего счастья.

К шести часам вечера он, обычно, возвращался домой. Ужинал в одиночестве. Перед сном раскрывал книгу, — детским лепетом казались ему строки поэта, детской болтовней — измышления романиста. Погасив свет, он долго лежал, глядел в темноту, — текли, текли одинокие мысли.

В положенный час Лось проходил сегодня по набережной. Облака снега взвивались в высоту, в бушующую вьюгу. Курились карнизы, крыши. Качались фонари. Спирало дыхание.

Лось остановился и поднял голову. Ледяной ветер разорвал вьюжные облака. В бездонно-черном небе переливалась звезда. Лось глядел на нее безумным взором, — алмазный луч ее вошел в сердце… "Тума, тума, звезда печали"… Летящие края облаков снова задернули бездну, скрыли звезду. В это короткое мгновение в памяти Лося с ужасающей ясностью пронеслось видение, всегда до этого ускользавшее от него…

.....

Сквозь сон послышался шум, будто сердитое жужжание пчел. Раздались резкие удары, — стук. Спящее тело Аэлиты вздрогнуло, она вздохнула, пробуждаясь, и затрепетала. Он не видел ее в темноте пещерки, лишь чувствовал, как стремительно бьется ее сердце. Стук в дверь повторился. Раздался снаружи голос Тускуба: — "Возьмите их". Лось схватил Аэлиту за плечи. Она едва слышно сказала:

— Муж мой, сын неба, прощай.

Ее пальцы быстро скользнули по его платью. Тогда Лось ощупью стал искать ее руку и отнял у нее флакончик с ядом. Она быстро, быстро, — одним дыханием, — забормотала ему в ухо:

— На мне запрещение, я посвящена царице Магр… По древнему обычаю, страшному закону Магр — девственницу, преступившую запрет посвящения, бросают в лабиринт, в колодезь… Ты видел его… Но я не могла противиться любви, сын неба. Я счастлива. Благодарю тебя за жизнь. Ты сжег мой разум. Ты вернул меня в тысячелетия хао, во влагу жизни. Благодарю тебя за смерть, муж мой…

Аэлита поцеловала его, и он почувствовал горь-

кий запах яда на ее губах. Тогда он выпил остатки темной влаги, — ее было много во флакончике: Аэлита едва успела коснуться его. Удары в дверь заставили Лося подняться, но сознание уплывало, руки и ноги не повиновались. Он вернулся к постели, упал на тело Аэлиты, обхватил ее.

Он не пошевелился, когда в пещерку вошли марсиане. Они оторвали его от жены, прикрыли ее и понесли. Последним усилием он рванулся за краем ее черного плаща, но вспышки выстрелов, тупые удары отшвырнули его назад к золотой дверце пещеры…

.....

Преодолевая ветер, Лось побежал по набережной. И снова остановился, закрутился в снежных облаках, и так же, как тогда, — в тьме небесной, — крикнул исступленно:

— Жива, жива!.. Немыслимо!.. Нет, невозможно!.. Аэлита, Аэлита!..

Ветер бешеным порывом подхватил это, впервые произнесенное на земле имя, развеял его среди летящих снегов. Лось сунул подбородок в шарф, засунул руки глубоко в карманы, побрел, шатаясь, к дому.

У под'езда стоял автомобиль. Белые мухи кру-

тились в дымных столбах его фонарей. Человек в косматой шубе приплясывал морозными подошвами по тротуару.

— Я за вами, Мстислав Сергеевич, — крикнул он весело, — пожалуйте в машину, едем.

Это был Гусев. Он наскоро об'яснил: сегодня, в семь часов вечера радиотелефонная станция Марсова поля ожидает, — как и всю эту неделю, подачу неизвестных сигналов чрезвычайной силы. Шифр их непонятен. Целую неделю газеты всех частей света заняты догадками по поводу этих сигналов, — есть предположение, что они идут с марса. Заведующий радиостанцией Марсова поля приглашает Лося сегодня вечером принять таинственные волны.

Лось молча прыгнул в автомобиль. Бешено заплясали белые хлопья в конусах света. Рванулся вьюжный ветер в лицо. Миновали мост, Васильевский остров, пролетели Николаевским мостом над снежной пустыней Невы, — отсюда было видно лиловое зарево города, сияние фонарей на мрачной набережной, направо — огни заводов. Вдали исступленно выла сирена ледокола, где-то ломающего льды. Миновали многолюдный Невский, залитый светом тысячи окон, огненных букв, стрел, крутящихся колес

над крышами. Лось, сжав руки в рукавах пальто, опустив голову, постукивал зубами.

Под свистящими деревьями Марсова поля, у домика с круглой крышей автомобиль стал. Пустынно выли решетчатые башни и проволочные сети, утонувшие в снежных облаках. Лось распахнул заметенную сугробом дверцу, вошел в теплый домик, сбросил шарф и шляпу. Румяный, толстенький человек стал что-то об'яснять ему, держа его ледяную руку в пухлых ладонях. Лось отметил только — запах сигары и большую бородавку сбоку носа у начальника радио. Стрелка часов подходила к семи.

Лось сел у приемного аппарата, надел слуховой шлем. Стрелка часов ползла. О время, — таинственные сроки, удары сердца, ледяное пространство вселенной, где летят эти развернутые времена!

И вот, медленный шопот раздался под шлемом в его ушах. Лось сейчас же закрыл глаза. Снова — повторился отдаленный тревожный, медленный шопот. Повторялось какое-то странное слово. Лось напряг слух. Словно тихая молния пронзил его неистовое сердце далекий голос, повторявший печально на неземном языке:

— Где ты, где ты, где ты?

Голос замолк. Лось глядел перед собой побелевшими, расширенными глазами… Голос Аэлиты, любви, вечности, голос тоски, летит по всей вселенной, зовя, призывая, клича, — где ты, где ты, любовь?..
